

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКАГО

И

ПАМЯТОНИЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ,

ИЗДАВАНІЕ:

И. Песочкинъ.

Х.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ,

1842.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Цензоръ: П. Корсаков

2281

І. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ПАВЕЛЬ ПАВЛОВИЧЪ

СЪ СУПРУГОЙ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи, П. А. Каратыгина.

(Сюжетъ заимствованъ изъ старинной комедіи).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Павель Павловичъ Радущинъ, начальникъ отдѣленія въ департаментѣ.

Наталья Сергѣевна, супруга его.

Иванъ Павловичъ, братъ его, отставной капитанъ.

Павель Павловичъ, племянникъ ихъ.

Путаловъ, отставной Штабсъ Ротмистръ.

Машенька, дочь его.

Даша { горничная Наталья Сергѣевна

Марфа {

Степанъ, слуга Радущина.

Дѣйствіе въ Петербургѣ.

Комната.

ЯВЛЕНІЕ І.

Павель Павловичъ и Даша.

Павель Павловичъ.

Что такое ты говоришь?

Даша.

Я ужъ вамъ рассказывала....

Павель Павловичъ.

Я ничего не понялъ; начини снова....

Даша.

Ну, вотъ-съ, теперь Наталья Сергѣев-

на сидятъ у окошка и васъ дожидаются.

Павель Павловичъ.

Да прежде-то что было?

Даша.

Онъ извоили получить какое-то письмо, прочли его потихоньку, а потомъ громко закричали: «Ахъ чудовище!».

Павель Павловичъ.

Чудовище! Это вѣрно про меня.... Потомъ что?...

Даша.

Ну, вотъ-съ, какъ закричали: чудовище! я къ нимъ подбѣжала, глядь онѣ словно кофій жарили... такъ всѣ и вспыхнули...

Павелъ Павловичъ.

Потомъ?

Даша.

Потомъ спросили воды.

Павелъ Павловичъ.

Ну, это хорошо... потомъ....

Даша.

Потомъ мнѣ сдѣлалось дурно.

Павелъ Павловичъ.

Ну, это не хорошо.... потомъ?

Даша.

Потомъ онѣ меня выслали вонъ, и я больше ничего не знаю.

Павелъ Павловичъ.

Охъ! Опять проклятая ревность; каждый день одно и то же. Да что это за письмо, кто его принесъ?

Даша.

Съ городской почты-съ....

Павелъ Павловичъ.

Ну, такъ!... Ужъ эта мнѣ городская почта; только сплетни по городу разносить, да ссорить женъ съ мужьями.... Вотъ, не успѣлъ приѣхать изъ департамента, писалъ, писалъ, тутъ бы отдохнуть, а здѣсь опять какое-то проклятое письмо!.. Нѣтъ, слуга покорный, я лучше уѣду куда нибудь, пока она уходится. Дашенька, душенька! я тебѣ ситцу въ два рубля куплю, только доставь мнѣ какъ нибудь это письмо.

Даша.

Да какъ же-съ?

Павелъ Павловичъ.

Поди, посмотри въ замочную щелочку, куда она его положила.

Даша.

Какъ можно-съ!

Павелъ Павловичъ.

Можно, ей Богу, можно.... Сдѣлай мнѣ

лость; я въ долгу не останусь: самъ тебѣ услужу, честное слово, услужу....

ЯВЛЕНИЕ II

Тѣ же и Наталья Сергѣевна (которая вошла при послѣднихъ его словахъ).

Наталья Сергѣевна.

Прекрасно! Безподобно!

Павелъ Павловичъ.

Ну, попался!

Наталья Сергѣевна.

Очень, очень хорошо!... «Самъ услужу;» услужу служанкѣ.... «Честное слово....» Какъ это благородно.

Павелъ Павловичъ.

Да я только хотѣлъ ей сказать....

Наталья Сергѣевна (Дашѣ).

Поди вонъ!

Даша.

Да я, сударыня, только....

Наталья Сергѣевна.

Поди вонъ!... Сегодня же тебѣ отдать твой паспортъ....

Даша.

Помилуйте, сударыня, я.

Наталья Сергѣевна.

Вонъ съ глазъ моихъ, чтобъ я тебя никогда не видала.

Даша.

Скажите барынѣ, что я ни въ чемъ не виновата.

Наталья Сергѣевна.

Уйдетъ ли она, сударь; скажите ей, чтобъ она ушла.

Павелъ Павловичъ.

Поди, поди, Даша (тихо). Послѣ, послѣ.... (Даша уходитъ). Ну, что-то будетъ!

Наталья Сергѣевна.

Послушайте сударь; въ васъ нѣтъ ни стыда, ни совѣсти!

Павелъ Павловичъ.

Слушаю-съ!

Наталья Сергѣевна.

И вамъ, послѣ этого, не стыдно смотреть мнѣ прямо въ глаза?

Павелъ Павловичъ.

Помилуйте, мнѣ пока не за что на васъ коситься....

Наталья Сергѣевна.

И вы еще смѣете подшучивать?

Павелъ Павловичъ.

Ни сколько; я не шута растерялся, не знаю что и подумать.

Наталья Сергѣевна.

Скажите лучше, что я должна думать о васъ?

Павелъ Павловичъ.

Да въ чемъ я виноватъ?

Наталья Сергѣевна.

Въ чемъ? въ чемъ? во-первыхъ, я васъ застала съ горничной....

Павелъ Павловичъ.

Это первое было слѣдствіе втораго; я только спрашивалъ, что съ вами случилось безъ меня....

Наталья Сергѣевна.

А! она ужъ успѣла вамъ перенести?

Павелъ Павловичъ.

Да-съ, во-первыхъ письмо было, вѣроятно, адресовано ко мнѣ?

Наталья Сергѣевна.

Во-первыхъ: вы негодий, сударь!

Павелъ Павловичъ.

Ну, ужъ извините, это я слышу не во-первыхъ, это почти каждый день; только въ чемъ мое преступленіе, отъ кого это письмо?

Наталья Сергѣевна.

Это вы знаете лучше меня.

Павелъ Павловичъ.

Клянусь вамъ....

Наталья Сергѣевна.

Да, ваши клятвы много значатъ! Вы, вѣрно, такъ же клялись и той дѣвушкѣ....

Павелъ Павловичъ.

Какой дѣвушкѣ?

Наталья Сергѣевна.

Дѣвушкѣ, которую вы обманули.

Павелъ Павловичъ.

Ну, хоть зарѣжь, ничего не понимаю.

Наталья Сергѣевна (подавая письмо).

Читайте, сударь! Читайте же... рука вамъ вѣрно знакома.

Павелъ Павловичъ.

Въ первый разъ вижу.

Наталья Сергѣевна.

Читайте!

Павелъ Павловичъ.

«Его Высокоблагородію Павлу Павловичу Радущину...» Это мужская рука... ревновать, кажется, нечего.

Наталья Сергѣевна.

Читайте.

Павелъ Павловичъ.

«Дочь моя вчера убѣжала; я увѣренъ, что ее соблазнили вы, и кончу съ вами по-военному. Назначьте часъ и мѣсто.» Вотъ это мѣсто въ письмѣ очень неприятно. Да кто же это пишетъ? «Путаловъ.» А!

Наталья Сергѣевна.

А! что? теперь вы поняли въ чемъ дѣло?

Павелъ Павловичъ.

Понялъ.

Наталья Сергѣевна.

Ну, сударь?

Павелъ Павловичъ.

Это письмо не ко мнѣ....

Наталья Сергѣевна.

Не къ вамъ, а адресъ?

Павелъ Павловичъ.

Ничего не значить; это должно быть къ моему племяннику.

Наталья Сергѣевна.

Къ племяннику?

Павелъ Павловичъ.

Вѣроятно; вы знаете, что его зовутъ тоже Павломъ Павловичемъ, фамилія однакова; онъ живетъ тоже въ Итальянской, только на Фонтанкѣ, а мы на Литей-

ной... и, по какому-то несчастному стеченію обстоятельствъ, нашъ домъ купца Бочкова, а его Боченкова.... ошибка почтціона, вотъ и все.

Наталья Сергѣевна.

Прекрасно! Какъ вы хитро сочинили... и вамъ было время придумать эту отговорку.... но меня вы не обманите!... Отдайте мнѣ это письмо.... я его теперь же въ оригиналѣ pošлю моей матушкѣ.... Она вѣчно за васъ заступается; она же уговорила меня выйти за васъ.... Пусть же она полюбуется на своего зятя... пусть увидитъ, что я самая несчастная женщина... а завтра это письмо я отправлю къ Оберъ-Полиціеистеру, и буду просить развода.... Всѣ узнаютъ, что вы извергъ, чудовище!... Прочь, прочь, не смѣйте мнѣ на глаза показываться.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Павелъ Павловичъ одинъ, потомъ Иванъ Павловичъ и племянникъ.

Павелъ Павловичъ.

Ну, конченъ балъ.... Начнется катавасія... Пошла, поѣхала! Дѣло дойдетъ до полиціи.... и меня, начальника отдѣленія... Чортъ возьми!... Это ужъ изъ рукъ вонъ!...

(Иванъ Павловичъ и племянникъ входятъ).

Иванъ Павловичъ.

Здорово, братъ.

Племянникъ.

Здравствуйте, дядюшка.

Павелъ Павловичъ (ходя по комнатѣ).

А! это вы? Очень кстати!

Иванъ Павловичъ.

Что съ тобой? Что ты расхотѣлся?... Понимаю, понимаю, супружескія удовольствія; старая пѣсня—съ новыми варіаціями.

Павелъ Павловичъ.

Хороши варіаціи; отъ нихъ приходится мнѣ волкомъ быть.

Племянникъ.

Что такое случилось?

Павелъ Павловичъ.

Что случилось? Васъ зовутъ Павломъ Павловичемъ.

Племянникъ.

Что-съ?

Павелъ Павловичъ.

Васъ зовутъ Павломъ Павловичемъ, фамиліи наши одинаковы?

Племянникъ.

Такъ что же?

Павелъ Павловичъ.

Ну, больше ничего.

Иванъ Павловичъ.

Что же, это вѣрно фамиліи не пріятности?

Павелъ Павловичъ.

Вы живете въ Италіанской, въ домѣ Боченкова?

Иванъ Павловичъ.

Что за вопросы?

Павелъ Павловичъ.

А, вотъ что! Въ одной Италіанской кутать, а въ другой терпять въ чужомъ пиру похмѣлье.

Племянникъ.

Объяснитесь, пожалуйста?

Павелъ Павловичъ.

Кажется, это довольно ясно.

Иванъ Павловичъ.

Нѣтъ, братъ, темна вода во облацѣхъ...

Павелъ Павловичъ.

Ну, такъ спроси же у нашего племянника: гдѣ теперь его Машенька Путалова?

Племянникъ.

Какъ гдѣ? Она живетъ на Выборгской.

Павелъ Павловичъ.

Да, можетъ быть, за Выборгской заставой! Вы вчера ее увезли, а меня сегодня доѣзжаютъ!

Племянникъ.

Я увезъ? Сохрани Богъ... я никогда не рѣшусь...

Павелъ Павловичъ.

Какъ бы не такъ; письмо ея отца ясно говорить...

Племянникъ.

Письмо ея отца?...

Павелъ Павловичъ.

Да, оно пошло съ больной головы на здоровую.

Племянникъ.

Гдѣ же это письмо; дайте мнѣ его.

Павелъ Павловичъ.

Оно у моей жены!

Иванъ Павловичъ.

Ну, «птиль на завтракъ!»

Племянникъ.

Я бѣгу къ ней... все узнаю и оправдаю себя и васъ... Это ужасно!

(Убѣгаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Павелъ Павловичъ и Иванъ Павловичъ.

Иванъ Павловичъ.

Чортъ возьми, въ самомъ дѣлѣ, это что-то непонятно; племянникъ намъ вѣрно бы признался; а у васъ вѣрно опять была перестрѣлка?

Павелъ Павловичъ.

Да, братецъ, ты знаешь мою Наташу: она въ меня влюблена, какъ кошка.

Иванъ Павловичъ.

А тебѣ кажется, что сильнѣе кошки и звѣря нѣтъ.

Павелъ Павловичъ.

Посмотрѣлъ бы ты, какимъ звѣремъ она теперь глядитъ.

Иванъ Павловичъ.

О, я воображаю! страшно взглянуть... ха, ха, ха!

Павелъ Павловичъ.

Женилъ бы я тебя, голубчика, такъ посмотрѣлъ бы твою храбрость.

Иванъ Павловичъ.

Нѣтъ, Богъ меня помиловалъ. Десять лѣтъ въ отставкѣ капитаномъ, такъ поздно итти въ рядовые..., и послѣ твоей женитьбы я рѣшился остаться холостякомъ.

Павелъ Павловичъ.

То-то; тебѣ хорошо шутить, а каково-то мнѣ?

Иванъ Павловичъ.

Самъ виноватъ. Если бъ сначала умѣлъ взять ее въ руки, такъ дѣло-то было бы другое.

Павелъ Павловичъ.

Охъ... теперь время ушло.

Иванъ Павловичъ.

Пусть! раскаяваться никогда не поздно. Пугни-ка ее хорошенько.

Павелъ Павловичъ.

Пугни! вотъ хорошо! Пугни, когда я самъ боюсь ее, какъ огня!

Иванъ Павловичъ.

Вода холодна, а тушить огонь... Да! холодное благоразуміе уймешь женскую горячку и всѣ лихія болести.

Павелъ Павловичъ.

Какъ бы не такъ, тутъ пойдутъ обмороки, спазмы.

Иванъ Павловичъ.

Женскимъ обморокамъ вполонувѣрь, а спазмы дѣло закрытое. Эй, послушайся моего совѣта.

Павелъ Павловичъ.

Да, совѣтникомъ-то быть хорошо....

Иванъ Павловичъ.

Ну, какимъ еще совѣтникомъ, вопросъ. Вотъ, ты надворный, а хуже канцелярскаго чиновника... Образуется, батюшка... вѣдь тебѣ ужъ подъ сорокъ, а ты ребячешься.

Павелъ Павловичъ.

Что жъ мнѣ дѣлать?

Иванъ Павловичъ.

Дѣлай все по-своему: уходи со двора, когда захочешь, приходи, когда вздумается, однимъ словомъ, покажи, что ты господниъ въ дому.

Павелъ Павловичъ.

Да, конечно, оно было бы очень хорошо, да....

Иванъ Павловичъ.

Что, да? Ты каждый день трусу празднуешь, такъ всегда и будешь отъ жены съ праздникомъ.

Павелъ Павловичъ.

Я трушу?

Иванъ Павловичъ.

Разумѣется.... баба-бабой. Чортъ возьми, будь молодцомъ, и дѣло съ концомъ.

Павелъ Павловичъ.

А спазмы? а обмороки?

Иванъ Павловичъ.

Далась ему эти глупости! Не смотри на нихъ. Это просто фарса, въ которой ты играешь самую жалкую роль; а попробуй-ка съ ней сыграть комедію, такъ все какъ рукой сниметъ, и ты самъ скажешь спасибо!

Павелъ Павловичъ.

Ну, такъ хорошо же! Спасибо! Попробую.... была ли была!

Иванъ Павловичъ.

Прекрасно!

Павелъ Павловичъ.

Начать съ того.... Кой чортъ, съ чего бы начать?...

Иванъ Павловичъ.

Ну, напримѣръ: чего бы тебѣ сегодня хотѣлось?

Павелъ Павловичъ.

Сегодня?... Сегодня привезли самыя свѣжія устрицы.

Иванъ Павловичъ.

Ну, поѣдемъ къ Смурову; вели заложить коляску.

Павелъ Павловичъ.

Да, можетъ коляска-то нужна жентъ....

Иванъ Павловичъ.

Ха, ха! вотъ ужъ и на понятный.

Павелъ Павловичъ.

На понятный?... я на понятный? Хорошо же. (Звонитъ.) Эй, Степанъ! Степанъ! Посмотри, какъ начну хозяйничать!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Степанъ.

Павелъ Павловичъ.

Степанъ! вели заложить коляску.

Степанъ.

Слушаю-съ, это вѣрно для барыни? Прикажете надѣть мнѣ ливрею новую или старую?

Павелъ Павловичъ.

Ни какой не нужно.... Я поѣду.

Степанъ.

Съ барыней?

Павелъ Павловичъ.

Одинъ... и скажи тамъ, что я не буду дома обѣдать.

Степанъ.

Слушаю-съ; а какъ же, барыня-то, не поѣдетъ?

Павелъ Павловичъ.

Далась ему эта барыня! А я-то что? не баринъ, что ли?

Степанъ.

Такъ вы въ коляскѣ поѣдете?

Павелъ Павловичъ.

Да, я, я, я, дуракъ!

Иванъ Павловичъ.

Насилу дѣло сказалъ.

Степанъ (уходя).

Слушаю-съ; пойду, скажу барынѣ.

Павелъ Павловичъ (въ сторону).

Ну, начало сдѣлано. Ухъ, я такъ разгорячился, что ничего не вида, морозъ по кожѣ подираетъ.

Иванъ Павловичъ.

Началъ, такъ кончи!

Павелъ Павловичъ.

Началъ-то я безъ нее, а вотъ какъ съ ней-то!... Вѣдь я на прошлой недѣлѣ, въ Среду, дома не обѣдалъ.

Иванъ Павловичъ.

А у тебя развѣ по штату положено сколько разъ въ годъ ты не объѣдаешь дома?

Павелъ Павловичъ.

Нѣтъ, не то... а знаешь, чтобъ избѣжать объясненій, лучше ухъать по-тихоньку.

Иванъ Павловичъ.

Разумѣется; вотъ твоя шляпа.

Павелъ Павловичъ.

Да, это шляпа... точно шляпа... одна-ко жъ...

Иванъ Павловичъ.

Что, опять раздумываешь?

Павелъ Павловичъ.

Нѣтъ, я ищу перчатокъ...

Иванъ Павловичъ.

Чортъ съ ними.

Павелъ Павловичъ.

Не ловко, привыкъ... руки забнутъ.

Иванъ Павловичъ.

Отъ страха?

Павелъ Павловичъ.

Какіе пустяки.... и не думаю.... Такъ какъ же?

Иванъ Павловичъ.

Что?

Павелъ Павловичъ.

Пойхати просто, не простившись?

Иванъ Павловичъ.

Ну, да.

Павелъ Павловичъ.

Ну, поѣдемъ... да, постой, я думаю, коляска еще не готова.

Иванъ Павловичъ.

Возьмемъ извозника.

Павелъ Павловичъ.

Вдвоемъ не ловко....

Иванъ Павловичъ.

Ну, смотри, дождешься того, что она придетъ и не пуститъ тебя.

Павелъ Павловичъ.

Не пустить? Какъ бы не такъ... да что я за школьникъ? Неужли жъ я буду у нее спрашиваться.... Чортъ возьми! я ей покажу себя....

Иванъ Павловичъ.

Ну, благо расхотѣлся, поѣдемъ поскорѣе.

Павелъ Павловичъ (не трогаюсь).

Поѣдемъ.

Наталія Сергѣевна (за кулисами).

Что? что такое? онъ дома не ѣздитъ?

Павелъ Павловичъ (кладетъ шляпу).

Вотъ и она! плохо....

Иванъ Павловичъ.

Что? опять....

Павелъ Павловичъ (беретъ шляпу).

Нѣтъ, такъ, съ непривычки.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и Наталія Сергѣевна.

Наталія Сергѣевна.

Что это значитъ, сударь?... мнѣ сказали, что вы.... вы не будете ѣздить....

Иванъ Павловичъ.

Нѣтъ, сестрица, будетъ.... будетъ.... только не дома, а точно, можетъ быть и совсѣмъ не будетъ. Мы ѣдемъ завтракать къ Смурову.

Павелъ Павловичъ.

Да, мой дружечекъ.... мнѣ бы хотѣлось устрицъ.... немножко.... попробовать.

Наталія Сергѣевна.

Это мнѣ на зло! вы знаете, что я ихъ терпѣть не могу.

Иванъ Павловичъ.

Да вѣдь онъ ихъ будетъ ѣсть, а не вы.

Наталія Сергѣевна.

Не ваше дѣло, сударь.... или лучше сказать, это ваше дѣло: вы его настроили.... Пока вы жили въ Москвѣ, онъ былъ человѣкъ порядочный.

Иванъ Павловичъ.

«Москва, вишь, виновата!»

Наталья Сергѣевна.

Конечно; тамъ безъ пирушекъ ни на часъ....

Иванъ Павловичъ.

Все въ свое время, кузина, все въ свое время; бранью сытъ не будешь.

Наталья Сергѣевна.

Бранью? съ чего вы это берете? Я развѣ бранюсь съ нимъ когда нибудь? спросите у него.

Иванъ Павловичъ.

Да, можетъ быть, когда его не бываетъ дома.

Наталья Сергѣевна.

Ну, эту насмѣшку вы бы могли дома оставить.... Бранюсь! Разумѣется, иногда вырвется что нибудь, нельзя же: всѣ люди одинаковы; за то я въ ту же минуту опомнюсь, и готова первая просить извиненія.

Иванъ Павловичъ.

Ну, извините-съ, я этого не замѣтилъ.

Наталья Сергѣевна.

И не нужно.... вашихъ замѣчаній никто не спрашиваетъ. Не правда ли, мой другъ?

Иванъ Павловичъ.

Онъ молчать.

Наталья Сергѣевна.

Молчаніе знакъ согласія.

Иванъ Павловичъ.

Хорошо у васъ согласіе: вѣчная разногласица....

Наталья Сергѣевна.

Да, съ тѣхъ поръ, какъ вы сюда прѣехали... Не правда ли, мой другъ?

Иванъ Павловичъ (тихо).

Что жъ ты все молчишь? она тебя водитъ какъ пѣшку, а ты стоишь какъ слонъ: хоть бы повернулся, отъ нечего дѣлать.

Павелъ Павловичъ.

Постой, братецъ: видишь она теперь утихла.

Иванъ Павловичъ.

Ну, такъ ты начини кричать.

Павелъ Павловичъ.

Съ какой же стати?

Иванъ Павловичъ.

Да такъ, здорово живешь, за давишее.

Наталья Сергѣевна (весело).

Я не знаю, что сдѣлалось съ вашимъ племянникомъ: онъ прочелъ это несносное письмо, закричалъ дядюшка ни въ чемъ не виноватъ, и бросился изъ комнаты, какъ сумасшедшій.

Павелъ Павловичъ.

Ты видишь, мой другъ, что я былъ правъ.

Наталья Сергѣевна.

Ну, хорошо, мы объ этомъ поговоримъ послѣ.

Иванъ Павловичъ.

Да, вотъ, какъ прѣдемъ отъ Смурова; въ объявленіи сказано, что такіе устрицы въ сей столицѣ не видано; говорить съ гривенную булку. Отправимся же.

Наталья Сергѣевна.

Ты хочешь ѣхать? Мой другъ, поѣзжай; только... какъ же теперь... завтракать? ужъ три часа; я велѣла подавать на столъ.

Павелъ Павловичъ (глядя на часы).

Въ самомъ дѣлѣ, четвертаго пять минутъ... Теперь точно поздно завтракать.

Иванъ Павловичъ.

Да, да, пооди, покушай супцу... это здоровье...

Наталья Сергѣевна.

Такъ что же, мой другъ, ты рѣшился и поѣдешь.

Павелъ Павловичъ.

Нѣтъ, мой дружечекъ... Пойдемъ обѣдать.

Иванъ Павловичъ.

Да, пооди, зашь свое горе.

Наталья Сергѣевна.

А вы съ нами?

Иванъ Павловичъ.

Благодарю, кузина, я все таки отправлюсь къ Смурову.

Павелъ Павловичъ (подавая руку женѣ).

Пойдемъ же, мой другъ.

Иванъ Павловичъ.

Такъ этакъ-то!

Павелъ Павловичъ.

«Въ другой разъ... даю тебѣ честное слово... ты увидишь... (уходитъ)».

Иванъ Павловичъ (глядя въ слѣдъ).

Ну, повели барана! Самъ идетъ на убой... Нѣтъ, его не исправишь!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Иванъ Павловичъ и Пугаловъ.

Пугаловъ

Мое почтеніе.

Иванъ Павловичъ.

Къ вашимъ услугамъ. Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Пугаловъ.

Я отставной ротмистръ Пугаловъ, а вы?

Иванъ Павловичъ.

Я родной братъ здѣшняго хозяина.

Пугаловъ.

А! Такъ вы будете его секундантомъ; да, онъ сегодня со мною стрѣляется, онъ увезъ мою дочь...

Иванъ Павловичъ.

Вы ошибаетесь.

Пугаловъ.

Нѣтъ, чортъ возьми, я никогда не ошибаюсь, и попаду въ туза на 30-ти шагахъ. Прошлой зимой однакожъ я сдѣлалъ промашку... Я уѣзжалъ отсюда въ Тверь на полгода, и оставилъ ее у тетки...

Иванъ Павловичъ.

Про кого вы говорите?

Пугаловъ.

Про Машку! она въ это время гостила у своей тетки, которая нѣсколько слѣпа на правый глазъ, и хромаетъ на лѣвую ногу.

Иванъ Павловичъ.

Хороша надзирательница.

Пугаловъ.

Въ эти шесть мѣсяцовъ она научилась тому, о чемъ въ шестнадцать лѣтъ не имѣла понятія.

Иванъ Павловичъ.

Да, первыя шестнадцать лѣтъ не такъ опасны, какъ вторыя.

Пугаловъ.

Въ это время она познакомилась съ вашимъ братомъ, завела съ нимъ переписку, и кончилось тѣмъ, что убѣжала съ нимъ. Въ ея рабочемъ ящикѣ, я нашелъ любовныя записки вашего брата. Чортъ возьми, убѣжать! убѣжать вчера, когда сегодня... надо вамъ сказать, что я хотѣлъ ее выдать за моего старика друга, одноклассника...

Иванъ Павловичъ.

Старый другъ не подѣлаетъ молодой дѣвушкѣ, и она, вѣроятно, съ отчаянія..

Пугаловъ.

Дочь не должна бѣгать съ отчаянія отъ отца.

Иванъ Павловичъ.

Да она убѣжала не отъ васъ, а отъ ненавистнаго жениха.

Пугаловъ.

Ненавистнаго? Чортъ возьми! Нельзя же дѣвчонку отдать Богъ знаетъ за кого! Отецъ долженъ узнать короче будущаго зятя... а я съ нимъ 35 лѣтъ жилъ душа въ душу.

Иванъ Павловичъ.

Старое вино хорошо, а дряхлый мужъ 16-ти лѣтней дѣвушкѣ хуже уксуса.

Пугаловъ.

Какой тутъ уксусъ! Мы съ нимъ съ 805-го всѣ кампаніи дѣлали... въ 9-мъ году онъ потерялъ руку, а въ 12-мъ ногу; да года два назадъ привязалась къ нему проклятая подагра... а прочее все обстоятъ благополучно.

Иванъ Павловичъ.

Ну, женихъ хоть куда!

Пугаловъ.

Онъ теперь въ Ревель, поѣхалъ туда лечиться, и вѣрно вернется молодецъ молодцомъ.... Завтра непременно должна быть свадьба...

Иванъ Павловичъ.

Какъ? безъ жениха.

Путаловъ.

Онъ прїѣдетъ сегодня на пароходъ.

Иванъ Павловичъ.

Такъ безъ невѣсты?

Путаловъ.

Мы ее отыщемъ, будь она хоть на днѣ морскомъ! Гдѣ же вашъ братъ? Мнѣ сказали, что онъ дома.

Иванъ Павловичъ.

Да съ чего вы взяли, что мой братъ похитилъ вашу дочь?... Наша родня велика.

Путаловъ.

Вѣдь его зовутъ Павломъ Павловичемъ?

Иванъ Павловичъ.

Точно, но въ нашей фамиліи есть еще одинъ Павелъ Павловичъ.

Путаловъ.

Все равно, первому Павлу Павловичу я прострѣлю голову, а съ другимъ онъ можетъ раздѣлаться какъ угодно.

Иванъ Павловичъ.

Братъ мой женатый человекъ.

Путаловъ.

Вотъ новости, какъ будто у женатыхъ нѣтъ любовницъ! Я знаю, я самъ былъ женатъ. Гдѣ онъ, чортъ возьми?... гдѣ онъ?... (топаетъ ногами).

Иванъ Павловичъ.

Тише, Г. Ротмистръ, тише; невѣстка моя больна, а брата дома нѣтъ.

Путаловъ.

Ну, такъ я сяду здѣсь, и буду его дожидаться хоть до завтра.

Иванъ Павловичъ.

Онъ сегодня не обѣдаетъ и не ужинаетъ дома.

Путаловъ.

Чортъ возьми, я самъ сегодня не обѣдалъ и вчера не ужиналъ.

Иванъ Павловичъ.

Такъ не хотите ли теперь позавтракать?

Путаловъ.

Очень хочу! Я сердитъ какъ медвѣдь, и голоденъ какъ собака.

Иванъ Павловичъ.

Такъ поѣдемте къ Дюме, у него чудесный обѣдъ, и вино отыщется не только вашего старого друга.

Путаловъ.

Я согласенъ! Сытый голоднаго не разумѣетъ; а какъ мы съ вами пообѣдаемъ, тогда вы вѣрно меня поймете.

Иванъ Павловичъ.

Можетъ быть... Поѣдемъ же.

Путаловъ.

Вы, я вижу, не похожи на вашего брата. Судя по вашимъ усамъ, вы были нашъ братъ, военный. Гдѣ вы служили, въ кавалеріи?

Иванъ Павловичъ.

Да, да, въ кавалеріи; поѣдемъ же, поѣдемъ... (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Павелъ Павловичъ и Наталья Сергѣевна.

Павелъ Павловичъ.

Ну, довольна ли ты мною, дружечекъ?

Наталья Сергѣевна.

О, сегодня вы очень любезны.

Павелъ Павловичъ.

Слава Богу!

Наталья Сергѣевна.

И вы всегда можете быть такимъ, если перестанете слушаться совѣтовъ пустыхъ людей.

Павелъ Павловичъ.

Ты меня очень хорошо знаешь.

Наталья Сергѣевна.

Разумѣется, ты самъ никогда ничего не вздумашь, если тебя не настроятъ.

Павелъ Павловичъ.

Да, да, я тебѣ и за обѣдомъ то же самое говорилъ.

Наталья Сергѣевна.

Я люблю справедливость. Вотъ, напри-

мѣръ давеча, я была точно не права, и сознаюсь.

Павелъ Павловичъ.

Ну, кто старое помянетъ...

Наталья Сергѣевна.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я кругомъ виновата... я разозлилась изъ пустяковъ...

Павелъ Павловичъ (цѣлуетъ ея руку).

О, какая ты добрая.

Наталья Сергѣевна.

Твой племянникъ открылъ мнѣ глаза, и я стыжусь своей опрометчивости.

Павелъ Павловичъ.

Да, мой другъ, если бъ ты навсегда оставила свою ревность, мы были бы совершенно счастливы.

Наталья Сергѣевна.

Ты правъ, мой другъ, я постараюсь исправиться. Вѣдь это въ самомъ дѣлѣ смѣшно, ха, ха, ха.

Павелъ Павловичъ.

Ужасно смѣшно! ха, ха!

Наталья Сергѣевна.

Ахъ, не вспоминай пожалуйста! Сегодня поутру, я была настоящій ребенокъ! Ха, ха, ха!

Павелъ Павловичъ.

Да, а послѣ обѣда стала самая разсудительная женщина...

Наталья Сергѣевна.

И жаловаться-то хотѣла, и разводиться.. и Богъ знаетъ что!

Павелъ Павловичъ.

И бѣдную Дашу хотѣла прогнать...

Наталья Сергѣевна.

Ну, Дашу я все таки отпущу....

Павелъ Павловичъ.

За что же?

Наталья Сергѣевна.

Да такъ, она мнѣ надобла; не умѣть ни шить, ни гладить... Но оставимъ это... Скажи, пожалуйста, гдѣ теперь твой племянникъ?

Павелъ Павловичъ.

Вѣрно бѣгаетъ по городу, ищетъ свою Дульдинею.

Наталья Сергѣевна.

И найдетъ?

Павелъ Павловичъ.

Дай Богъ! по крайній мѣрѣ, я желаю этого отъ всей души.

Наталья Сергѣевна.

Вы желаете?

Павелъ Павловичъ.

Разумѣется; вѣрно и ты тоже.

Наталья Сергѣевна.

О, конечно... Такъ онъ на ней хочетъ жениться?...

Павелъ Павловичъ.

Да, если получить согласіе отца... и если это дѣло обдѣляется, онъ будетъ очень счастливъ, потому что Машенька премилая дѣвушка.

Наталья Сергѣевна.

Машенька? ее зовутъ Машенькой? Развѣ вы ее знаете?

Павелъ Павловичъ.

Немножко. Прошлую зимой я часто видалъ ее; племянникъ познакомилъ меня съ ея теткой, у которой она гостила.

Наталья Сергѣевна.

И вы были у нихъ?

Павелъ Павловичъ.

Разъ пять или шесть; не больше.

Наталья Сергѣевна.

Гдѣ же я тогда была?

Павелъ Павловичъ.

Не помню хорошенько, кажется, у тебя тогда былъ мигрень.

Наталья Сергѣевна.

Но вѣдь мой мигрень не мѣшалъ вамъ сказать мнѣ объ этомъ новомъ знакомствѣ?

Павелъ Павловичъ.

Въ болѣзни человекъ бываетъ раздражителенъ... это бы могло тебя обеспокоить.

Наталья Сергѣевна.

Благодарю васъ за вниманіе. А хороша она?

Павелъ Павловичъ.

Почти красавица.

Наталья Сергѣевна.

Почти! И умна?

Павелъ Павловичъ.

Очень... а главное—она такъ невинна, добродушна.

Наталья Сергѣевна.

Очень рада!

Павелъ Павловичъ.

Она будетъ украшеніемъ нашего семейнаго круга.

Наталья Сергѣевна.

Разумѣется.

Павелъ Павловичъ.

Знаешь ли, что мнѣ пришло въ голову.

Наталья Сергѣевна.

Ну?

Павелъ Павловичъ.

Если племянникъ ее отыщеть, то куда онъ съ ней дѣнется... у тетки ее какъ разъ отыщутъ...

Наталья Сергѣевна.

Ну, ну...

Павелъ Павловичъ.

Отцовскій гнѣвъ не можетъ быть продолжительнѣе...

Наталья Сергѣевна.

Ну... ну... ну...

Павелъ Павловичъ.

Если бѣ на это время, пока...

Наталья Сергѣевна.

Ну... ну... ну...

Павелъ Павловичъ.

Если бѣ мы приняли ее къ себѣ въ домъ... мы имѣемъ въ городѣ порядочную репутацію; подъ нашимъ покровительствомъ, дѣвушка сохранила бы доброе имя; потомъ мы бы написали къ ея отцу, и такъ далѣе...

Наталья Сергѣевна *(не въ силахъ больше удерживаться)*.

И такъ далѣе.... Прекрасно.... И такъ далѣе....

Павелъ Павловичъ.

Что жъ тутъ дурнаго?...

Наталья Сергѣевна.

Такъ вотъ до какой степени вы безстыдны!

Павелъ Павловичъ.

Что это значитъ?

Наталья Сергѣевна.

Вы хотите, чтобъ жена прикрывала любовныя связи мужа?

Павелъ Павловичъ.

Помилуйте... Тутъ ни какой связи нѣтъ.. Вы опять за старое...

Наталья Сергѣевна.

А! теперь я васъ поймала! Что вы по-краснѣли?... Теперь все ясно! Вы подговорили племянника взять на себя ваши проказы, и что стоитъ ему... повѣсь!... Какъ не услужить богатому дядюшкѣ!... Онъ служить подъ вашимъ начальствомъ.... Это вещь обыкновенная; какъ не угодить начальнику отдѣленія.... И вы вообразили, что я вамъ повѣрила? Я нарочно притворилась, сударь, чтобъ все у васъ вывѣдать.

Павелъ Павловичъ.

Вотъ тебѣ и разъ; послѣ обѣда-то еще хуже!

Наталья Сергѣевна.

Теперь маски сняты; сцена притворства кончена, и намъ не въ чѣмъ больше притворяться.... Не прикидывайтесь угнетенною невинностью.... Не принесяйте новыхъ отговорокъ.... и увѣреній... Что же вы молчите?...

Павелъ Павловичъ.

Да я не знаю, что о васъ подумать, а говорить мнѣ нечего....

Наталья Сергѣевна.

Нечего?... Насилу правду сказали.... Что, сударь? вы видите, что меня не такъ легко обмануть.... Это вѣрно не по вашему Департаменту, гдѣ вы слывете за дѣловаго, хитраго человѣка.... а въ самомъ - то дѣлѣ, вы безъ меня не сдѣлали бы ничего путнаго; чуть въ чемъ нибудь затруднитесь, прямо бѣжите ко мнѣ; если бы я вамъ не помогала мои совѣтами, васъ бы давно выключили изъ службы за

неспособность.... Но.... но теперь я васъ оставляю, сударь, и скоро можетъ быть... оставляю на всегда! Прощайте, сударь, прощайте.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Павелъ Павловичъ (одинокъ).

Отдѣлала! Распекла, хуже Директора! Поди, разгадай женщину: то свирѣпа какъ тигрица, то смирна какъ овечка, а то.... чортъ знаетъ что такое!

(Садится).

ЯВЛЕНИЕ X.

Павелъ Павловичъ и Машенька.

Машенька.

Въ передней комнатѣ никого нѣтъ.... Дома ли Г-жа Радужина? Ахъ, это вы, Павелъ Павловичъ!

Павелъ Павловичъ.

Это вы, Марья Матвѣевна! Что это значить, вы здѣсь.... въ моей квартирѣ. Какимъ образомъ?...

Машенька.

Это, конечно, должно васъ удивлять. Поступокъ, на который я рѣшилась, можетъ показаться вамъ страннымъ, но не обвиняйте меня, не выслушавъ оправданія.

Павелъ Павловичъ.

Я ужъ знаю нѣсколько, вы скрылись изъ родительскаго дома....

Машенька.

Я принуждена была на это.... Меня принуждали выйти за человѣка, котораго я ненавижу.... Завтра назначена была моя свадьба.... Что же мнѣ оставалось дѣлать?... Жена батюшкина камердинера сжалась надо мною: она проводила меня къ тетускѣ, но тетуска третьяго дня уѣхала отсюда, и я теперь вовсе безъ пристанища; куда же мнѣ было дѣвать-

ся.... Войдите въ мое ужасное положеніе.

Павелъ Павловичъ.

Ну, и мое не лучше.

Машенька.

Я знаю моего батюшку; онъ вспыльчивъ, но добръ. Письмо, которое я послала къ нему поутру, вѣрно тронетъ его.... Можетъ быть, сегодня или завтра онъ опять приметъ меня въ свой домъ, но до тѣхъ поръ.... сжальтесь надо мной: упросите вашу супругу, чтобъ она позволила мнѣ пробить это время у васъ въ домъ.

Павелъ Павловичъ.

У насъ! Сохрани Богъ!

Машенька (плачетъ).

Вы мнѣ отказываете?

Павелъ Павловичъ.

Что мнѣ дѣлать! Она плачетъ.... я со всѣмъ потерялъ голову.... Какъ мнѣ быть! Ума не приложу.

Машенька.

Нѣтъ, вы вѣрно не выгоните меня; вы благородный человѣкъ....

Павелъ Павловичъ.

О, даже высокоблагородный... Да вѣдь моя жена... по позвольте, позвольте, одну минуту, дайте сообразиться....

ЯВЛЕНИЕ XII.

Тѣ же и Наталья Сергѣевна.

Наталья Сергѣевна (тихо).

Что я вижу!

Павелъ Павловичъ.

Прежде всего надо подумать объ удобномъ мѣстѣ для васъ. Моя жена такъ ревнива....

Машенька.

Но вы скажете ей, что вашъ племянникъ....

Павелъ Павловичъ.

Я ужъ говорилъ, да она ничему не вѣритъ. Нѣтъ, лучше, чтобъ избѣжать дальнѣйшихъ непріятностей, я приищу вамъ

скромную квартирку, о которой никто не будетъ знать.

Наталя Сергѣевна (становясь между ними).

— О, конечно, это было бы очень хорошо.

Павелъ Павловичъ.

Ну, все пошло къ чорту!

Наталя Сергѣевна.

Впрочемъ, почему же не оставить здѣсь этой прекрасной дѣвицы, здѣсь, у насъ, это было бы еще удобнѣе.

Машенька.

Милостивая государыня.

Наталя Сергѣевна.

Конечно, сударыня, я должна быть очень милостива, что по сіе время не созываю сюда своихъ людей, и не приказываю васъ вывести отсюда.

Павелъ Павловичъ.

Наташа! Наташа! я тебѣ клянусь, что эта дѣвица невѣста моего племянника...

Наталя Сергѣевна.

Я все слышала, повтореній не нужно... Для того-то вы и хотѣли нанять ей скромную квартиру, о которой никто не будетъ знать?... Давишнее письмо было не къ вамъ; она пришла къ племяннику, который здѣсь не живетъ; все это такъ правдоподобно, что можно обмануть только шестилѣтняго ребенка.

Машенька.

Ахъ, какъ я несчастна!

Наталя Сергѣевна.

Слезы? О, въ ваши лѣта онѣ ничего не значатъ; это не тѣ слезы, которыя должна проливать оскорбленная, обманутая женщина!...

(Плачетъ).

Павелъ Павловичъ.

— Я ужъ не знаю, что мнѣ теперь придется дѣлать: плакать или смѣяться.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Пугаловъ.

Пугаловъ.

Такъ точно, я угадалъ.... она здѣсь!...

Машенька.

Батюшка!! (Падаетъ въ обморокъ на руки Павла Павловича).

Наталя Сергѣевна.

Она въ его объятіяхъ... въ моемъ присутствіи... это уже слишкомъ!

Пугаловъ.

Дочь моя! Маша! Она безъ чувствъ! Послушайте, сударь, если она умретъ, я васъ убью на этомъ мѣстѣ.... Маша... Машенька, прійди въ себя! Ради Бога, опомнись.... Я готовъ все тебѣ простить, только скажи хоть одно слово....

Машенька (приходя въ себя).

Батюшка!

Пугаловъ.

А! ты опомнилась, ахъ, ты, негодная!... убѣжать отъ отца, который тебя такъ любить... т. е. любилъ.... Осрамить меня по всей Выборгской Сторонѣ.... Но я зналъ, что найду тебя въ Италіанской!...

Наталя Сергѣевна.

Ну, вотъ, онъ зналъ.... слышишь...

Павелъ Павловичъ.

Позвольте вамъ сказать, Г. Пугаловъ, что вы все перепутали.

Пугаловъ.

Чортъ возьми! Развѣ я не нашелъ вашихъ любовныхъ записокъ.

Наталя Сергѣевна.

Его записки? Покажите, покажите!!

Пугаловъ (ищетъ въ карманъ).

Нѣтъ, онѣ остались дома, въ синемъ сюртукѣ.

Павелъ Павловичъ.

Вы смѣшиваете меня съ моимъ племянникомъ.

Машенька.

Такъ точно, батюшка.

Наталья Сергѣевна.

Не вѣрьте, не вѣрьте; они васъ и меня обманываютъ.

Путаловъ.

А вы должна быть супруга этого господина, и вы тоже его обвиняете. Чего же мнѣ больше? Конечно.... мы съ вами раздѣляемся по-военному: *пифъ, пафъ*, и баста!

Наталья Сергѣевна.

Я не хочу больше съ вами жить, сударь!

Путаловъ.

И не будете.... я его застрѣлю.... да, сударь, мы съ вами стрѣляемся на пяти шагахъ.

Наталья Сергѣевна.

Ахъ, мнѣ дурно! Ахъ, ахъ!...

Павелъ Павловичъ.

Сядь сюда, мой другъ.

Наталья Сергѣевна.

Прочь, прочь, мнѣ не нужна ваша помощь.

Павелъ Павловичъ.

Такъ я позову кого нибудь.... Даша! Даша!

Наталья Сергѣевна.

Нѣтъ, нѣтъ; и она чтобъ не смѣла ко мнѣ подходить....

Павелъ Павловичъ.

Такъ позволь....

Наталья Сергѣевна.

Прочь, прочь; оставьте меня умереть спокойно.

(Уходятъ).

Павелъ Павловичъ (за ней).

Наташа, другъ мой!...

Путаловъ.

Что за чортъ, я тутъ ничего не могу понять.... Развѣ онъ, въ самомъ дѣлѣ, не тотъ, кого ты любишь.

Машенька.

Нѣтъ, батюшка.

Путаловъ.

Да вѣдь его зовутъ Радушинымъ.

Машинька.

Онъ родной его дядя....

Путаловъ.

Дядя! И Капитанъ мнѣ то же говорилъ о какомъ-то племянникѣ, стало быть, это правда!

Павелъ Павловичъ (возвращаясь).

Обморокъ, сильный обморокъ! Легла въ постель... Худо, очень худо!

Путаловъ.

И такъ, государь мой, это точно не вы.

Павелъ Павловичъ.

Что-съ?

Путаловъ.

Это не вы, сударь! Мы не будемъ съ вами стрѣляться!

Павелъ Павловичъ (сидя).

Ну, слава Богу!

Путаловъ.

Только съ уговоромъ: вы на мѣсто себя должны мнѣ представить вашего племянника.

Павелъ Павловичъ.

Вотъ онъ самъ на лицо.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, Иванъ Павловичъ и Племянникъ.

Племянникъ (бѣжитъ къ ней).

Машенька, милая Машенька!

Путаловъ.

Смирно! Чортъ возьми. Здѣсь ея отецъ, который давно васъ дожидается....

Племянникъ.

Я самъ искалъ случая оправдаться передъ вами.

Путаловъ.

Мы будемъ съ вами стрѣляться.

Иванъ Павловичъ.

Что вы? Г. Ротмистръ? Мой племянникъ хотъ до смерти влюбленъ въ вашу дочь, но убивать его за это не слѣдуетъ.

Путаловъ.

Какъ онъ смѣлъ ее увезти?

Машенька.

Нѣтъ, батюшка, не обвиняйте его; онъ ничего не зналъ о моемъ безразсудномъ поступкѣ... Я одна виновата.

Путаловъ.

Точно? Говорите, какъ благородный человѣкъ.

Племянникъ.

Клянусь вамъ честью, и повѣрьте, если бъ я зналъ о ея намѣреніи, то, какъ я страстно ни люблю вашу дочь, но, вѣрно, первый бы отговорилъ ее.

Путаловъ.

Прекрасно; это благородно, и такъ я съ вами не буду стрѣляться, а свадьбы все таки не бывать...

Иванъ Павловичъ.

Почему же, Г. Ротмистръ, вамъ у Дюме двое пріѣзжихъ изъ Ревеля сказывали, что вашъ заморскій женихъ двѣ недѣли назадъ умеръ ударомъ.

Путаловъ.

Но точно ли это правда?

Иванъ Павловичъ.

Зачѣмъ же имъ врать на мертвого.

Путаловъ.

Точно, точно; въ самомъ дѣлѣ, маіоръ хорошо сдѣлалъ, что умеръ, а то бы онъ не пережилъ этого удара.

Иванъ Павловичъ.

Теперь ужъ вамъ грѣшно упрямиться—видите, что сама судьба помогаетъ нашей молодежи... Забудьте же старое, и благословите ихъ.

Машенька.

Батюшка.

Племянникъ.

Сжальтесь надъ нами!

Иванъ Павловичъ.

Они любятъ другъ друга; онъ имѣетъ хорошее состояніе; а за него самого мы съ братомъ готовы поручиться. А, да вотъ онъ, что съ тобою?

Павель Павловичъ.

Заперла дверь передъ самымъ носомъ, и не велѣла показываться на глаза.

Путаловъ.

Ну, такъ и быть.... Богъ съ вами, я все забываю; будьте счастливы!

Иванъ Павловичъ.

Браво, ротмистръ! браво! по-Суворовски поздравляю васъ!

Племянникъ.

Ахъ, какъ васъ благодарить.

Маша.

обни-
маютъ
отца.

Батюшка!

Иванъ Павловичъ.

Ну, съ молодыми дѣло конечно... Теперь примемся за домашнія дѣла.... (брату.) Дай мнѣ волю, и мы съ тобою передѣлаемъ твою дражайшую половину. Господа, извините; братъ покорнѣе проситъ васъ пожаловать сюда, въ гостиную... на нѣсколько минутъ.... Мы туда прикажемъ подать бутылочку Французской вдовушки: выпьемъ здоровье жениха и невесты и дорогаго сватушки. Милости прошу.

Путаловъ.

Пойдемте, дѣти, пойдемте.

(уходятъ направо.)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Иванъ Павловичъ и Павель Павловичъ.

Иванъ Павловичъ.

Ну, братъ! смотри же, если ты теперь струсилъ, то ужъ никогда не исправишь своей жены.

Павель Павловичъ.

Что же мнѣ дѣлать, научи.

Иванъ Павловичъ.

Во-первыхъ, прикажи ее позвать сюда, и прочи ей добрую нотацию.

Павель Павловичъ.

Не лучше ли мнѣ самому къ ней пойти.

Иванъ Павловичъ.

Боже сохрани! все дѣло испортишь! Ты обиженъ, оскорбленъ, и ни въ чемъ не виноватъ, въ другой разъ, можетъ

быть, не представится такого удобнаго случая.

Павелъ Павловичъ.

Точно, точно! Эй, Степанъ, Степанъ! Посмотри, какъ я начну рѣшительно дѣйствовать.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и Степанъ.

Павелъ Павловичъ.

Степанъ! Скажи Натальѣ Сергѣевнѣ, что я покорно прошу ее пожаловать сюда на минуточку. Хорошо?

Иванъ Павловичъ.

Да, да. Скажи, просто, что баринъ-де приказалъ васъ позвать къ нему.

Степанъ.

Какъ, приказалъ.... да развѣ....

Иванъ Павловичъ.

Дѣлай, что велятъ, негодяй.

(Степанъ уходитъ.)

Павелъ Павловичъ.

Послушай, братецъ, не слишкомъ ли это грубо?

Иванъ Павловичъ.

Пустяки! ты долженъ быть мужемъ....

Павелъ Павловичъ.

Конечно, надо быть мужемъ, да жена-то моя....

Иванъ Павловичъ.

Будетъ шелковая.... только не бойся.... Впрочемъ, я останусь въ резервѣ (изъ этой комнаты все слышно) и въ случаѣ неустойки явлюсь на выручку.

Павелъ Павловичъ.

Сдѣлай одолженіе. (Степанъ возвращается.) Ну, что она сказала?

Степанъ.

Онѣ не могутъ прійти; онѣ очень больны-сь.

Павелъ Павловичъ.

Слышишь, братъ, не пойти ли мнѣ въ самомъ дѣлѣ къ ней?

Иванъ Павловичъ.

Ни съ мѣста!

Павелъ Павловичъ.

Я посмотрю только въ щелочку.

Иванъ Павловичъ.

Ни на что не смотри! Держись до нѣльзя.

Павелъ Павловичъ.

Но, можетъ быть, она слегла.

Иванъ Павловичъ.

Пусть лежитъ, а ты поставь на своемъ. (Звонятъ въ колокольчикъ.)

Степанъ (убѣгая).

Барыня звонитъ.

Павелъ Павловичъ.

Слышишь, она звонитъ.

Иванъ Павловичъ.

Пусть звонитъ.

Павелъ Павловичъ.

Еще сильнѣе....

Иванъ Павловичъ.

Да, въ слабости такъ сильно не звонятъ.

(Степанъ бѣжитъ черезъ сцену.)

Павелъ Павловичъ.

Что ты?

Степанъ.

Барыня спрашиваетъ воды.

Павелъ Павловичъ.

Слышишь: воды.

Иванъ Павловичъ.

Слышу.... вода вещь хорошая для женщинъ.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Марѣа, потомъ Даша.

Павелъ Павловичъ.

Что ты, Марѣа?

Марѣа.

Барыня спрашиваетъ уксусу.

(убѣгаетъ.)

Павелъ Павловичъ.

Слышишь, уксусу.

Иванъ Павловичъ.

Ну, такъ что жъ такое? Ты, кажется, самъ сію минуту раскиснешь.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ (*Даша
пробѣгаетъ*).

Куда ты?

ДАША.

Барыня спрашиваетъ спирту.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Слышишь, спирту!

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Слышу, слышу... Теперь того и жди, прибѣгутъ сказать, что барыня спрашиваетъ весь туалетъ.

(*Степанъ выбѣгаетъ изъ барыниной комнаты.*)

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Что еще?

СТЕПАНЪ.

Барыня сама сюда идетъ.

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

А! наконецъ! милости просимъ.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Ну, буря приближается.

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Я буду твой громовой отводъ... не робѣй только, чортъ возьми.

(*Уходитъ на право.*)

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ, потомъ НАТАЛЬЯ СЕРГѢВНА.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Лучше сяду, а то все ноги дрожать, вотъ, какая-то книга... прекрасно, а то я боюсь взглянуть на нее.

НАТАЛЬЯ СЕРГѢВНА.

Что это значить сударь? Вы слышите, что я звоню, что мнѣ дурно, что я требую помощи, а вы здѣсь спокойно сидите, и еще прислали мнѣ сказать, чтобы я, при моей слабости, сама пришла къ вамъ. Позвольте вамъ сказать, сударь, что этого даже въ Турціи никто не дѣлаетъ.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Я самъ не могъ къ вамъ прійти: у меня были гости.

НАТАЛЬЯ СЕРГѢВНА.

Знаю, сударь, и такіе гости, что вы охотно промѣняли на нихъ свою жену, вы бы, я думаю, хотѣли, чтобы я сама угощала вашихъ гостей.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Да это бы не мѣшало.

НАТАЛЬЯ СЕРГѢВНА.

Ну, такъ! Если бѣ они еще остались здѣсь, то клянусь вамъ, что я бы, можетъ быть, забыла всякое приличіе... но вы... довольны, что вамъ попалась жена кроткая, добрая, которая никогда вамъ грубаго слова не сказала... Другая бы на моемъ мѣстѣ... Богъ знаетъ, что сдѣлала... а я... я молчу. Слышите ли вы, сударь, я молчу.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Слышу, сударыня, вы говорите: я молчу, нельзя же вдвоемъ говорить.

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ (*изъ дверей*).

Хорошо, хорошо, молодецъ!

НАТАЛЬЯ СЕРГѢВНА.

Такъ и быть... я буду говорить хладнокровно... Признайтесь мнѣ, какъ честный человѣкъ: эта дѣвушка приходила къ самъ? Не правда ли?

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Я ужъ двадцать разъ повторялъ вамъ, что къ моему племяннику.

НАТАЛЬЯ СЕРГѢВНА.

Не правда! не правда! вы меня обманываете... я въ этомъ увѣрена.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

А если вы увѣрены, такъ нечего и спрашивать.

НАТАЛЬЯ СЕРГѢВНА.

Довольно, довольно! Я вижу, что между нами все кончено... вы меня больше не любите... Извольте, сударь, извольте... я сегодня же оставлю вашъ домъ.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Какъ вамъ угодно.

НАТАЛІЯ СЕРГѢВНА.

О, я знаю, что вамъ давно этого хочется.... Такъ нѣтъ же, сударь, я остался.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Пожалуй, останьтесь.... для меня все равно.

НАТАЛІЯ СЕРГѢВНА.

Все равно! вамъ все равно; сударь! Боже мой, есть ли на свѣтѣ женщина несчастнѣе меня!

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ (брату).

Она плачетъ.

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Ничего, это здорово.

НАТАЛІЯ СЕРГѢВНА.

Я чувствую, что не долго буду надоблять вамъ своимъ жалкимъ присутствіемъ; вы скоро вгоните меня въ могилу! Да, да! я не переживу этого униженія....

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ (поетъ).

«Вотъ какъ жили при Аскольдѣ!»

НАТАЛІЯ СЕРГѢВНА.

Что это, сударь?

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Это изъ Асколдовой Могилы.

НАТАЛІЯ СЕРГѢВНА.

Вы можете еще пѣть, когда ваша жена почти умираетъ. Это безбожно, сударь.... Женщина, которая соединила свою судьбу съ человѣкомъ....

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ (поетъ).

«Своей судьбой доволенъ я....»

НАТАЛІЯ СЕРГѢВНА (идетъ къ кресламъ).

Опять! мнѣ дурно....

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Слышишь, ей дурно....

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Хорошо, хорошо.

НАТАЛІЯ СЕРГѢВНА (садится).

Ахъ, я умираю....

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Слышишь: умираетъ!

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Погоди, оживетъ.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Посмотри, она совсѣмъ безъ чувствъ.

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Ни съ мѣста!

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Да она упадетъ съ креселъ.

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Не бойся, держись только самъ.

НАТАЛІЯ СЕРГѢВНА (скакивая).

Нѣтъ! Скажите, онъ и не подойдетъ ко мнѣ. Это уже слишкомъ.... Вы извергъ! чудовище! деспотъ!

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ (встаетъ).

Довольно, сударыня, довольно.... Наша комедія, можетъ быть, ужъ надоѣла зрителямъ. Пожалуйста сюда, господа.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же, Пугаловъ и прочіе.

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ (съ подпосомъ, на которомъ шампанскія рюмки).

Твоя правда. Пора кончить. Ну, любезная сестрица, надо выпить здоровье жениха и невѣсты.

НАТАЛІЯ СЕРГѢВНА.

Какъ! что это значитъ?

Племянникъ.

Не обвиняйте дядюшку, онъ ни въ чемъ не виноватъ, и полюбите мою невѣсту.

ПУГАЛОВЪ (подходя къ рюкѣ).

Позвольте мнѣ честь познакомиться.

НАТАЛІЯ СЕРГѢВНА.

Такъ это точно правда? О, какъ я виновата передъ вами, моя милая....

(цѣлуетъ Машу).

Иванъ Павловичъ (подастъ ему бокаль).

Я тобою доволенъ, и вотъ тебѣ за храбрость.

Наталья Сергѣевна.

А ты, мой другъ... ты далъ мнѣ жестокий урокъ... Простишь ли ты меня?

Павелъ Павловичъ.

Отъ всей души.

Наталья Сергѣевна.

О, повѣрь, что я теперь совершенно исправилась отъ глупой недоверчивости.

Павелъ Павловичъ.

Въ самомъ дѣлѣ? ты не будешь больше ревновать?

Наталья Сергѣевна.

Клянусь тебѣ, что никогда, никогда, никогда.... если ты только не подашь мнѣ къ этому повода.

Надъ ревностью жены хоть всякій мужъ смѣется,

Однако жъ мудрено ручаться за иныхъ; За ревность отъ мужей намъ часто достается, Но не останемся и мы въ долгу у нихъ.

Что шагъ — уроки намъ, что слово — наставленіе,

(Совѣты вообще легки.)

А какъ помотришь, что выходитъ въ заключеніе:

Учитель попадетъ къ жепѣ въ ученики. Кто, правъ, кто виноватъ? Богъ знаетъ,

И здѣсь сама жду участи своей;

Кто жъ отъ другихъ рѣшенія ожидаетъ,

Не долженъ осуждать спонихъ судей.

Теперь вы тою же монетою заплатите,

И Павла Павловича со мной не осудите.

ФОРТУНКИНЪ,

или

МУЖЪ СЪ МѢСТА ДРУГОЙ НА МѢСТО.

Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переделанный съ Французскаго Дмитріемъ Ленскимъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Петровичъ Лелевъ.
Барбара Александровна Лелева, жена его.
Эрастъ Ильичъ Фортункинъ.

Маша, горничная Лелевой.
Андрей Тетеревъ, поручикъ.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ гостиницѣ.

Спальня. Въ срединѣ, вдоль стѣны, кровать съ занавѣсками; по обѣ стороны кровати аверы; еще другія двери справа и слева на третьемъ планѣ. На второмъ планѣ, справа — каминъ, на каминѣ двѣ свѣчи, почная лампадка и обкуренная сигара. На первомъ планѣ съ обѣихъ сторонъ по окну; на лѣво — столъ; на столѣ нѣсколько бумагъ, чернильница и вѣтеръ; подлѣ Вольтеровскія кресла. Полдюжины чемодановъ и картоновъ разбросаны неподалеку: кресла, стулья, и проч.

ЯВЛЕНИЕ I.

Маша (убираетъ чемоданы и картоны).
АНДРЕЙ (стоитъ у заднихъ дверей съ правой стороны).

АНДРЕЙ.

Марья Андреевна! а Марья Андреевна!

МАША.

Ну, что еще?

АНДРЕЙ.

И вамъ не совѣстно заставлять меня стоять у порога?

МАША.

Нѣтъ.

АНДРЕЙ.

Экія вы какія, Марья Андреевна! Богъ съ вами!... и вы не хотите, чтобъ я вамъ пособилъ убрать ваши чемоданы и картоны?

МАША.

Нѣтъ!

АНДРЕЙ.

Такъ вамъ угодно, чтобъ я ушелъ, Марья Андреевна?

МАША.

Да.

Андрей.

Экія вы какія! Богъ съ вами, Марья Андреевна! Стало ужъ мнѣ во вѣки вѣковъ не бывать вашимъ мужемъ?

Маша.

Нѣтъ.

Андрей.

Да, нѣтъ... отъ васъ ничего больше не услышишь, Марья Андреевна.

Маша.

За тѣмъ же ты ходишь ко мнѣ?

Андрей.

За тѣмъ, что я глупъ, какъ осель!

Маша.

Старайся поумнѣть и быть человѣкомъ.

Андрей.

Экія вы какія! Да развѣ я прежде не былъ дворовый человѣкъ однихъ господъ съ вами? Теперь я, съ помашію Божією, получивши также какъ и вы отпущную, завелъ цирюленку, сгношилъ порядочный капиталецъ, и хотѣлъ бы въ законный бракъ вступить.

Маша.

Кто жъ мѣшаетъ? Съ деньгами не трудно найти невесту.

Андрей.

Экія вы какія! Да коли я окромѣ васъ никого любить не могу.

Маша.

Жалѣю.

Андрей.

Вы посмотрите: я по васъ исхудалъ, какъ спичка, Марья Андреевна.

Маша.

Ну, ну, ступай домой... ужъ поздно... того гляди баринъ воротится, а я не хочу, чтобъ ты на глаза ему попался.

Андрей.

Покрайности позвольте хоть ужъ, пождавши эдакъ часикъ мѣсто, прійти пожелать вамъ покойной ночи и пріятнаго сна.

Маша.

Вотъ еще выдумалъ! ужъ, чай, ты дома и самъ спать ляжешь.

Андрей.

Ахъ! нѣтъ, я никогда не сплю, Марья Андреевна!

Маша.

Неужели?

Андрей.

Право такъ.

N. 1.

А когда хоть и ложуся,
То, ей-Богу ваять не могу:
Съ боку на бокъ лишь верчуся,
А заснуть все не могу!
Слышу, мыши какъ скребутся
Подъ панелями въ дыръ,
Слышу, кошки какъ сойдутся
Помлукать на дворѣ...
И завидую ихъ счастью,
И горитъ по мнѣ вся кровь...
Ахъ! у нихъ взаимной страстью
Награждается любовь!
Я же быственню влюбился
И жалѣю лишь о томъ,
Для чего я въ свѣтъ родился
Не мышенкомъ, не котомъ!

Маша.

Ну, ну, полно съ нѣжностями!... пора тебѣ цгн.

Андрей.

Вы меня отъ себя гоните, Марья Андреевна? экія вы какія! Богъ съ вами, Марья Андреевна!... только вы меня и видѣли!... Прощайте.

Маша.

Прощай, прощай!...

Андрей.

А пождавши-то можно будетъ васъ навѣстить?

Маша.

Завтра, или послѣ завтра... ступай скорѣе.

Андрей.

То есть, это выходитъ: завтра прійди... Богъ съ вами, Марья Андреевна, счастливо оставаться!

Маша.

До свиданія.

Андрей.

До вечера (уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

Маша, и потомъ Лелевъ.

Маша (продолжая убирать картоны).

Прескучный!... впрочемъ онъ хоть и глупъ, да за то втрень... а это не бездѣлица... ну, да еще тамъ видно будетъ!

(Напѣваетъ).

«Мужчины на свѣтѣ

«Какъ мухи къ намъ льнутъ...»

Лелевъ (входя изъ заднихъ дверей съ правой стороны, сбрасываетъ съ себя шубу).

Опять все разбросано! какая скука жить въ гостиницѣ!... Никто ко мнѣ не прѣзжалъ?

Маша.

Нѣтъ, сударь (шаритъ у себя въ карманахъ), но вотъ привнесли записку.... а такъ какъ вы мнѣ строго приказывали никому не отдавать кромѣ васъ, то... (вынимаетъ записку и подаетъ) позволите-сь.

Лелевъ.

Хорошо.

Маша (уходитъ покуда въ дверь на первомъ планѣ съ правой стороны).

Лелевъ (подойдя къ свѣчамъ на каминѣ, распечатываетъ записку и читаетъ).

«Сегодня маскарадъ въ Нѣмецкомъ Клубѣ, и мы отправляемся туда цѣлой компаніей. Прѣзжай непременно, мы ждемъ. Если не прѣдешь, просто я тебя прокляну.»

«Твой Флюгеровъ.»

(Говоря) Повѣса! всегда одинаковъ!... (входящей Машѣ). А что, Варвара Александровна?

Маша.

Позволите сидѣть у себя въ комнатѣ, ждутъ васъ.

Лелевъ.

Убрали ея спальню?

Маша.

Завтра будетъ готова.

Лелевъ (въ сторону).

Тѣмъ лучше (вслухъ). Скажи, что я прѣхалъ.

Маша (увидя Лелеву).

Да вотъ онъ самъ (Уходитъ къ Лелевой).

ЯВЛЕНИЕ III.

Лелевъ, Лелева (входитъ съ правой стороны).

Лелевъ (идя къ ней навстрѣчу).

Ну, что Варинька? довольна ли ты, спокойна ли? Я дома.

Лелева.

Ужъ не хочешь ли ты этимъ похвастаться?

Лелевъ.

А почему жъ и нѣтъ?

Лелева.

Хорошая порука за будущность.

Лелевъ.

Еще разъ заклинаю: не тревожь себя пустою ревностью!

Лелева.

Сперва заставьте меня забыть ваши прежнія шалости, которыя такъ прискорбны моему сердцу.

Лелевъ.

Развѣ я не употребляю для этого всѣ средства, какія только можетъ внушить пламенная любовь? Ну, подумай, разсуди пожалуйста: я дѣлаю все, что тебѣ угодно. Изъ Тулы мы прѣзжаемъ сюда въ Москву провести свѣтки и повидаться съ твоею родней... Ты сама выбрала прекрасныя комнаты въ одной изъ лучшихъ гостиницъ, и глядя: чрезъ два дня ужъ тебѣ онъ не нравятся!

ЛЕЛЕВА.

Еще бы! прямо противъ нашихъ оконъ поселились тамъ какія-то двѣ кокетки, и какъ нарочно, чтобъ меня уморить, то и дѣло вамъ глазки строили и перемигивались съ вами... а подлѣ, въ одномъ и томъ же корридорѣ, жила еще какая-то молоденькая черномазенькая вдовушка, которая раза три или четыре на дню, и все какъ будто бы случайно, попадалась вамъ на встрѣчу... а тамъ еще эта рыжая, высокая, точно Сухарева Башня...

ЛЕЛЕВЪ (смѣясь).

Ха! ха! ха!... а тамъ еще, на другой половинѣ, эта Саратовская помѣщица въ парикѣ и огромномъ капорѣ... а на дворѣ, въ нижнемъ этажѣ, Нѣмка старуха, что пріѣхала съ собачьей комедіей... Ха! ха! ха!... ну, право, мой другъ, ты съ ума сойдешь!

ЛЕЛЕВА.

Чтожъ дѣлать! Стало быть, тѣмъ больше я достойна сожалѣнія.

ЛЕЛЕВЪ.

Но теперь, когда мы перебрались въ другую гостиницу, сюда на Петровку, когда ужъ у тебя нѣтъ опаснаго сосѣдства, то есть ни Сухаревой Башни, ни огромнаго капора... то, по крайней мѣрѣ, теперь, мой другъ, будешь ли ты хоть немножко поразсудительнѣе?

ЛЕЛЕВА.

Это отъ васъ зависитъ... поклянитесь мнѣ...

ЛЕЛЕВЪ.

Опять!... въ эти полгода, какъ мы женаты, ты заставила меня клясться, на худой конецъ, разъ тысячу!.. Довольно, кажется, что я одну тебя любилъ, люблю и буду любить до обожанія! ты моя добрая, малая, прелестная Варинька!.. сдѣлай же милость, другъ мой, не требуй, чтобъ я клялся тебѣ ежеминутно!..

Н. 2.

Что день то клявы тридцать разъ...

На это надобно терпѣться!

И сего пословица у насъ:

Гдѣ клятва, тамъ и преступленіе.

А вѣдь пословицы не лгутъ

Онъ изъ опыта берется.

ЛЕЛЕВА (улыбаясь и грозя ему пальчикомъ).

Ага! и потому-то, плутъ,

Мужья такъ часто и клянутся!

ЛЕЛЕВЪ.

Я не похожъ на другихъ, и на счетъ меня ужъ ты можешь быть спокойна (цѣлуетъ ее).

ЛЕЛЕВА.

Дай-то Богъ!

ЛЕЛЕВЪ (осматриваясь кругомъ).

А впрочемъ пѣтотъ номеръ не совсѣмъ дурной... тебѣ не сказывали, кто передъ нашимъ пріѣздомъ занималъ его?

ЛЕЛЕВА.

Я не спрашивала.

ЛЕЛЕВЪ.

Вѣрно такіе же молодые супруги, какъ и мы... здѣсь воздухъ отзывается благоуханіемъ скромности и цѣломудрія... и я думаю, тебѣ это очень пріятно (подходитъ къ камину).

ЛЕЛЕВА (вздыхнувъ).

Ахъ! можетъ быть, эти стѣны были свидѣтелями слезъ и мученій, отъ неблагонадежныхъ и вѣтренныхъ мужей.

ЛЕЛЕВЪ (у камина).

А можетъ быть и досады, и скуки... отъ ревнивыхъ женъ (смотритъ на картину камина). Ба! да тутъ есть слѣды нашего предшественника... что-то написано карандашомъ.

ЛЕЛЕВА.

Стихи?

ЛЕЛЕВЪ (взявъ свѣчу).

Нѣтъ, проза (читаетъ): Желаю моему преемнику насладиться счастіемъ, какимъ я здѣсь наслаждался... (говоритъ) Желаніе исполнилось... не такъ ли, милая Варинька?

ЛЕЛЕВА.

А почему я знаю, что у васъ на сердцѣ?

Лелевъ.

И! какъ тебѣ не стыдно!... Слушай далѣе (*читаетъ*). «Алфавитный и сокращенный списокъ жертвъ, обманутыхъ мною... Апета, Батильда, Вѣрушка, Груша, Елисавета, Жозефина...»

Лелева.

Вся азбука... ужь это вѣрно.

Лелевъ (*продолжая читать на другой сторонѣ камина*).

«Алфавитный и сокращенный списокъ обманувшихъ и принесшихъ на жертву несчастнаго Фортункина: Александра, Бянка, Варнишка...»

Лелева (*прерывая его*).

Ну! ну! полноте!...

Лелевъ.

И тутъ тоже вся азбука... Фортункинъ!.. какая странная фамилія!...

Лелева.

Прикажете стереть эти глупости.

Лелевъ.

Завтра ничего не будетъ. А что, твоя тата сегодня къ тебѣ не присылала?

Лелева.

Присылала, она ждетъ меня къ себѣ почевать... а ты развѣ не пойдешь со мною?

Лелевъ.

Нѣтъ; ты знаешь, я съ тестемъ въ маленькой размолвкѣ... постараюсь насъ помирить, а завтра часовъ въ десять утра я за тобой приѣду.

Лелева.

Полно! ну если изъ чего вамъ съ папенькой другъ на друга сердиться!.. А какую чудесную шляпку купила я для тата!... прелесть!... хочешь взглянуть?

Лелевъ.

Съ удовольствіемъ.

Лелева (*кличетъ*).

Маша!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прежніе и Маша.

Лелева (*Маша*).

Гдѣ картонъ, что давеча принесли отъ Матіаса?

Маша.

У васъ въ комнатѣ, сударыня.

Лелева (*мужу*).

Пойдемъ мой другъ.

Лелевъ (*взявъ ее подъ руку*).

Ты напрасно беспокоишься... въ тряпкахъ я плохой знатокъ.

Лелева.

Стало, тебѣ всякій разъ удача, потому что все, что ты мнѣ ни купишь, всегда отличается и роскошью и вкусомъ.

Лелевъ.

Мнѣ такъ пріятно видѣть тебя роскошной красавицей.

Лелева (*трепая его по лицу*).

О! гордецъ!...

(*Уходятъ въ комнату на право*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Маша одна, потомъ Андрей.

Маша (*смотря имъ вслѣдъ*).

Ужъ какъ онъ тамъ къ ней не подлещайся, а я пари держу, что онъ ее обманываетъ... (*подходитъ къ зеркалу и поправляетъ волосы*). Видали мы этихъ смазливыхъ баричей: всѣ на одинъ покрой... (*Стукъ у дверей входа*). Кто тутъ? Войдите... (*Входитъ Андрей; Маша, увидя его, съ досадою*) Опять ты?

Андрей.

Опять я, всегда я, и все таки я, Марья Андреевна! Что жъ, когда я дуракъ, Марья Андреевна!

Маша.

Что тебѣ здѣсь надобно?

Андрей.

Я пришелъ у васъ спросить, Марья Андреевна: какъ лучше: бритвой шарк-

нуть себя по горлышку, или веревочкой
удавиться?

Маша (удивясь).

Что? что?

Андрей.

Да-съ... знаете, чтобъ ужъ все разомъ
кончить, Марья Андреевна... и печаль, и
воздыханія!

Маша.

Ты съ ума сошелъ?

Андрей.

Отъ любви къ вамъ, Марья Андреевна...
хочу очокуриться.

Маша.

Который тебѣ годъ?

Андрей.

Нынче по лѣту двадцать седьмая весна
пошла, Марья Андреевна.

Маша.

Жаль!... а я хочу имѣть мужа, не стар-
ше двадцати пяти лѣтъ.

Андрей.

Да мало ли есть двадцатипятилѣтнихъ,
подъ сорокъ!.. Угодно, мнѣ будетъ толь-
ко двадцать три, Марья Андреевна? Это
въ вашей волѣ: ласковое слово молодить
человѣка!

Маша.

Ты комплименты отпускаешь!

Андрей.

И! нѣтъ.... куда ужъ нашему брату
калачи съ медомъ ѣсть, Марья Андреев-
на!... Ведь я знаю, что я дуракъ.

Н. 3.

Да, я дуракъ! да, я дуракъ!...
Я знаю самъ, что очень стою
Чтобъ всѣ смѣялись точно такъ,
Какъ вы смѣетесь надо мною...

Да, я дуракъ! да, я дуракъ!
Но сердце у меня не худо...
Вступивъ въ законный съ вами бракъ,
Я былъ бы мужъ осямое чудо...
Ведь я дуракъ! Да, я дуракъ!

Маша.

Ну, ну, хорошо!... перестань... я тамъ
увиджу... подумано... Довольно ли съ тебя?

Андрей (въ восторгѣ).

Довольно ли?... Экія вы какія, Марья
Андреевна! да я теперь первѣйшій бо-
гачъ!... да у меня теперь пятьдесятъ ты-
сячъ чистоганомъ!... да я теперь султанъ
Турецкій!... да я теперь... ужъ и не
знаю что такое!... Ахъ, Марья Андреев-
на!... Марья Андреевна!...

(Падаетъ передъ нею на оба колѣна).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Прежніе и Лелевы.

Лелева.

О! о!... чувствительныя сцены!...

Андрей (все на колѣняхъ).

Да, сударыня, нечувствительнѣйшія!..
Мы были однихъ господъ съ Марьей Ан-
дреевной.

Лелевъ.

А! такъ вы старые знакомые.

Андрей.

Я, сударь, изъ рукахъ нянчилъ Марью
Андреевну!... (Вставая) и люблю ее
вотъ какъ!... (Проводитъ пальцемъ по
горлу).

Лелева (улыбаясь).

Прошу покорно!

Андрей.

Покойница барыня наша, дай ей Гос-
поди царство небесное, волю Божіей,
сударь, скончалась, померла... Ахъ! до-
брая была барыня!.. Померли, сударь ты
мой, отпустила она на волю всю нашу
дворню.... Я посватался за Марью Ан-
дреевну... ея родители были согласны, но
Марья Андреевна на меня плюнула и по-
шла въ горничныя... Вотъ, плюнувши, су-
дарь ты мой, и пошедши въ горничныя,
она уѣхала съ вами въ Тулу... я началъ
по ней сохнуть, тосковать...

Лелева.

Бѣдняжка!

Маша (Лелевой).

Всей болтовни его не переслушаете, су-
дарыня: онъ готовъ до завтра продол-
жать.

Лелева.

Ничего... онъ меня интересуеть. Продолжай.

Андрей.

Экія вы какія ласковыя, сударыня! По пяти поклоновъ каждый день буду класть за ваше здоровье... Только вотъ, потосковавши, сударыня ты моя, я на пятьсотъ рублей, что достались на мою часть изъ награжденія по духовной покойницы барыни, дай Богъ ей царство небесное, завелъ цирюленку, и началъ съ горя брить честный народъ, да бримши-то, сударыня ты моя, и набрилъ, съ помощію Божіей, тысячки двѣ капиталца. Теперича, узнавши, что Марья Андреевна съ вами сюда воротилась, ужъ вотъ который день я за ней ухаживаю, отдаю ей все свое благопріобрѣтенное, чтобъ только она согласилась за меня выйти за мужъ... не соглашается!

Лелева.

Какая истинная и трогательная привязанность! Не мѣшало бы инымъ мужьямъ примѣръ съ нее взять. (Взглядывая на мужа.) Отчего же ты, Маша, не хочешь быть его женою? Онъ, кажется, малый хороший.

Андрей.

И не пьющій, сударыня.... отродясь хмѣльнаго капли въ ротъ не беру.

Лелева (Машѣ).

Видишь! И это много значить.

Маша.

У меня есть другіе виды, сударыня.

Андрей (печально).

Да, у нее есть другіе виды, сударыня...

Лелева (Машѣ).

Напрасно. Я совѣтую тебѣ размыслить хорошенько, моя милая: такая рѣдкая любовь лучше всякаго богатства.

Андрей (съ восторгомъ).

Экія вы умницы какія, сударыня!...

Лелевъ (женѣ, въ полголоса),

Къ чему эта проповѣдь?

Андрей.

Кажись, если бъ я смѣлъ, расцѣловалъ бы васъ!

Лелевъ (смѣясь).

Кто жъ тебѣ мѣшаетъ!

Лелева.

Маша, я ночевать ѣду къ маменькѣ, а завтра, чтобъ моя комната была совершенно готова и убрана, какъ слѣдуетъ.

Маша.

Слышу, сударыня.

Лелева.

Подай мнѣ салонъ, хвосты, шляпку и картонъ Матіасовскій.

Маша.

Сію минуту-съ (Уходитъ на право).

Лелева (мужу).

Я думаю, ты усталъ, мой другъ, и никуда не поѣдешь.

Лелевъ (смотря на часы).

Теперь ужъ десять часовъ... кудажъ я поѣду?... Мнѣ грустно, что и ты-то уѣзжаешь.

Лелева (уцепивъ его за подбородокъ).

Лицемѣръ!

Андрей (вздыхая).

Охъ! другимъ счастье!

Маша (входитъ: на одной рукѣ у нея теплый салонъ, соболы хвосты, а на другой картонъ и въ рукѣ шляпка).

Андрей (Машѣ).

Позвольте, я подамъ барынь: а то у васъ всѣ ручки заняты (беретъ салонъ у Маши).

Лелева (надвывая хвосты).

Карета подана, Маша?

Маша.

Съ полчаса у крыльца дожидается.

Лелева (надвывая шляпку).

Снеси внизъ картонъ, да поосторожьте; не изомни маменькиной шляпки.

Андрей (подавая салопъ
Мелевой).

Я снесу, если позволите, сударыня...

Мелева.

Пожалуй... только побережнѣе.

Андрей (взявъ кортонъ).

Ужъ будьте покойны.... сливокъ горшочекъ поставьте, такъ капли не пролью. (Идетъ къ дверямъ входа и спотыкается). Капли не пролью!...

Мелева (мужу).

Прощай, мой другъ.

Мелевъ (цѣлуя ее).

Прощай, мой ангелъ.

Мелева (уходя).

Ты вѣдь сегодня хочешь быть домо-сѣдомъ, такъ спи себѣ спокойно. До свиданія!

Мелевъ (проводитъ ее до
дверей).

Завтра утромъ я за тобой приѣду.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Мелевъ и Маша.

Маша.

Вамъ ничего не угодно будетъ прика-затъ, сударь?

Мелевъ.

Фракъ подай.

Маша.

Я думала, вы почивать ляжете.

Мелевъ.

Бѣлыя перчатки.

Маша (въ сторону).

О! разбойникъ!

Мелевъ.

Что ты тамъ бормочешь?

Маша (подавая фракъ).

Ничего, сударь... я говорю, что Вар-вара Александровна напрасно изволятъ быть такіа мнительныя.

Мелевъ (снимъ сюртукъ
и надѣвая
фракъ).

А ты напрасно пускаешься въ рассу-зденія.

Маша (подавая перчат-ки).

Извините.... я такъ только сама съ со-бою думала.... (въ сторону.) О! изверги!

Мелевъ (взявъ шляпу).

Совѣтую тебѣ думать какъ можно мень-ше. Если завтра жена у тебя спроситъ, что я дѣлалъ послѣ ея отъѣзда, скажи: спать легъ.

Маша.

А гдѣ-съ?

Мелевъ.

Гдѣ?... здѣсь, у себя дома, я думаю.

Маша.

Я не смѣю думать: вы мнѣ запретили.

Мелевъ (съ досадою).

Говори, какъ тебѣ приказано!

Маша.

Слушаю-съ, я даже, если вамъ угодно, скажу, что вы изволили во снѣ безпре-стапно бредить про Варвару Алексан-дровну.... Вы скоро назадъ пожелаете?

Мелевъ.

Да.... къ утру.

Маша.

Это рано-съ!

Мелевъ.

Сегодня маскарадъ въ Нѣмецкомъ Клу-бѣ.... Я хочу посмотрѣть на маски.

Маша.

И на живыя лички.

Мелевъ (надѣвая шу-бу).

Навеселюсь вдоволь! (Въ сторону.) Въ шесть мѣсяцевъ насилу выдалась свобод-ная минута! (Вслухъ, уходя.) Пройду этимъ корридоромъ, тутъ ближе. Прощай, Маша!

Маша (проводя его
со свѣчею).

Счастливаго пути, сударь, и пріятнаго времяпровожденія.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Маша (одна).

Онъ ушелъ.... Жена лишь за порогъ—онъ на балъ, онъ въ маскарадъ въ Нѣ-

мецкй Клубъ!.. и на всю ночь!... А говорилъ, что ни шагу со двора!... Ну, не низко ли такъ обманывать?... О мужья, мужья! всѣмъ вамъ стоитъ глаза выцарапать!... И послѣ этого еще говорятъ, что глупо весь вѣкъ въ дѣвкахъ сидѣть, что только въ замужествѣ прямое счастье.... Нѣтъ! нѣтъ! ни за что не пойду замужъ!... А ужъ если на бѣду это со мною случится, то вотъ какъ мужа приберу къ рукамъ, что онъ у меня будетъ тише воды, ниже травы!

Но 4.

Послушансьмъ и потачкой
Глупо мужа баловать;
Просто комнатной собачкой
Мужа надо трактовать....
Чтобъ не смѣлъ онъ слова пикнуть!
Если ласковъ, приласкать;
Если жъ лается, такъ цыкнуть....
А не то и притаскать!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Андрей и Маша.

Андрей.

Лихо отнесъ и подсадилъ барыню въ карету.... Спасибо, сказала... предобрая!... Ба!... а гдѣ же баринъ-то?

Маша.

И онъ тоже отправился.

Андрей.

Вѣрно за нею? Скучно стало?

Маша.

Какъ не такъ! Мужья безъ женъ не скучаютъ.

Андрей.

Экой какой грѣхъводитель!... Стало, вы теперича одиѣ дома-то, Марья Андревна?

Маша.

Одна одинехонька.

Андрей.

И вамъ не страшно?

Маша.

Чего же мнѣ бояться?

Андрей.

Да такъ.... молоденькія дѣвушки и сами не знаютъ чего боятся, а боятся....

при томъ здѣсь вѣдь гостиница... много всякаго народу съѣхавшись.... мало ли что выйти можетъ?... Я и мужчина, а кажись, струхнулъ бы на нашемъ мѣстѣ.... конечно, я дуракъ Марья Андревна....

Маша.

Андрей!... мнѣ капризъ пришелъ въ голову.

Андрей.

Ну, что жъ! дѣло хорошее... молоденькой дѣвушкѣ почему жъ и не покапризаться.

Маша.

Хочешь ли ты сдѣлать мнѣ одно одолженіе?

Андрей.

Нѣтъ, одного мало.... два, три, десять, тридцать, сто!... Прикажете: радъ въ омутъ головою!

Маша.

Поѣдемъ со мною въ маскарадъ, въ Нѣмецкй Клубъ.

Андрей.

Это вотъ здѣсь, на Дмитровкѣ?... Знаю.

Маша.

Сбѣгай сперва на Кузнецкй Мостъ.... вѣдь это два шага....

Андрей.

Слушаю.

Маша.

Въ модный магазинъ....

Андрей.

Во всѣ магазины....

Маша.

Купи двѣ маски....

Андрей.

Двѣ? четыре!...

Маша.

Нѣтъ, двѣ.... одну хорошенькую, атласную....

Андрей.

Для васъ? Понимаю.

Маша.

А другую эдакую гадкую, харю отвратительную....

Андрей.

Для меня? Разумѣю.

Маша.

Возьми еще напрокат домино.... знаешь?

Андрей.

Нѣтъ, не слыхала.

Маша.

Домино... тафтяный халатъ, такой безъ рукавовъ и съ капишономъ.... Только скажи: домино, помнишь?

Андрей.

Помню.

Маша.

Это для меня. Еще не забудь, возьми костюмъ Пьерро.

Андрей.

Перо?

Маша.

Нѣтъ, Пьерро... такой, дурацкій....

Андрей (съ восторгомъ).

Для меня? Не забуду....

Маша.

Ступай же! И приходи сюда сію минуту.

Андрей.

Сію секунду!

Маша.

Ну, скорѣе! Я жду тебя.

Андрей.

Мягомъ! ждите меня! (Убѣгаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Маша (одна).

Что ни будетъ, то будетъ, а я проберусь въ Нѣмецкій Клубъ и подтруню надъ баринномъ.... О! онъ у меня только держись. Я ему вскружу голову!... Сверхъ того Андрей еще отъ роду не видалъ маскарада, и я заранѣе смѣюсь, какъ онъ ротъ разинетъ отъ удивленія... А право, Андрюша славный малый, любитъ меня отъ всего сердца, и если бъ я не дурачилась.... Но.... кто-то идетъ.... ужели онъ!... Нѣтъ, это походка Ивана Петровича... Баринъ воротился!... Ахъ ты, Господи! Убѣгу поскорѣе. (Гаситъ свѣчи и убѣгаетъ на лѣво.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Фортушкинъ (одинъ, поспѣшно входитъ, въ шубѣ, въ дверь съ правой стороны отъ кровати. Только ночная лампадка освѣщаетъ сцену).

Надулъ!... оставилъ съ носомъ крючковъ полицейскихъ!... Вивать!... Чортъ ихъ поберетъ, я задыхаюсь. (Осматриваясь кругомъ и сбрасывая съ себя шубу.) Что это? ночникъ, чемоданы, картоны.... стало здѣсь жить въ кто нибудь? Какъ! другой ужъ успѣлъ занять мое мѣсто!... именно!... (со страхомъ.) Ну, если меня здѣсь застанутъ? вѣдь меня, пожалуй, примутъ за вора; а я самъ былъ всегда кругомъ ограбленъ!... Лучше уйду! а если я попадусь на встрѣчу, подумаютъ, я что нибудь подтибрилъ. (Кличетъ въ полголоса.) Гей! кто тутъ есть?... Милостивый Государь!.. Сударыня!—Никого!.. А выйди я на улицу, квартальный меня цапъ цапаетъ!... Онъ съ кредиторами по пятамъ гнался за мною... Что дѣлать? Какъ быть?... Ужасное положеніе! Надобно выпутаться во что бы ни стало.... Почую здѣсь, рѣшено!... Вчера этотъ номеръ занималъ я; нынче онъ принадлежитъ другому, и можетъ быть, такому же несостоятельному плательщику... Не мудрено, что и этотъ тоже малой душа, безъ гроша за душою.... И ему скажу.... а что я ему скажу?... Скажу, что другой ключъ у себя оставилъ по неосмотрительности, и теперь принесъ его... Именно!... А чтобъ не было ни какого подозрѣнія, положу на каминъ свой кошелекъ, хоть въ немъ-то есть ровно около того.... Подлѣ кошелька часы свои положу.... то есть не свои, а Федорины.... Федора дала мнѣ ихъ на поддержаніе.... (Кладетъ на каминъ часы, кошелекъ, ключъ и записку.) Зажгу свѣчу. Воры дѣйствуютъ въ потьмахъ, а честные люди при свѣтѣ. (Зажигаетъ свѣчу и ставитъ на столъ.) Вотъ такъ...

теперь совѣсть моя спокойна.... Но все еще никто не показывается... Я, однако жъ, нетерпѣливо желаю встрѣтить человѣческую фигуру, чтобы оправдаться, познакомиться и даже, можетъ быть, подружиться.... Какъ знать! случаи всякіе бываютъ! (*Разсматриваетъ всѣ вещи въ комнатѣ.*) У кого же я въ гостяхъ?... Открыть чемоданъ, картонъ, я отнюдь себѣ не позволяю.... (*Подходитъ къ столу.*) Вѣрь!... Я у женщины!... Какъ я радъ!... Женщины вообще сострадательнѣе мужчинъ!... и я заранѣе увѣренъ, что моя хозяйка прелестна, какъ ангелъ!... О! въ этомъ нѣтъ сомнѣнія! (*Беретъ вѣеръ.*)

Но 5.

О вѣеръ! ты благодѣянье
Для милой дамы молодой;
Румянецъ пылаго желанья
Она маскируетъ тобой.
Люблю смотреть, когда на балѣ
Съ мужчиной дама говоритъ,
Защиты ищетъ въ онахалѣ
И машетъ имъ, и вся горитъ!

(*Кладетъ вѣеръ опять на столъ, подходитъ къ камину и находитъ обкурокъ сигары.*) Что я вижу?... (*горестно.*) О разочарованіе! Я упалъ съ Симоновской Колокольни!... Обкурокъ сигарки и фабра для усовъ!... Прощай, Хлоя! прощай, Диана!... я рухнулъ въ міръ прозы!... По, дѣлать нечего, утѣшимся.... хорошо, утѣшимся.... но какъ?... Я мочи нѣтъ усталъ, измучился, и ноги подгибаются... притомъ ночь такая холодная, а здѣсь почти не топлено.... Скреги! дровъ жалѣютъ! Правда, они меня не ожидали. Надѣть шубу, душно... (*Увидя шлафрокъ.*) А, да вотъ шлафрокъ на ваткѣ, чего же лучше?... (*Снимаетъ стюртку и надѣваетъ шлафрокъ.*) Теперь напишу письмо къ моему неизвѣстному другу, обитателю этого жилища. (*Садится къ столу и пишетъ, оборотясь спиною къ дверямъ входа.*) «Я нижеподписавшійся бѣгалъ какъ собака, искалъ себѣ ночлега, и вдругъ очутился хозяиномъ разомъ на двухъ квартирахъ.

По счастью, я плачу только за одну, и то уже черезъ силу.» (*У дверей входа слышенъ стукъ.*) Ай! ай! попался!... (*опять стучатся.*) Была не была!... (*Вслухъ.*) Кто тамъ? Войдите!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Фортункинъ и Андрей.

Андрей (*въ костюмъ Пьерро, съ domino и двумя масками въ рукахъ.*)

Я не смѣлъ прямо втесаться.... вѣдь я дуракъ.... (*Увидя Фортункина и принамая его за Лелева.*) Ахти!... съѣлъ я на мель!... Баринъ!...

Фортункинъ (*съ самоуверенностію и не оглядываясь.*)

Что надобно?... (*Про себѣ.*) Съиграемъ съ клопшtosомъ!

Андрей.

Это я, баринъ, сударь!... Я скажамши къ примѣру....

Фортункинъ (*въ сторону.*)

Онъ принимаетъ меня за своего господина!

Андрей (*въ сторону.*)

Языкъ не поворачивается!

Фортункинъ.

Ну! кто ты?

Андрей.

Андрей Тетеревъ.

Фортункинъ.

А! Тетеревъ!

Андрей.

Точно такъ, сударь.... и нарядимшися въ какой-то бѣсовской балахонъ.

Фортункинъ.

Зачѣмъ же это?

Андрей.

За тѣмъ, что такъ вздумалось вашей горничной, Марѣ Андреевнѣ.

Фортункинъ.

А! Такъ она затѣйница?

Андрей.

Да еще кака-сь! преузорочная!

Фортункинъ (про себя).

Божь оглянуться!

Андрей (въ сторону).

Оглянется, лопнетъ со смѣху!

Фортункинъ.

Что жъ это ей на мысль пришло?

Андрей.

Развѣ прикажете признаться?

Фортункинъ.

Говори!

Андрей.

Она собралась въ маскарадъ со мною, въ Нѣмецкій Клубъ.

Фортункинъ.

Безъ моего позволенія?

Андрей.

Извольте видѣть, она сказала: «Барыня ухамши почевать къ маменькѣ; а баринъ въ другое мѣсто, и до утра не прїѣдутъ.... Запремъ,» говорить, «комнаты, да и дралова!» Ей не въ догадъ, что вы домой воротитесь.

Фортункинъ.

Хорошо. Ступайте оба въ маскарадъ: я позволяю.

Андрей.

Взаправду?... Экіе вы какіе добрые, сударь! Такъ я могу взять съ собою Марью Андревну?

Фортункинъ.

Можешь. А гдѣ она?

Андрей.

Да вѣрно у себя въ дѣвичей... можно мнѣ туда пройти?

Фортункинъ.

Иди.

Андрей.

И въ этомъ балахонѣ?

Фортункинъ.

Пожалуй.

Андрей.

Да вы ужъ, того, не смотрите на меня,

ради Бога! я одѣвши какъ шутъ гороховой!

Фортункинъ.

Не стану смотрѣть.... (Въ сторону). Да и нельзя.

Андрей (на цыпочкахъ).

Я иду-съ.... Экіе вы какіе добрые! экіе вы добрые какіе! Пошли вамъ Богъ чего хочется! (Въ сторону). Уфъ! съ плечъ свалило! (Уходитъ на лѣво).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Фортункинъ (одинъ).

Отдѣлся я кой-что развѣдалъ.... Самое нужное теперь мнѣ извѣстно; только имени хозяйна не знаю.... впрочемъ я и безъ этого могу обойтись. (Пишетъ говоря). Кончу письмо и преспокойно лягу спать до завтра, точно какъ у себя дома. Такъ, просто, на столѣ письмо и оставлю, чтобъ оно прямо бросилось ему на глаза. (Встаетъ). Готово!.. Маршъ на постель! Пусть сочтутъ меня сумасшедшимъ; но по мнѣ ужъ гораздо лучше сидѣть въ Преображенскомъ Безумномъ Домѣ, чѣмъ въ ямѣ у Воскресенскихъ Воротъ.

Но 6.

Друзья мои заподавцы
Вамъ удалось меня пацуть,
Позвольте жъ, милые мерзавцы,
Мнѣ хоть немножко отдохнуть!
Въ отраду дней моихъ печальныхъ
Желалъ бы видѣть хоть во снѣ,
Что будто васъ при всѣхъ квартальныхъ
Сожгли на медленномъ огнѣ.

(Ложится въ постель, закрывшись своей шубой).

Ахъ! какъ тепло и мягко! Ничего не можетъ быть прїятное хорошей постели! Завидую Египетскому Пашѣ... (Зѣваетъ). Лебяжьи пуховики и триста красавицъ въ гаремѣ!... (Засыпаетъ, бредя сквозь зубы). Покойной ночи!... Прощай Грушечка!... Прощай Федорюшка!... (Музыка подъ сурдиною. Входитъ Делевъ).

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Фортукинъ спящій, Лелевъ, (входитъ въ дверь съ правой стороны отъ кровати).

Лелевъ (сбрасывая шубу на стулъ).

Пропадай они! Пусть называютъ меня скромникомъ, бабою, чѣмъ хотятъ, а я не могъ рѣшиться пировать съ ними всю ночь.... да и завтра-то еще врядъ ли бы я отъ нихъ отвязался. Умиѣ сдѣлаю, если лягу спать, и Варинька будетъ мнѣ благодарна. (Идетъ къ постелѣ). Боже!.. Творецъ Всемогушій! Что я вижу? Мужчины у меня въ постелѣ!.. Неужели подлипало или мошенникъ?... (Беретъ со стола свѣчу и смотритъ на Фортукина). Онъ спитъ! (Подходитъ ближе къ кровати) И спитъ крѣпкимъ сномъ.... Слава Богу! это меня успокоиваетъ.... воры и волокиты обыкновенно глазъ не смыкаютъ. (Ставитъ свѣчу на столъ и видитъ письмо). Бумага исписанная.. посмотримъ. (Читаетъ). «Любезный другъ! душа добродѣтельная! Прости, что на нынѣшнюю ночь я занялъ твою постель, которая вчера была моею.» (Говоритъ). Прошу покорно! мой предшественникъ! (Читаетъ). «Разбойники заимодавцы довели меня до этой крайности, и ты вѣрно поймешь ее, если хоть нѣсколько знакомъ съ обольстительными удовольствіями столичной жизни. Я знаю, что ты до утра не возвратишься, а жена твоя ночуетъ у своей матушки.» (Говоритъ). Ахъ батюшки! да отъ кого же онъ узналъ?... (Читаетъ). «Не сердись на меня, добрый товарищъ! а если ты паче чаянія взумаешь прежде времени домой пожаловать, не нарушай моего сна и пожелай мнѣ покойной ночи.» Какое! рѣшительно безъ всякой церемоніи расположился!.. Но наше объясненіе въ минуту кончится, дорогой пріятель, гость неожиданный!.. (Взглянувъ на каминъ). О! о! кошелекъ!.. Да, видно, что это не воръ... н, кажется, онъ имѣетъ ко

мнѣ полную довѣренность.... правда, впрочемъ.... (тряхнувъ кошелькомъ), и рискъ не великъ!.. Понять не умѣю! (Увидя записку на каминѣ, беретъ, и читаетъ у свѣчи). «Его благородію Эрсту Ильичу Фортукину, на Калужскомъ Подворьѣ, № 15.» А! Такъ это вы, Г. Фортукинъ! Милости просимъ!.. Онъ самъ подалъ мнѣ примѣръ нескромности, следовательно я могу.... (Открываетъ записку и читаетъ). «Чудовище безчеловѣчный! Варваръ, мой мучитель! Два раза ты меня обманывалъ и не былъ на свиданіи.... обманешь въ третій, простишь со мною! Нынче вечеромъ я пріѣду къ тебѣ на твою новую квартиру ровно въ десять съ половиною. Жди меня. Твоя неизмѣнная Оедора.» Оедора!.. А! безстыдный наглецъ! Ты занялъ мое мѣсто.... постой же, теперь я твое займу. (Пишетъ и въ то же время поетъ слѣдующій куплетъ:)

№ 7.

Ну, пріятель, спи въ покое!
Я спѣшу къ тебѣ домой,
И позвю навѣрно втрое
За ночлегъ смиренный мой.
За тебя, теперь, безъ спора,
Тамъ со мной насидитъ,
Твой предѣтъ, твоя Оедора
Все сполна заплатитъ мнѣ.

Оставлю этотъ лоскутокъ у него въ сюртукѣ. (Кладетъ написанную имъ бумагу въ сюртукъ Фортукина, брошенный на стулъ подлѣ кровати). Поспѣшу къ Оедорѣ.... это лучше маскарада.... (Взглянувъ на записку). «Калужское Подворье, № 15....» Хорошо! (Надѣваетъ шубу, беретъ шляпу и уходитъ въ дверь на право отъ кровати, захлопнувъ за собою довольно громко).

ЯВЛЕНИЕ XV

Фортукинъ (одинъ, вскакивая съ кровати).

Кто идетъ!.. Квартальный со взысканіемъ? Тьфу! Чортъ поберитъ какъ цапгали!

таскаются по корридорамъ!... нѣтъ средства заснуть въ этихъ проклятыхъ гостиницахъ! Въ другой разъ калачемъ меня сюда не заманишь. (Слышенъ легкій стукъ за дверью по правую сторону кровати).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ФОРТУНКИНЪ и АНДРЕЙ (за дверью).

ФОРТУНКИНЪ.

Такъ и есть! мнѣ не даромъ послышалось.

АНДРЕЙ (за дверью).

Спите вы, сударь?

ФОРТУНКИНЪ.

Нѣтъ.

АНДРЕЙ.

Эгіе вы какіе ласковые! Не правда ли, вѣдь вы позволили Марѣ Андревнѣ въ маскарадѣ вхаты, въ Нѣмецкій Клубъ?

ФОРТУНКИНЪ.

Да.

АНДРЕЙ.

И мнѣ позволили съ нею?

ФОРТУНКИНЪ.

Да.

АНДРЕЙ.

А вотъ она мнѣ вѣрить не хотѣла.

МАША (за дверью же).

Такъ можно-съ?

ФОРТУНКИНЪ.

Подите къ черту!

МАША.

Идемъ-съ Покорно благодаримъ, сударь. Покойной ночи!

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ФОРТУНКИНЪ (одинъ).

Покойной ночи, покойной ночи!... а самъ, палачи, покоя минуты не даютъ!

Но 8.

Музыка:

Dormez donc, mes chères amours.

О сонъ! ты лучший даръ боговъ,

Одва отрада бѣдняковъ!

Другимъ не снится отъ долговъ,

Никой должникъ всю ночь пертится,
А мнѣ, напротивъ, славно спится!...

(Задерживаетъ слегка занавѣски и засыпаетъ. Оркестръ сканчиваетъ нумеръ pianissimo. Лелева входитъ, при послѣднихъ тактахъ, въ дверь по лѣвую сторону отъ кровати).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ФОРТУНКИНЪ спящій, ЛЕЛЕВА.

ЛЕЛЕВА (крадась, въ шляпкѣ и сапожкахъ).

Маша меня не встрѣтила: вѣрно задремала тамъ, у себя, въ дѣвичьей... тѣмъ лучше! я нарочно не хотѣла будить.... (Прислушиваясь у занавѣсокъ кровати). Онъ тутъ.... я слышу его дыханіе.... (Снимая сапожки). Слава Богу, по дѣламъ я наказана за свои несправедливыя подозрѣнія!... И я могла его обвинять, клеветать на него!... Не даромъ маменька бранила меня и не пускала домой. (Снимая шляпку и ключа по тихоньку). Ваня! ты спишь.... (Отходя отъ кровати). Милочка! онъ покоится какъ младенецъ, и заставляетъ меня краснѣть за мою глупую ревность! Дѣйствительно, мы сами иногда выдумываемъ для себя горести, а послѣ попустому плачемъ и жалуемся. (Беретъ свѣчу со стола и зажигаетъ другую на каминъ; увидѣвъ часы). Что это?... дамскіе часы!... (Разсматриваетъ ихъ). Ахъ, какая прелесть часики!... Ну, право, не больше четвертака!... Ожидала я такого вниманія съ его сторонъ!... Мнѣ хотѣлось свои промѣнять.... а онъ купилъ новыя!... (Снимаетъ платокъ, хвосты и перчатки). Ей Богу, мнѣ почти жаль его будить.

Но 9.

Чувствую и знаю.

Жаль его будить,

И душой желаю

Съ нимъ поговорить.

Стагетъ онъ сердиться,

Я скажу: другъ мой!

Право не годится

Съ молодой женой

Долгій сонъ такой!

ФОРТУНКИНЪ (просыпаясь и отдергивая по тихоньку занавѣски, въ полмолоса).

Провидѣніе!... Что это за видѣніе!...

ЛЕЛЕВА (въ сторону и тоже въ полмолоса).

Не надобно будить вдругъ... эдакъ можно испугать.

ФОРТУНКИНЪ (спѣзъ на кровать и спустивъ ноги).

Я въ восторгѣ, въ лихорадкѣ! (Закрывается занавѣской).

ЛЕЛЕВА (подкрадывалась къ кровати).

Почѣмъ его потихоньку. (Открывъ занавѣсу). Ай! ай! помогите!.. (Бросается къ дверямъ на право отъ кровати, Фортункинъ быстро заслоняетъ ей дорогу). Сжался! Не убивай!

ФОРТУНКИНЪ.

Вамъ нечего страшиться, сударыня!

ЛЕЛЕВА (въ величайшемъ волненіи).

Маша!... Иванъ Петровичъ!

ФОРТУНКИНЪ.

Оба ушли, обоихъ нѣтъ.

ЛЕЛЕВА.

Быть не можетъ!

ФОРТУНКИНЪ.

Ушли, говорю я вамъ. Но для сохраненія репутаціи, чести вашей, умоляю васъ—успокойтесь и не заводите шума!

ЛЕЛЕВА.

Куда бѣжать?... Что дѣлать?... (Замѣтивъ, что у ней шелъ открытъ). Ахъ, Боже мой! (поспѣшно накидываетъ шейный платокъ).

ФОРТУНКИНЪ (почтительно).

Н. 10.

Къ чему же эта боязливость?

Я васъ прошу спокойной быть!

И вашу скромность и стыдливость

Я не осмѣлюсь оскорбить!

Могу я вами восхищаться.

Но вѣстѣ съ тѣмъ благоговѣть...

И какъ предъ солнцемъ преклоняться

Не смѣя на него смотрѣть!

ЛЕЛЕВА.

Ради Бога, сударь, скажите: кто вы?

ФОРТУНКИНЪ.

Вѣтренникъ, шалунъ, повѣса, все что вамъ угодно... но, право, добрый малый.

ЛЕЛЕВА.

Все равно, кто бы вы ни были... безъ разговоровъ прошу васъ выйти вонъ отсюда!

ФОРТУНКИНЪ.

Я поступилъ безразсудно, но не хочу чтобъ меня считали негодяемъ, и долженъ вамъ доказать..

ЛЕЛЕВА.

Это не нужно.

ФОРТУНКИНЪ.

О, нѣтъ, сдѣлайте милость, выслушайте... Всему виною одинъ только случай... Вотъ видите ли: сперва вашъ супругъ уѣхалъ въ гости, а вслѣдъ за нимъ и фюанъ, вашъ слуга, съ горничной отправился куда-то въ маскарадъ... въ Нѣмецкій Клубъ, кажется... А мнѣ нельзя было по совѣсти держать у себя долѣе ключъ отъ вашихъ дверей... понимаете? Я вхожу сюда, вижу все разбросано... тутъ чемоданы, тамъ картоны... тутъ фабра для усовъ, тамъ недокуренная сигарка... (Въ сторону) Кажется, я чуху горожу.

ЛЕЛЕВА.

Чтожъ изъ всего этого слѣдуетъ?

ФОРТУНКИНЪ.

Какъ что? неужели вы не понимаете? (въ сторону) Она прелестна!

ЛЕЛЕВА.

Я очень понимаю, сударь, что вы о-

днѣ изъ числа тѣхъ честныхъ людей, которые по ночамъ привыкли пробираться на чужія квартиры, въ то время, какъ никого нѣтъ дома...

Фортукинъ (съ достоинствомъ).

Позвольте, сударыня, позвольте! такія ложныя заключенія слишкомъ для меня оскорбительны!

Лелева.

Но кто же вы, наконецъ? коротко и ясно скажите!

Фортукинъ.

Коротко не будетъ ясно... необходимы подробности.

Лелева.

Говорите!

Фортукинъ.

Ахъ, сударыня! какъ вы счастливы своею судьбою!

Лелева.

Почему жъ вы такъ думаете?

Фортукинъ.

Вы женщина... это ужъ много... и женщина прелестная, что еще больше...

Лелева (въ нетерпѣніи).

Къ дѣлу, сударь! къ дѣлу!

Фортукинъ.

А я ни то, ни другое... судьба какъ нарочно подшутила надо мною, и создала меня мужчиною, съ пылкими страстями...

Лелева (въ сторону).

Себя не помню отъ страха!

Фортукинъ.

Когда страсти выходятъ изъ предѣловъ, то увлекаютъ человека въ бездну глупостей и пороковъ. Юноша сперва такъ живо бросается на встрѣчу всѣмъ свѣтскимъ удовольствіямъ, любить, мечтаетъ быть любимымъ взаимно... разочаровывается, льетъ слезы, предается отчаянію... потомъ съ горя пускается въ игру, пьетъ шампанское, проигрываетъ... деньги летятъ яко голуби... вотъ онъ голъ, какъ соколъ... занимаетъ десять, двадцать тысячъ... ему подъ заемное письмо отсчитываютъ четверть, треть суммы, или мно-

го, много ужъ половину, и то когда онъ имѣетъ залогъ и попадетъ на честнаго ростовщика... Приходитъ срокъ платить... платить нечѣмъ... на друга подають ко взысканію... поступаетъ бумага въ часть... за любезнымъ по пятамъ рыщутъ квартальные, комиссары, а онъ рыщетъ отъ нихъ изъ улицы въ улицу, съ квартиры на квартиру, чтобы, знаете, не попасть на казенную, то, что у Воскресенскихъ-то Воротъ.. И такимъ образомъ, это продолжается до тѣхъ поръ, пока его наконецъ туда не засадятъ, или покуда онъ не успѣетъ ускользнуть за заставу и жениться на какой нибудь богатой провинціальной старухѣ или толстой городской купчихѣ... Вотъ вамъ, сударыня, подробная и вѣрная исторія молодого человека хорошей фамиліи, и вашего покорнѣйшаго слуги, Эраста Фортукина!

Лелева (успокоясь по немногу въ продолженіе его разсказа).

Слышу, и сожалѣю, сударь... Но для чего же выбрали вы именно нашу квартиру, а не другую?

Фортукинъ.

Потому, что не дальше какъ вчера я изъ нее выѣхалъ, и думалъ найти ее пустою... доказательство, я отперъ ее ключемъ, который забылъ возвратить приказнику.

Лелева.

Понимаю... Но вы говорили мнѣ о моемъ мужѣ... развѣ вы его знаете?

Фортукинъ (смѣшавшись).

Да... немного... прежде мы съ нимъ видались, когда оба служили въ кавалеріи.

Лелева.

Да, онъ никогда не служилъ въ кавалеріи.

Фортукинъ.

Ахъ! нѣтъ... я хотѣлъ сказать, что познакомился съ нимъ тогда, какъ ужъ онъ въ пѣхоту поступилъ.

Лелева.

Да онъ никогда и въ пѣхотѣ не былъ.

Фортункинъ.

Не былъ и въ пѣхотѣ?... ну, такъ стало быть, во флотѣ... или кстатѣ... въ Сепатѣ!... все равно... вѣдь служилъ же онъ гдѣ нибудь... не правда ли?... Да, я помню... онъ былъ еще такой вспылчивый... развѣ женился, перемѣнился?... Но вы меня не слушаете, сударыня?

Лелева (въ сторону).

Неужели никто не придетъ?... И куда дѣвался Иванъ Петровичъ?

Фортункинъ.

Можетъ быть, вы еще сомнѣваетесь въ истинѣ словъ моихъ, считаете меня обманщикомъ?

Лелева.

Но, сударь...

Фортункинъ.

Въ такомъ случаѣ, чтобъ совершенно васъ удостовѣрить... (Шаритъ въ боковомъ карманѣ своего сюртука, оставленнаго имъ на столѣ подлѣ кровати). Позвольте представить вамъ письменныя доказательства... Вотъ, извольте, сударыня. (Читаетъ показывая ей) «Вѣдомства Московской Управы Благочинія»... Ахъ, пѣтъ... это взысканіе... а вотъ... (читал) «Вѣдомства...» и это то же... но вотъ, вотъ... посмотрите. (Развертываетъ записку Лелева) Что я вижу!

Лелева.

Что такое?

Фортункинъ.

Я погибъ, обманутъ!... вашъ мужъ поражаетъ меня прямо въ сердце, сударыня!

Лелева.

Объяснитесь, сдѣлайте одолженіе.

Фортункинъ (подавалъ ей записку).

Прочтите.

Лелева.

Да.. это его рука (Читаетъ). «Я уступаю вамъ мою комнату, потому что она для васъ необходима, и возьму вашу за

«тѣмъ, что мнѣ надобно же гдѣ нибудь по-чевать. На такой размѣнъ, впрочемъ, я «только сегодня въ первый и въ послед- ній разъ соглашаюсь. Покойной ночи, «любезный мой Г. Фортункинъ...» (говори- ть) Ну, такъ чтожъ, сударь?

Фортункинъ.

Н. 11.

Какъ! неужели вы
Не можете понять?
Вѣдь нашей головы
Задумалъ онъ искать!...

Лелева.

Что слышу? Боже мой!

Фортункинъ.

Да! нынѣшняго дня
Назначено съ одной
Свиданье у меня!

Лелева (всплеснувъ ру- ками).

Неужели?...

Фортункинъ.

Именно!... свиданье по дѣламъ съ од- ной недавно овдовѣвшей дѣвицей Оеодорой... она мнѣ писала, что будетъ у ме- ня ровно въ 10½ часовъ... и теперь вашъ мужъ непремѣнно съ нею... а она на ме- ня бѣсится!... Бѣда!

Лелева.

Боже! такъ онъ знаетъ?...

Фортункинъ.

Разумѣется! Онъ вѣрно прочелъ записку моей измѣнницы... эта записка была у меня, а вашъ мужъ ее унесъ!...

Лелева (въ сильнѣйшемъ волненіи).

Такъ что жъ вы медлите? Ступайте, по- тѣжайте, скачите поскорѣ!... Или нѣтъ; постойте: я съ вами вмѣстѣ поѣду!... (Прислушиваясь) А! вотъ онъ!... замол- чите!... мы отмстимъ за себя!

Фортункинъ.

Но для мщенія не было надобности его дожидаться.

Лелева (сидя въ Воль- теровскія кре- сла).

Сядьте тутъ, подлѣ меня.

Фортункинъ (придвигая стулъ).

Съѣлъ.

Лелева.

Побольше нѣжностей!

Фортункинъ.

Сколько душъ вашей угодно.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Прежніе и Лелевъ.

Лелевъ (у дверей входа, въ сторону).

Вѣрить ли глазамъ! Жена моя вдвоемъ съ мужчиною!... Послушаемъ!

Лелева (нѣжно и жалостливо Фортунику).

Но я вамъ клянусь, этого нельзя, невозможно!

Фортункинъ.

Ахъ! нѣтъ! если бъ вы дѣйствительно желали... (Въ полголоса.) Не знаю, какъ васъ зовутъ?...

Лелева (въ полголоса).

Варвара Александровна.

Фортункинъ (громко).

Если бы вы въ душѣ чувствовали, прелестная Варвара Александровна... (Въ сторону) Боюсь: онъ меня схватитъ за горло!

Лелевъ (въ сторону).

Что они говорятъ?

Лелева (Фортунику).

Хотя мы съ дѣтства взаимно любимъ другъ друга, однакожъ эта страсть должна теперь умолкнуть предъ моими супружескими обязанностями.

Фортункинъ.

И! полноте! эти обязанности ничего не значатъ для жены, какъ скоро самъ мужъ потерялъ къ нимъ уваженіе.

Лелевъ (въ сторону).

Какую мораль читаетъ!

Лелева.

Ужъ не хотите ли вы меня увѣрить, что мужъ мой способенъ на непростительные поступки?

Фортункинъ.

Избави Боже, мой другъ?

Лелевъ (въ сторону).

Мой другъ!

Фортункинъ.

А между тѣмъ, гдѣ же онъ теперь? и какъ знать, гдѣ онъ ночь проведетъ? Можетъ быть, у какой нибудь Зинаиды, Прониды... или Федоры...

Лелевъ (въ сторону).

Разбойникъ!

Лелева.

Послушайте, Фортункинъ!...

Лелевъ (въ сторону).

Фортункинъ!... это ужъ слишкомъ!

Лелева.

Если ваши предположенія не клевета, если мужъ мой точно вѣтренникъ...

Фортункинъ.

Мало!.. Измѣнникъ!

Лелева.

Ну, да... измѣнникъ, въ такомъ случаѣ даю вамъ обѣщаніе, даже клятву...

Лелевъ (показываясь).

Посмотримъ, что это за клятва!

Лелева (притворно испугавшись).

Ахъ!.. вы тутъ были!..

Фортункинъ (въ сторону).

Попалъ на удочку!

Лелевъ.

Да, сударыня, я былъ тутъ, и желалъ бы знать, о какомъ это важномъ дѣлѣ, въ полночь, пришелъ говорить съ вами другъ дѣтскихъ лѣтъ, про котораго я еще ни разу отъ васъ не слыхалъ?

Лелева.

Я не имѣла пужды вамъ о немъ рассказывать. А что онъ пришелъ въ полночь, то всякой выбираетъ для себя удобное время, нарочно, чтобъ никто не могъ помѣшать и быть въ тягость своимъ присутствіемъ не кстатн. Между тѣмъ, позвольте васъ спросить: откуда вы пожаловали?

Лелевъ.

Вы-бы, кажется, должны быть нынѣшній вечеръ у вашей матушки.

Лелева.

А вы у себя дома.

Лелевъ.

Мое мѣсто заняли.

Лелева.

Потому, что вы его оставили.

Лелевъ.

Я долженъ былъ найти другое.

Фортункинъ.

Которое и я, въ свою очередь, не долженъ бы оставлять, сколько мнѣ кажется.

Лелева.

А что вы безъ меня изволили дѣлать?

Фортункинъ.

Да, сударь, что вы тамъ безъ меня изволили?.. (Въ сторону.) Я думаю, я пожелѣлъ, какъ лимонъ?

Лелевъ (женѣ).

Ахъ, Боже мой! ничего особеннаго! Отъ скуки, что тебя нѣтъ со мною, я пошелъ прогуляться, подышать свѣжимъ воздухомъ.... возвращаюсь домой и вижу—этотъ господинъ раскинувшись на моей постелѣ спитъ преспокойнымъ сномъ.

Фортункинъ.

Сномъ невинности, сударь!

Лелевъ.

Сначала, я, признаюсь, испугался... думалъ найти соперника... но страхъ мой сейчасъ же исчезъ, какъ скоро я вспомнилъ про твою примѣрную скромность, доброту и неизмѣнную любовь ко мнѣ, мой ангелъ!...

Фортункинъ (въ сторону).

Если онъ также и съ Федоромъ разглагольствовалъ, я чисто съ носомъ!

Лелевъ (женѣ).

Господинъ Фортункинъ, какъ человѣкъ благородный...

Фортункинъ (въ сторону).

О! подлый лстецъ!

Лелевъ.

Желая предупредить меня, оставилъ здѣсь на столѣ записку... я прочелъ, и исполнѣ увѣренный въ чистотѣ его намѣреній, изъ великодушія уступилъ ему свою комнату, а самъ поѣхалъ къ нему ночевать.

Фортункинъ.

Но я васъ къ себѣ не приглашалъ, сударь.

Лелевъ (съ жаромъ).

И я васъ, кажется, тоже!

Фортункинъ.

А кого вы у меня нашли? съ кѣмъ встрѣтились?

Лелева (съ жаромъ).

Да, сударь! вотъ въ чемъ ваше преступленіе! говорите: кого вы нашли у нихъ въ комнатѣ?

Лелевъ.

Въ комнатѣ?... никого!.. но въ замочной скважницѣ...

Фортункинъ.

Федору вы нашли въ замочной скважницѣ?

Лелевъ.

Нѣтъ... а записку.

Фортункинъ.

Въ родѣ каракульковъ?

Лелевъ.

Почти разобрать невозможно.

Фортункинъ.

Ну, это ея почеркъ!

Лелевъ (вынимая записку и разбирая литеры).

«И, з, в, и, р, к, ъ, Извиркъ!»

Фортункинъ.

Это ея правописаніе!

Лелевъ (посторя).

«Извиркъ!»

Фортункинъ.

Знаю!.. это ужъ не въ первый!.. продолжайте.

Лелевъ (продолжая читать какъ написано).

«Ты опять абманулъ меня. Прости навѣкъ! я даю къ Павлу Дмитричу Аминь-ву...» — а аминь, — все тутъ.

Фортункинъ.

Вѣрно очень спѣшила, болалась опоздать.

Лелева (мужу).

Но вы, знали, сударь, объ этомъ свиданіи, и поѣхали! Поведеніе ваше безстыдно, непросительно, преступно!

Лелевъ.

Право, я не зналъ! Увѣряю тебя!

Фортункинъ (въ сторону).

Низкій лицемѣръ! (Въ слухъ.) А за чѣмъ-же вы Федорину записку-то, что я давеча здѣсь на столѣ оставилъ, къ себѣ припрятали?

Лелевъ.

Другой записки, кромѣ этой, я ни какой не выдавалъ.

Фортункинъ.

Полноте!

Лелева (мужу).

Рѣшено, сударь... завтра же назадъ, въ Тулу!

Фортункинъ.

И прекрасно сдѣлаете, сударыня! Столичный воздухъ вреденъ для молодыхъ супруговъ.

Лелевъ.

Хорошо, будь по вашему, сударыня... Но позвольте же и мнѣ повторить вопросъ: почему это я отъ васъ никогда не слышалъ, что Г. Фортункинъ въ дѣтствѣ былъ вашимъ другомъ?

Лелева.

Потому, что это дѣтство не такъ давно: оно началось съ той минуты, какъ

вы сюда вошли и стали насъ подслушивать.

Фортункинъ.

Васъ помучить хотѣли.

Лелевъ.

А! вотъ что!.. ну, это дѣло другое... впрочемъ, я, право, и не думалъ ревновать.

Фортункинъ (въ сторону).

О падучее созданіе! (Идетъ къ занавѣскамъ кровати и спрятавшись за ними, скидаетъ шлагфрокъ Лелева и надѣваетъ свой сюртукъ)

Лелевъ (женѣ).

Твоя комедія со мною есть доказательство твоей благородной самоувѣренности, конечно, однако жъ все неблагоразумно иногда слишкомъ на себя надѣяться.

Фортункинъ (въ сторону съ самодовольствомъ).

А! все таки задѣло за живое!

ЯВЛЕНІЕ XX.

Прежніе, Маша и Андрей (въ изорванныхъ и запачканныхъ костюмахъ).

Андрей.

Ахъ ты, Царь небесный!.. меня совсемъ изломали! всѣ кости какъ въ мѣшкѣ!

Маша (увидя Лелевыхъ).

Ай!

Андрей (въ сторону).

Господа!

Маша (въ сторону).

И еще кто-то!

Лелева (съ шепсомъ).

Что это у васъ за маскарадъ?

Андрей.

Нынче святки. Мы, сударыня, сейчасъ съ бала.

Лелевъ.

Съ бала?

Андрей.

Изъ Нѣмецкаго Клуба... оно-то есть въ Нѣмецкомъ-то Клубѣ, извольте видѣть, мы не были-съ, а только у дверей потолкались.

Лелевъ.

И того довольно... но какъ же вы туда попали?

Андрей.

Марья Андреевна пожелалось... вотъ мы и пошли.

Лелева.

Прекрасно.

Андрей.

Экія вы какія, сударыня! сперва-то оно и точно, что было прекрасно... я, взявши Марью Андреевну подъ руку, ногъ подъ собой не чувствовалъ отъ радости, и выступала словно павильнъ съ павой..

Лелевъ.

Ну, ну! говори скорѣе!...

Андрей.

Только вотъ, сударь, выступимши эдакъ съ Маріей Андреевной подъ ручку - то, пришли мы туда, гдѣ билеты-то продаютъ... народу тьма тьмущая додору нѣтъ! Пробрались кой-какъ къ конторкѣ, я хочу протянуть руку за билетами, вдругъ Марія Андреевна: «ай! ай! ай!..» я: «что-молъ вы Марія Андреевна?» Марія Андреевна хоть-бы словечка, молчать... А межъ-тѣмъ давка идетъ такая, что Боже упаси!.. Марія Андреевна опять: «ой! ой! ой!..» я опять: «что съ вами, душечка?» Душечкой назвалъ Марію Андреевну, ей-Богу! — «Да вотъ, говорить — этотъ все щиплетъ!» Я, сударь, замѣтивши молодца, какъ хвачу его кулакомъ подъ бокъ, а онъ какъ дернетъ меня по рожѣ — и пошла у насъ таска!.. да хорошо, что меня вывели; а Марію Андреевну ужъ одной остаться не разсудилось.

Лелевъ.

А кто вамъ позволилъ идти въ маскарадъ?

Андрей.

Какъ кто? вы, сударь.

Лелевъ.

Я?

Маша.

Да, сударь, вы... вѣдь вы и сами туда собирались.

Лелева (мужу съ инъ-вомъ).

Какъ! и вы тамъ были сударь?

Лелевъ.

Они оба несутъ ахинею!...

Маша.

Да я вамъ, сударь, и фракъ - то подавала!

Лелева.

Ахъ, да! давеча при мнѣ вы были въ сертукѣ, а теперь во фракъ — вотъ явная улика!... Стыдно вамъ, сударь, отпираться!

Лелевъ.

Фракъ я надѣлъ для прогулки, потому, что въ шубѣ сертукъ путается.

Фортункинъ (иронически).

Путается, ужасно, путается!

Андрей.

А мы истинно, сударь у васъ просились, вонъ изъ этой двери-съ! (Указывая на право).

Лелевъ (съ жаромъ).

Полно врать, дурачина!

Андрей.

Помилуйте, да вы еще и прежь сего намъ позволили, когда бывши въ халатѣ писали здѣсь у стола, оборотившись ко мнѣ спиною... а я еще вошелъ къ вамъ не значай, и просилъ васъ не смотрѣть на мой шутовской нарядъ.

Лелевъ.

Что за галиматья такая!...

Фортункинъ.

Позвольте, позвольте... вы поймете все съ одного слова... Я занялъ ваше мѣсто, и вашимъ лицомъ раздавалъ позволенія.

Андрей (Фортункину).

А! такъ это вы сидѣли въ хагатики-то! вотъ что-съ!... а я и не разглядѣлъ, право не разглядѣлъ... вѣдь я дуракъ!...

Кн. X.—6

ЛЕЛЕВА (строго).

Какъ скоро ты, Маша, рѣшилась ночью уйти со двора безъ моего позволенія — ты мнѣ больше не нужна.

Маша.

Я и сама хотѣла просить у васъ расчесть, сударыня, потому что иду замужъ.

АНДРЕЙ (съ безпокойствомъ).

За кого Марья Андревна?

Маша.

За тебя, моего защитника!

АНДРЕЙ (съ сторонѣ).

Господи! Господи!... Эхъ досадно, что изъ за васъ меня еще мало отдубасили!

ЛЕЛЕВА (мужу).

И такъ, завтра же въ Тулу!

ЛЕЛЕВЪ.

Очень радъ — прощайте, Г. Фортункинъ!

ФОРТУНКИНЪ.

Я съ вами готовъ терять золотые часы, по эти (показывая на маленькіе часы, которые онъ на столѣ оставилъ) не мнѣ принадлежать; и такъ позвольте ихъ всѣхъ обратно.

ЛЕЛЕВЪ.

Очень пріятно. — Прощайте!

ФОРТУНКИНЪ (Лелевымъ).

№ 12.

Когда ужъ мнѣ простили вы,

Прощайте! я и вамъ прощаю,

И прямо въ Тулу изъ Москвы

Пути счастливаго желаю.

Дай Богъ вамъ вѣкъ прожить вдвоемъ

И въ радости и въ восхищеніи!

Благодарю васъ за пріемъ...

(Зрителямъ).

А насъ за посѣщеніе!

II. МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

РУБЕЦЪ,

ПРІКЛЮЧЕНІЯ ПѢВИЦЫ И ЕЯ ДОЧЕРИ.

Господинъ де Бреаръ спрашиваетъ, можете ли вы, сударыня, принять его?

«Онъ одинъ?»

— Одинъ, сударыня.

«Проси.»

— Сюда, въ мастерскую прикажете?

«Сюда.»

Та, которая отдавала приказанія, и которую служавка называла сударынею, въ смыслъ дѣвицы, *Mademoiselle*, не имѣла причинъ бояться слѣдствій свиданія съ мужчиною: это была толстая, низенькая женщина, отличавшаяся осанкою театральной царицы и лицомъ откормленной купчихи; на обнаженной головѣ ея блистали совершенно бѣлые волосы. Такая наружность, конечно, заставляла многихъ улыбаться; но за то дѣвица Элиза Девинъ имѣла фizioномію открытую, выражавшую живой умъ, быстрое, тонкое сужденіе, и обладала весьма замѣчательнымъ художническимъ талантомъ, съ которымъ могли соперничествовать развѣ одни мужчины-артисты. Послѣ отрывистаго разговора съ горничною, Элиза Девинъ поспѣшила закрыть работу и отойти отъ станка.

Почти въ ту же минуту вошелъ Максимъ де Бреаръ, молодой человекъ лѣтъ тридцати, съ благороднымъ лицомъ и аристократическими манерами. Обычная задумчивость фizioноміи, столь противоположная пѣвности чертъ; необыкновенная, по лѣтамъ, степенность, обличали въ немъ безпокойство человека, который идетъ не своимъ путемъ, но ищетъ или ожидаетъ рѣшенія своей участи. Что же было таинственнаго въ жизни молодого человека? Онъ самъ, по крайней мѣрѣ, почиталъ свою тайну непроницаемою. Дѣло покажетъ, укрывалъ ли его тайна отъ проницательной Элизы Девинъ.

— Здравствуйте, любезный де Бреаръ, сказала артистка, встрѣчая гостя. Вотъ пріятная вѣчашинность! Вы такой рѣдкій гость!...

«А вы, сударыня, совершенно неприступны, возразилъ де Бреаръ, улыбаясь. Я не успѣлъ переступить за порогъ, какъ вы аттаковали меня...»

— Прошу садиться. Вотъ уже два мѣсяца, что вы пріѣхали въ Блуа, были, по пріѣздѣ, у всѣхъ, отъ всѣхъ получали приглашенія, и до сихъ поръ никому не отдали визита.

«Сегодня утромъ я отдалъ всё безъ исключенія...»

— Ну, это другое дѣло! А вотъ что скажите мнѣ, почему я очутилась въ вашемъ спискѣ послѣдней?

«Потому что я хотѣлъ пробыть съ вами всѣхъ долѣе.»

— Прекрасный отвѣтъ! Подумаешь, что съ вами случилось что нибудь утѣшительное.

«Напротивъ, весьма скучное. Я дѣлалъ сегодня прощальные визиты.»

— Прощальные?

«Да, завтра я ѣду.»

— Неужели?

«Непремѣнно, если только вы не найдете тайны удержать меня, прочитать въ сердцѣ...»

— Нѣтъ, я не имѣю въ рукахъ такой власти... Но вы сами сознаетесь въ тайнѣ, и хотите ли держать пари, что я знаю половину вашей тайны?

«Съ большимъ удовольствіемъ! Я слѣшкомъ твердо увѣренъ въ сохраненіи первой половины, и потому не боюсь потерять вторую.»

— Пожалуйте сюда.

И, подойдя къ станку, артистка сняла съ миниатюрнаго портрета тонкую бумагу. Де Бреаръ, при взглядѣ на почти оконченный портретъ женщины, не могъ не обнаружить своего изумленія. Хитрая Элиза посмотрѣла на него съ улыбкою, и сказала:

— Чтоже? Вы ѣдете завтра?

«Нѣтъ!» отвѣчалъ молодой человѣкъ невольно.

— Но это лице вамъ не знакомо?

«Да, я вовсе не знаю его.»

— И вы нашли подъ моею кистию не потерянный предметъ вашей страсти!... Такіе случаи не часто бываютъ.

«Никогда не видалъ я оригинала этого портрета.»

— И не смотря на то, останетесь у насъ, обратитесь ко мнѣ съ распросами объ имени, мѣстѣ жительства, приключе-

ніяхъ незнакомой вамъ особы.. Наконецъ, вы ее увидите, и, можетъ быть, влюбитесь. По портрету, вамъ легко сдѣлать заключеніе, что она молода, очень хороша собою... Ну, а когда вы съ нею потанцуете...

«Договаривайте, сдѣлайте милость!»

— Нѣтъ, довольно! Я взяла на себя обязанность узнать одну половину тайны; другую вы сами доскажете мнѣ. Замѣьте только, что эта дѣвица не имѣетъ въ чертахъ своихъ ни одного особеннаго признака: красота ея чистая, правильная; васъ ничто не могло поразить въ ней, кромѣ того, что дѣвица изображена въ обыкновенномъ городскомъ костюмѣ, а вы желали бы видѣть ее въ бальномъ платьѣ.

«Помилуйте!»

— А вы, думали, что мы вовсе не дальновидны?... Теперь садитесь на ваше мѣсто.

Де Бреаръ повиновался машинально; Элиза Девинъ продолжала:

— Я хочу распросить васъ кое о чемъ.

«Готовъ исполнить ваше желаніе.»

— Вамъ подъ тридцать; года четыре назадъ, именно въ 1812 году, вы служили въ кавалеріи, и въ этотъ самый годъ вышли въ отставку.

«Такъ точно; всѣ подробности вы узнали отъ меня.»

— Съ тѣхъ поръ, вы живете въ Парижѣ, не любите путешествовать, мало заботитесь о разсѣяніи, хотя, по своему званію и состоянію, можете удовлетворять всѣмъ прихотямъ. Вы часто бываете въ свѣтѣ, но безъ удовольствія, и вдругъ пріѣхали въ Блуа, скучнѣйшій городъ во Франціи, гдѣ у васъ нѣтъ знакомыхъ. Вотъ уже два мѣсяца, что вы посѣщаете наши лучшіе дома, преимущественно тѣ, въ которыхъ есть молодыя дамы или дѣвицы, ухаживаете за всѣми, въ обществѣ или на гуляньѣ, соблюдая притомъ безукоризненное приличіе и чрезъ-

вычайную осторожность, и такимъ поведениемъ поставяете всѣхъ въ тупикъ!.

«Почему вы это знаете?»

— Позвольте мнѣ кончить. Вы никогда не поддавались тѣмъ женщинамъ, которыя могли бы привязать васъ къ себѣ, и которыя, втайнѣ, очарованы вашими многочисленными преимуществами. Послѣ какого нибудь бала или вечера, данного по вашему вызову, послѣ того, что вы видите нашихъ красавицъ въ томъ безжалостномъ бальномъ костюмѣ, который открываетъ всѣ тайны, вы ни на кого не обращаете вниманія, пренебрегаете всѣми весьма обидно. Многие отцы и матери ждали отъ васъ предложенія, а вы даже не отплачивали и визитомъ, и съ каждымъ днемъ становились мрачнѣе, задумчивѣе, до тѣхъ поръ, пока не вздумали уѣхать отсюда...

«Но какимъ образомъ вы узнали...»

— Отъ васъ самихъ, именно теперь. Я наблюдала, спрашивала, а вы мнѣ отвѣчали. Слѣдовательно, мое предположеніе обратилось въ истину!

Де Бреаръ закурилъ губы, и далъ себѣ слово какъ нибудь отбѣлаться отъ распросовъ.

— Скажите-ка мнѣ, господинъ офицеръ, неужели и художническій фанатизмъ овладѣлъ вашею душою? Развѣ вы, во время странствованій съ полкомъ, успѣли замѣтить станъ Галатеи, бюстъ Изиды, плечо мраморной или гранитной Цитеры? Вы вездѣ ищете, что занимаетъ ваше воображеніе, и чего не видятъ глаза! Какой нибудь любитель не извѣстилъ ли васъ тайно...

«На этотъ разъ, вы теряете закладъ, ошибаетесь, не дойдя и до половины истины,» прервалъ молодой человѣкъ.

— Можетъ быть, возразила Элиза Девинъ, нарочно заговорившая вздоръ, чтобы вывѣдать истину. Теперь и выходитъ, что не только Блуа, не только Франція, но и Европа была предметомъ вашихъ по-

исковъ... Господинъ де Бреаръ, вы были въ Италиі?

«Не спорю.»

— Въ Тосканѣ.

«Возможно ли?...»

— Вы были въ Тосканѣ, при дворѣ Принцессы Элизы.

«Что вы говорите?...»

— Въ 1812 году, вы были при Тосканскомъ Дворѣ... И такъ я выиграла пари?

«Безъ сомнѣнія, воскликнулъ изумленный де Бреаръ; но я рѣшительно не могу понять... Развѣ...»

Онъ подошелъ къ портрету.

«Заклинаю васъ, скажите: чей это портретъ?»

— А заплатите ли за пари?

«Непремѣнно.»

— Вотъ чей!...

Въ эту самую минуту, какъ будто Элиза Девинъ имѣла въ рукахъ волшебную палочку, вошла въ мастерскую дама съ дѣвицею. Хозяйка поспѣшила имъ на встрѣчу, дружески пожала руку первой, называя ее Г-жею Перно, и нѣжно поцѣловала вторую, назвавъ ее своею милою Ирмою.

Взволнованный молодой человѣкъ стоялъ въ отдаленіи, внимательно смотря на обѣихъ дамъ. Ирма имѣла чистою красотою и ослѣпительною свѣжестію; это была, въ полномъ смыслѣ, цѣломудренная брюнетка; въ ней все дышало тою любовью, которую сообщаетъ невиннымъ сердцамъ постоянное счастье; вся наружность ея имѣла въ себѣ что-то живительное, отрадное для другихъ сердецъ. Овальное лице, Греческій профиль, большіе, темноглубые глаза, гибкая талія, видъ олицетворенной невинности очаровывали, однако жъ, болѣе артистку, какъ, напримѣръ, Элизу Девинъ, нежели романческаго де Бреара, внутренняя тревога котораго происходила въ эту минуту не отъ дѣвственнаго совершенства Ирмы. По тайному инстинкту, мо-

дой человекъ занимался больше матерью, женщиною слабою, небольшого роста, еще пріятною, милою, но уже поблеклою, на лицѣ которой видны были слѣды легкихъ страстей и отпечатокъ прежняго кокетства.

Г-жа Перно, сначала, не обратила вниманія на де Бреара, какъ на человека, повидимому, незнакомаго, и послѣ первыхъ привѣтствій, сказала Элизѣ Девинь:

— Вы, можетъ быть, думаете, что мы пришли взять сеансъ; нѣтъ, мы пришли похитить васъ...

И когда Девинь показала головою намѣреніе сопротивляться, дама возразила:

— Пожалуйста, не защищайтесь! Больше мѣсяца, вы не были на Терассахъ; время теперь прекрасное, дороги отличныя; въ каретѣ моей два лишнія мѣста, вы непременно должны съ нами ѣхать. Къ тому же, Аннета, ваша любимица, хочетъ вамъ показать рисунокъ, которымъ вы останетесь довольны.

«Я, право, не могу, отвѣчала Элиза, улыбаясь; гость мой намѣренъ раздѣлить со мною скромную трапезу...»

Эта удачная отговорка только дала Г-жѣ Перно случай побѣдить Элизу Девинь новымъ возраженіемъ.

— Вашего гостя я съ большимъ удовольствіемъ желаю видѣть у себя, и попрошу его безъ церемоніи, увлечь васъ. Нѣтъ ничего пріятнѣе печальныхъ *parties de plaisir*, и пынѣшнее наше веселье теперь въ рукахъ у вашего гостя.

«Всѣми силами постараюсь поддержать его, сударыня, отвѣчалъ молодой человекъ.

— И такъ, вы согласны?

«Отъ души, и безъ церемоніи!»

Но чѣмъ болѣе де Бреаръ смотрѣлъ на эту даму, чѣмъ болѣе слушалъ ее, тѣмъ сильнѣе тревожился неожиданною встрѣчею. Сама Г-жа Перно, взглянувъ въ первый разъ на молодого человека пристально, не могла ни скрыть на своемъ

лицѣ изумленія, ни оторвать проникательныхъ глазъ отъ смущеннаго незнакомца.

Между тѣмъ, Ирма тихонько сказала Элизѣ Девинь:

— По крайней мѣрѣ, рекомендуюте вашего гостя маменькѣ.

«Ахъ, я и забыла! Рекомендую вамъ, моя милая, Г. де Бреара, отставнаго конноегерскаго офицера.

— Г. де Бреаръ! сказала, задрожавъ, Г-жа Перно, но послѣ перваго изумленія, поспѣшила прибавить:

— Да, мы, кажется, не совсѣмъ незнакомы! Госпожа Девинь много говорила намъ о васъ, когда вы пріѣхали въ Блуа.

Де Бреаръ отвѣчалъ кое-какъ, стараясь скрыть собственное смущеніе, а между тѣмъ Ирма опять шепнула артисткѣ:

— Неужели это тотъ самый Г. де Бреаръ, который прослылъ такимъ недоступнымъ оригиналомъ?... Тѣмъ лучше!

«Почему же?»

— Потому, сказала Ирма, покраснѣвъ и опомнясь, потому что... онъ увидитъ Аннету, и мы замѣтимъ, что онъ подумаетъ о ней.

«Ангелъ и демонъ!» проговорила Элиза Девинь.

— И такъ, замѣтила Г-жа Перно съ веселымъ видомъ, дѣло кончено: черезъ полчаса я заѣду за вами.

Когда гости ушли, де Бреаръ, схвативъ Элизу Девинь съ невыразимымъ волненіемъ за руку, спросилъ:

— Вы расскажете мнѣ объ этой дамѣ?

«Помилуйте! Неужели я всесвѣтный словарь, вскричала веселая артистка. И къ чему этотъ трагическій тонъ!»

«Расскажите, умоляю васъ!.. Ея мужъ?..»

— Г. Перно умеръ.

«Фамилія подложная!... А гдѣ живетъ ваша знакомая?»

— Вы сами слышали: на Терассахъ, въ двухъ миляхъ отъ города. Прелестная дача, на берегу Луары, съ паркомъ,

садами на терассахъ, которыя доходятъ до рѣки.

«Г-жа Черно не бываетъ въ свѣтъ?»

— Да, она нигдѣ не выѣзжаетъ.

«Расскажите же мнѣ исторію ея жизни...»

— Странный вы человѣкъ! Развѣ я занимаюсь чужими дѣлами? Половину ея исторіи я, впрочемъ, знаю... Слушайте: дѣйствіе происходитъ весною 1796 года, въ окрестностяхъ Генуи...

«Среди Италіанской Арміи?»

— Угадали. Теперь, представьте себѣ офицера временъ Республики, въ широкому катанѣ, въ полосатыхъ панталонахъ, въ маленькой шляпѣ съ султаномъ, съ огромными усами... Онъ идетъ съ своею ротою въ горахъ, и въ первый разъ войско спускается въ бассейнъ Бормиды. Радость и увѣренность блистаютъ на грубыхъ лицахъ солдатъ; до сихъ поръ, они только побѣждали, въ нѣсколько дней перешли Аппенины послѣ четырехлѣтнихъ ожиданій, и съ наступленіемъ весны явились въ Италію. Солдаты въ восторгѣ: въ Миланѣ имъ дадутъ новую одежду.

Поручикъ, о которомъ я говорю, также веселъ, видя передъ собою равнины и необозримый горизонтъ; но еще веселѣе обращается онъ къ заднимъ рядамъ своей роты, за которыми ѣдутъ двѣ или три телѣги. Въ первой телѣгѣ сидитъ его жена, молодая, милая женщина, подобно ему, плебеянка... Воспламененная любовью къ мужу и къ славѣ Франціи, она рѣшилась слѣдовать за нимъ; она беременна полгода, и прежде нежели разрѣшится отъ бремени, Италія будетъ покорена. Поручика зовутъ Филиппомъ Меліо.

«Меліо!»

— Что съ вами?

«Ничего... Продолжайте, сдѣлайте милость.»

— Беременная женщина не вынесла трудовъ и безпокойствъ продолжительнаго похода: она умерла, подаривъ мужа

дочерью, въ окрестностяхъ Мантуи. Бѣдный офицеръ взялъ кормилицу тамъ, гдѣ жила кормилица Виргилія, обратился къ исполненію своихъ обязанностей, по прежнему дрался храбро, но уже пересталъ жить современными впечатлѣніями, и походилъ на военную машину. Убитый грустію, неустрашимый, но лишенный энтузіазма, актеръ-автоматъ въ чудесной драмѣ, которая начинала тогда разыгрываться, онъ возвращался, спустя два года, тою же дорогою, сопровождая конвой арьергарда, и опять оборачивался къ заднимъ рядамъ. Какая разница! Французы, подъ предводительствомъ Шерера, бѣжали съ береговъ Адрижа; гнѣвъ и стыдъ волновалъ солдатъ; непріятель былъ близко отъ конвоя, гдѣ Филиппъ оставилъ, подъ надзоромъ маркитантки, свою спуту... Наконецъ, Французы заняли Генуу. Филиппъ, свыкшійся съ трехлѣтнею грустію, замѣтилъ на театрѣ одну изъ второстепенныхъ пѣвицъ, Эвхарису. Капитаны и поручики тѣснились около нее. Эвхариса была молода, недавно вступила на сцену, гдѣ со временемъ могла бы занять первое мѣсто; но и теперь, своею соблазнительною красотою и увлекательными манерами, она уже обращала на себя общее вниманіе. Удивительно ли, что пѣвица подѣйствовала на душу человѣка, свыкшагося съ горемъ? Филиппъ страстно влюбился въ Эвхарису, и одержалъ верхъ надъ своими соперниками, то есть, женился на пѣвицѣ.

«Возможно ли? Эвхариса—жена Поручика Меліо!»

— Почему же не такъ? Она была достойна носить это имя въ ту минуту, когда приняла его. Черезъ два мѣсяца, все измѣнилось. Австрійцы блокировали Генуу, и хотя Первый Консулъ предпринималъ отчаянное сопротивленіе, но граждане были недовѣрчивы, народъ ненавидѣлъ Французовъ. Завѣса спала съ глазъ Эвхарисы: она увидѣла свою судьбу сое-

диненною съ судьбою простаго солдата въ такое время, когда поняла сама себя, когда самолюбію ея стала являться блестящая будущность. Осужденная въ скромной квартирѣ Капитана на посильныя хозяйственныя заботы, принужденная ходить за ребенкомъ отъ перваго брака Меліо, кромѣ того, имѣя въ виду будущія тяжкія обязанности потому что сама была беременна. Эвхариса начала мечтать о роскошныхъ городахъ своей милой Италіи, гдѣ жило высшее общество, гдѣ было богатство, гдѣ торжествовали талантъ, интрига и красота. Подъ вліяніемъ такихъ-то сладостныхъ думъ, бѣдной женщинѣ надлежало выдержать всѣ ужасы страшной осады. Послѣ капитуляціи, на дорогѣ въ Ниццу, Эвхариса разрѣшилась отъ бремени, и Капитанъ, подъ громомъ пушекъ, получилъ новую обязанность.

Дѣла Франціи поправились при Маренго, но семейныя дѣла бѣднаго офицера получили роковой ударъ: сивіора возненавидѣла дочь плебейки; отецъ, напротивъ, перенесъ на нее всю свою любовь, и такимъ образомъ, въ семействѣ Меліо возникли два непріязненные лагеря. Распря кончилась разводомъ: Эвхариса удержала при себѣ, разумѣется, свою дочь; Филиппъ остался съ драгоценнымъ ребенкомъ отъ перваго брака.

Въ то время вся Италія, отъ Венеціи до Неаполя, была Италією Французскою. Меліо, убитый домашними обстоятельствами, заглушивъ въ душѣ своей всѣ порывы честолюбія, получалъ почетное мѣсто при дворѣ Великой Герцогини Элизы Бачіони. Живя вдали отъ свѣта, онъ посвящалъ всѣ свободныя минуты воспитанію дочери, которую хранилъ, какъ единственное свое сокровище. Вдругъ, при дворѣ Герцогини явилась молодая, блистательная дама, въ короткое время обратившая на себя вниманіе свѣта своими успѣхами. Знаменитая фамилія, замѣчательный талантъ, обворожительная ва-

ружность, утонченное кокетство — этого было довольно, чтобы вскружить всѣмъ голову въ такомъ мѣстѣ и въ такое время, когда неограниченно господствовала страсть къ удовольствіямъ. Дама называлась Маркизою де Нибелло.

«Эвхариса!...»
— Угадали. Въ блестящемъ свѣтѣ, ей не мудрено было одерживать побѣды; оставалось только выбрать лучшаго изъ многочисленныхъ поклонниковъ. Маркизъ де Нибелло, Флорентійскій дворянинъ, получилъ предпочтеніе, и ввелъ бывшую Меліо въ великолѣпный palazzo Питти. Легко себѣ представить, въ какомъ мучительномъ положеніи находился бѣдный Меліо. Сосѣдство ненавистной женщины терзало его, тогда какъ сама Эвхариса вовсе не тревожилась столь щекотливымъ сближеніемъ, и даже позволила своей дочери видѣться съ отцемъ и сестрою. Добрый Филиппъ согласился на это, полюбилъ свою вторую дочь, и съ умиленьемъ смотрѣлъ на трогательную, чистую дружбу, соединявшую дѣвочекъ. Но подобное критическое положеніе, рано или поздно, должно было повлечь за собою несчастіе, что дѣйствительно и случилось. Легкомысленная Маркиза, тогда жившая въ мирѣ съ испарившеюся совѣстію, теперь, очевидно, страдаетъ подъ гнетомъ поздняго раскаянія.

«И такъ, Маркиза и Г-жа Перно одно лице? Обѣ дочери ея — дочери Полковника Меліо?»

— Больше я ничего не знаю.

«А оба мужа?»

— Разумѣется, она называетъ ихъ покойниками, хотя подложное имя, уединенная жизнь заставляютъ подозрѣвать...

«Нѣтъ, воскликнулъ де Бреаръ, увлеченный невольнымъ чувствомъ; я могу васъ увѣрить, что они умерли!»

— Почему же вы знаете?

«Я все расскажу вамъ... Но изъ обѣхъ дочерей, которая старшая: та ли, ко-

торую особенно любилъ Полковникъ, храня ее, какъ сокровище?...

Де Бреаръ съ мучительнымъ безпокойствомъ ждалъ отвѣта.

— Ирма! отвѣчала Элиза Девинъ.

«Ирма?... Вы увѣрены...»

— Безъ сомнѣнія! Вы сами говорите...

«Нѣтъ, вы не знаете, возразилъ молодой человѣкъ тихо, но трогательно, что случилось съ этою дѣвицею въ ея святилищѣ?»

— Ахъ, Боже мой, мы пугаете меня!... Расскажите, теперь ваша очередь.

«Исполняю ваше желаніе и свою обязанность.»

Но едва де Бреаръ приступилъ къ обнаруженію роковой тайны, какъ Г-жа Перно вошла съ дочерью. Элиза Девинъ еще не одѣвалась. Эвхариса, догадываясь, что была предметомъ разговора, не показала однако жъ ни какого вида, и гораздо болѣе владѣла собою, нежели за полчаса передъ тѣмъ.

Отправились на Терассы. Сидя возлѣ Ирмы, дыша свѣжею, тихою атмосферою, которая окружала эту дѣвицу, де Бреаръ сказалъ про себя.

— Невозможно!

II.

Другое чувство овладѣло молодымъ человѣкомъ, когда онъ увидѣлъ Аннету.

Аннета, дѣйствительно и была другая дѣвица, хотя обѣ сестры уподоблялись двумъ типамъ нимфы, изображеннымъ на одномъ камѣ. Брюнетка, подобно Ирмѣ, какъ Ирма же средняго роста, съ тѣми же чертами лица, съ такимъ же нѣжнымъ сложеніемъ, съ тою же стыдливостію, Аннета имѣла, однако жъ, менѣе неопредѣленную фizioномію; профиль ея былъ болѣе Французскій, талія гораздо лучше; въ лицѣ было больше томной блѣдности; черные глаза отличались грустнымъ, выразительнымъ взглядомъ; улыбка имѣла въ себѣ что-то трогательное. Аннета невольно поселяла въ душѣ то тайное вол-

неніе, тотъ священный жаръ, отъ которыхъ зарождается страсть.

Когда мать вошла съ гостями, она сидѣла одна, возлѣ окошка, занимаясь вышиваніемъ. Послѣ того, какъ мать и Элиза Девинъ поцѣловали милую дѣвицу, Аннета хотѣла обнять Ирму; но, замѣтивъ де Бреара, который явился послѣднимъ, покраснѣла, отвела сестру на другой конецъ комнаты, и съ безпокойствомъ спросила ее:

— Кто это?

«Г. де Бреаръ, отвѣчала съ наивностію Ирма, знаешь, тотъ чудакъ...»

— Я такъ и думала.

Аннета не сказала больше ни слова; но проникательный, невинный взглядъ ея устремился прямо на Бреара, который также пристально смотрѣлъ на дѣвицу, и встрѣтись съ нею глазами, невольно поклонился. Аннета отвѣчала на его поклонъ робкимъ реверансомъ; она старалась быть ближе къ сестрѣ; грудь ея волновалась, какъ будто ожиданіе и поклонъ молодого человѣка заключали въ себѣ то первое соприкосновеніе, котораго она уже страшилась.

— Теперь, позвольте мнѣ, начала Элиза Девинъ, навести васъ всѣхъ на истинный путь, потому что мы гораздо знакомѣе, нежели какъ полагала ваша маменька. Я уже говорила вамъ о Г. де Бреарѣ, но еще не сказала, что онъ былъ въ Италіи.

«Въ Италіи! тихо произнесла Аннета, не отходя отъ сестры.»

— И даже во Флоренціи.

«И при дворѣ?»

Во Флоренціи!

При дворѣ!

Лице, голосъ Анкеты выражали сильное внутреннее волненіе по мѣрѣ того, какъ раздавались эти восклицанія; но изумленіе Ирмы было весьма покойно. Г-жа Перно сохраняла непоколебимое равнодушіе.

— Вотъ какъ! сказала она голосомъ

твердымъ: и мнѣ самой кажется, что мы гдѣ-то видѣлись...

«Лице ваше, сударыня, мнѣ тоже не совсѣмъ незнакомо, возразилъ Бреаръ, и теперь, я вспоминаю что при дворѣ....»

— Ну, я помогу вашей памяти, прервала со смѣхомъ осторожная дама, и расскажу все по порядку. Наша тайна—тоска по отчизнѣ; нашъ паролъ—Италіи. Принужденныя покинуть отечество, мы пріѣхали въ Турень, и выбрали здѣсь для жительства такое мѣсто, которое напоминало бы намъ, по возможности, о несравненной Италіи. Наша дача, въ самомъ дѣлѣ, напоминаетъ Тосканскія виллы. Мы не ищемъ холодныхъ удовольствій, принужденнаго обращенія, и бѣгаемъ, какъ чумы, провинціальныхъ сплетней; свобода необходима намъ, какъ чистый воздухъ, а вполнѣ свободны бываемъ мы только съ нашимъ единственнымъ другомъ, Г-жею Девинь, что, впрочемъ, случается очень рѣдко.

«За это позвольте васъ расцѣловать! вскричала любезная артистка исполняя въ то же время свое восклицаніе. Не вѣрю ни одному слову, сказала она взглядомъ, устремленнымъ на Бреара.

— И такъ, Г-нъ Бреаръ, продолжала Перно, вы вступаете въ число членовъ нашей республики; но, прибавила она, приложивъ граціозно палецъ къ губамъ, не забудьте паролъ Италіи!

«Нѣтъ, сударыня, я не забуду, отвѣчалъ молодой человѣкъ съ глубокою выразительностью, которая, повидимому, не произвела никакого дѣйствія на Г-жу Перно, но отъ которой задрожала Аннета.

Всѣ подобныя увертки могли возстановить только минутное перемиріе, тѣмъ болѣе, что Максимъ де Бреаръ старался добраться поскорѣе до цѣли; однако жъ весь вечеръ прошелъ въ томъ смыслѣ, какой дала ему хозяйка дома. Бреаръ былъ человѣкъ свѣтскій; Перно женщина хитрая; Элиза Девинь любезная, веселая собесѣдница. Планъ Маркизы, очевидно, клонилъ

ся къ устраненію всѣхъ объясненій, и къ тому, чтобы съ этого дня принимать Бреара, какъ искателя руки Ирмы. Въ душѣ молодаго человѣка возникло совершенно противоположное впечатлѣніе.

Изъ двухъ дѣвицъ, одна долженствовала оставаться для него чуждою, но именно къ ней онъ и чувствовалъ неодолимое влеченіе. Ирма была старшая дочь Полковника Меліо, та самая, которую отвергла нѣкогда дѣвица, и которую Маркиза теперь любила, повидимому, больше, вероятно желая загладить прежнюю свою жестокость. Ирма блистала всѣми дѣвственными прелестями; мать выставила ее впередъ, а между тѣмъ Бреаръ видѣлъ одну Аннету, которая пряталась, молчала, которою пренебрегали, будто сиротою. Аннета, съ своей стороны, также тревожилась присутствіемъ Максима.

Де Бреару казалось, что въ краснорѣчивыхъ взорахъ Аннеты онъ читаетъ страхъ, надежду, молитву, симпатію; онъ чувствовалъ ихъ магнетическое могущество, и предвидѣлъ, что падетъ подъ игомъ двухъ противоположныхъ судебъ, потому что обѣ сестры, никогда не разстававшіяся, были двумя орудіями. Вотъ почему, Бреаръ сидѣлъ мрачный, молчаливый во весь обратный путь.

—Что съ вами? спросила Элиза Девинь, когда коляска выѣхала изъ окрестностей замка. Иной, пожалуй, скажетъ, что вы явились изъ Трифоніевой пещеры, и что наши тайнства не веселѣе его тайнствъ. Грусть уныніе, задумчивость — вотъ что вывели вы съ Терассъ.

«Я долженъ возвратиться туда, отвѣчалъ Максимъ отрывисто, долженъ возвратиться потому, что Ирма должна быть моею женою! Но любить могу я—Аннету.

— Зачѣмъ же Ирма должна быть вашею женою?

«Я состоялъ при Штабѣ Вице-Короля Италіянскаго. Принцъ возложилъ на меня одно совершенно частное, семейное порученіе, которое изъ дворца Питти пере-

носило меня въ Тюльери. Въ то время, люди, приближенные къ могущественному Монарху, повелителю большой половины Европы, почитали для себя все дозволеннымъ, и я, вмѣстѣ съ своими товарищами, чванился военнымъ званіемъ. Гордые чувствомъ преобладанія, нося боевую шпату въ ножнахъ шпаги придворной, мы переходили отъ завоеванія къ балу, отъ парада къ празднествамъ, отъ разбитаго непріятеля къ женщинѣ....

— Ага!

«Понимаете! Вы догадываетесь, что одинъ изъ такихъ молодыхъ безумцевъ могъ преступить предѣлы благоразумія, что одна изъ такихъ женщинъ могла забыть скромность.... Вы согласитесь также, что все это извинительно, теперь, когда прошло бѣшеное время, когда виновные согласны загладить свой невольный проступокъ....»

— Вы и Эвхариса?

«Да, я и она! Я жилъ во Флоренціи, и посреди всѣхъ возможныхъ празднествъ и пировъ, едва замѣтилъ ее, хотя и зналъ, по слухамъ, что она женщина вѣтреная и очаровательная. За десертомъ, между шампанскимъ и пуншемъ, товарищи мои безпрестанно говорили объ Эвхарисѣ. Однажды вечеромъ, послѣ веселаго обѣда, я отправился въ придворный маскарадъ. Около полуночи, невысокое домино подошло ко мнѣ, всунуло въ руку записочку и исчезло въ толпѣ. Не слишкомъ удивленный, я очень хладнокровно распечаталъ записку: въ ней былъ завернуть ключъ, а содержаніе предаю вамъ въ точности: «Если ты храбръ, то черезъ четверть часа придешь ужинать въ домъ Маркиза Нибелло. Вотъ ключъ.»

«Миниатюрный, красивый ключъ былъ, очевидно, ключъ отъ будуара. Я не хотѣлъ доискиваться, не ошибкою ли получилъ его, нѣтъ ли тутъ мистификаціи, или чего другаго; я воображалъ себя Италіянку подругу Маркизы и даже саму Маркизу.... Кончилось тѣмъ, что черезъ

нѣсколько минутъ я очутился въ обширномъ корридорѣ, и спрашивалъ у встрѣчавшихся слугъ, какъ пройти на половину Маркиза. Не смотря на всѣ объясненія лакеевъ, я заблудился, однако жъ по примѣтамъ нашелъ одну большую дверь, а потомъ и маленькую. Пробую.... ключъ отпираетъ, и я вхожу смѣло.... Ахъ! Зачѣмъ я не убѣжалъ на край свѣта изъ этого проклятаго дома!....

— Продолжайте, продолжайте!

«Я полагалъ, что комната будетъ освѣщена таинственнымъ свѣтомъ, но въ ней господствовалъ мракъ, и что же? Вмѣсто очаровательной синьоры, явился блѣлый образъ женщины или дѣвицы, которая съ провозительнымъ крикомъ бѣгала по комнатѣ... Вотъ всѣ мои ясныя воспоминанія; остальное—сонъ, ослѣпленіе! Въ ту минуту, когда я воскликнулъ: «Боже мой! Развѣ я не у Маркизы Нибелло?» отворилась дверь изъ сосѣдней освѣщенной комнаты; полуодѣтый мужчина вошелъ, вооруженный двумя пистолетами... одинъ онъ направилъ на меня.... Незнакомая женщина, которая передъ тѣмъ поразила меня своимъ крикомъ, вѣроятно, понявъ мою ошибку, бросилась ко мнѣ.

— Папенька, не стрѣляйте!.. это ошибка!

«Но выстрѣлъ уже раздался, и несчастная, заслонившая меня своимъ тѣломъ, пала возлѣ меня! Не зная что дѣлать, я схватилъ на руки нѣжное тѣло, тѣло молодой дѣвицы... Тотъ, кто выстрѣлилъ, взглянулъ на невинную жертву... я, пораженный ужасомъ, положилъ безжизненный трупъ.

— Дочь моя... умерла! проговорилъ незнакомецъ глухимъ голосомъ... А я ея убійца!

«И въ то же мгновеніе, прежде нежели я успѣлъ остановить его руку, онъ разломилъ себѣ голову!...

«Сбѣжался весь домъ; двадцать факеловъ освѣтили страшную сцену.... меня

схватили; трупъ отца унесли; стали суетиться вокругъ дѣвцы... она была жива! Она получила только легкую рану въ плечо, и я не знаю, рассказывали ли ей когда нибудь вполнѣ всю эту поразительную исторію. Я объяснилъ, умолчавъ о имени, роковой случай; но дѣвица, вѣроятно, произнесла мое единственное слово....

«На другой день, Принцесса позвала меня къ себѣ, и не упомянувъ о вчерашнемъ происшествіи, немедленно приказала отправиться съ порученіемъ къ Императору. Я повиновался; Императоръ прочиталъ письмо сестры, и только сказалъ мнѣ сердито:

— Вы сами лучше знаете, что вамъ остается....

«Да, Государь, отвѣчалъ я, блѣдный отъ страха; я имѣлъ счастье испрашивать согласія Вашего Величества на увольненіе меня отъ службы.

— Я согласенъ.

«Вотъ вамъ вторая половинна тайны. Ужасная смерть Полковника Меліо; безчестіе матери и дочери; гибель Маркиза Нибелло на дуэли послѣ этого несчастнаго происшествія — таковы были первыя слѣдствія одной минуты безумія. Маркиза, обвиненная въ смерти обоихъ мужей, не могла, конечно, оставаться при дворѣ, и я узналъ, что она уѣхала съ двумя дочерьми. Отнынѣ лежала на мнѣ священная обязанность: я долженъ былъ отыскать невинную жертву, и теперь вы понимаете, почему Ирма должна быть моею женою...»

— Но та, которой вы хотите дать свое имя, чтобы загладить невольное преступленіе, вѣроятно имѣетъ на плечѣ рубецъ?

«Мнѣ всегда казалось, что съ той великой минуты, когда я держалъ на рукахъ дѣвственное тѣло, она уже принадлежала мнѣ; я всегда помнилъ роковое право, которое приобрѣлъ надъ несчастною дѣвцею; я думалъ, что узнаю ее въ тысячѣ другихъ дѣвицъ; образъ ея

всюду преслѣдовалъ меня.... Но образъ, напомнившій мнѣ желѣзную обязанность, не вдохнулъ въ меня силы любви: предметъ обязанности и мечта любви явились передо мною отдѣльно. Оскорбленная дѣвица—Ирма; женщина, которую я создалъ въ воображеніи—Аннета.

— Аннета... Ирма!... Какое же тутъ затрудненіе? Когда доказательство будетъ ясное, колебаться нечего.

«Но знаете ли вы, возразилъ Максимъ съ живостію, что мы можемъ ошибиться въ лѣтахъ обѣихъ сестеръ?... Знаете ли вы, что такая мачиха, какъ Эвхариса, могла передать любимой дочери выгоды старшинства, ей не принадлежащаго? Если я предложу руку съ именемъ и состояніемъ, Эвхариса, разумѣется, захочетъ осчастливить дитя своей крови, и такимъ образомъ безвозвратно восторжествуетъ надъ несчастною падчерицею. А передать право старшинства было нетрудно: Маркиза живетъ въ уединеніи, окружаетъ себя таинственностію, а жертва исполнена самоотверженія...

— Въ разсужденіяхъ своихъ, вы увлекаетесь любовью къ Аннетѣ. Ваша гипотеза не иначе возможна, какъ при обоюдномъ согласіи сестеръ, а я увѣрена въ характерѣ Ирмы, и не повѣрю, чтобы она согласилась присвоить себѣ право сестры.

«Ну, а если обѣ дѣвцы обмануты какъ нибудь на счетъ преступной цѣли такого обмѣна?...

— А развѣ, при вступленіи въ бракъ, истина не должна открыться? Развѣ можно подписывать контрактъ, оглашать въ церкви безъ свидѣтельства о рожденіи?

«Конечно нельзя, но для женщины, какова Маркиза, все возможно. Сильное внутреннее чувство заставляетъ меня не довѣрять всѣмъ свидѣтельствамъ, кромѣ одного... Для меня существуетъ одно доказательство—рубецъ! Которая же сестра владѣетъ таинственнымъ талисманомъ?

— Которая?... Да, въ этомъ вопросѣ заключается все, замѣтила артистка съ

задумчивостію, и потомъ вдругъ воскликнула.

— Завтра, вы узнаете. Въ полдень, будьте на Терассахъ. Если жребій падеть на Ирму, то неужели вы имѣете такую важную причину мучиться?...

Молодой человекъ, покачавъ головою, грустно улыбнулся. Когда коляска остановилась у квартиры Элизы Девинъ, онъ высадивъ артистку, и, подавая ей руку, сказалъ только: до завтра!

III.

На другой день, въ десять часовъ утра, Элиза Девинъ вошла въ уборную Г-жи Перно, которая уже готовилась идти къ завтраку.

— Я пріѣхала къ вамъ на цѣлый день; но прежде должна поговорить съ вами четверть часа... и... откровенно.

Г-жа Перно улыбнулась, какъ будто предугадывая о чемъ будетъ рѣчь.

Двери притворены; пріятельницы остались однѣ.

— Эвхариса, начала добрая артистка съ откровенностью, вы меня обманули...

«Любопытно знать въ чемъ именно?» возразила Эвхариса, небрежно развѣсивъ на креслахъ.

— Въ томъ, что называли меня своимъ другомъ, и не открыли мнѣ всей тайны.

«Не открыла?... Да вѣдь теперь вы знаете ее?... Г. де Бреаръ разсказалъ вамъ... Не такъ ли?... Но Г. де Бреаръ не сталъ бы разсказывать конецъ, если бы вы не сообщили ему начала. Иначе, какъ могли бы вы знать?»

Смущенная Элиза отвѣчала:

— Вы такъ предполагаете, но вы можете ошибаться. Г. де Бреаръ разсказалъ мнѣ начало и конецъ.

«Слѣдовательно, онъ гдѣ нибудь да слышалъ начало! Однако жъ, оставимъ это. Вы говорите, что я обманула васъ, не сообщивъ вамъ тайны...»

— Кажется такъ.

«Напрасно же вамъ такъ кажется. Обманываются не молчаніемъ, но словами.

Если друзья молчатъ, то не должно ли быть скрытнымъ? Не надобно лгать, когда дружба желаетъ доставить облегченіе распросами, а вы обращались ли когда нибудь ко мнѣ съ распросами?... Не двадцать ли разъ допытывалась я узнать ваши тайны?... Элиза!»

— Но это потому...

«Что вы холодны, а я... осторожна! Вотъ и все.»

Элиза Девинъ уступала поле битвы, но, какъ женщина умная, хотя и холодная, снова завоевала его.

— Но, не смотря на вашу осторожность, я теперь знаю все.

«Обо мнѣ, можетъ быть, все знаете, но я ничего не знаю о васъ. То ли вы хотѣли сказать?... Приступайте къ дѣлу...»

— Приступаю! Г. де Бреаръ поручилъ мнѣ просить у васъ руку одной изъ вашихъ дочерей, той, которая родилась въ окрестностяхъ Мантуи, которая жила съ отцемъ своимъ, Полковникомъ Меліо, и которая...

«Должна имѣть на плечѣ рубецъ, не такъ ли? Вы очень хорошо знаете, что это Ирма. Затѣмъ же вы не назвали ее?»

— Говори откровенно, мы сомнѣваемся...

«Вы уже слишкомъ откровенны... Прежде всего, я хочу отвѣчать Г. де Бреару, въ лицѣ вашемъ, что принимаю его предложеніе въ пользу старшей дочери Полковника Меліо, которая родилась въ Рока д'Аноро, близъ Мантуи... Теперь, позвольте мнѣ доказать, что эта дочь — Ирма.»

Элиза Девинъ только и ждала давно желаннаго объясненія.

«Подумайте, сказала Г-жа Перно, что за уступку я плачу уступкою, и потому такъ скоро изъявила свое согласіе, что рано или поздно надѣялась встрѣтиться съ Г. де Бреаромъ. Я полагала, что онъ или самъ пріѣдетъ, или Провидѣніе пошлетъ его...»

— Или, прервала Элиза, какая нибудь фраза моднаго журнала возвѣститъ мод-

ному свѣту, подъ видомъ догадки, въ какихъ мѣстахъ скрывается Маркиза Нибелло...

«Пожалуй, возразила Маркиза весьма покойно, хотя журналъ и могъ бы сказать подъ какимъ именемъ...»

— А этого-то онъ и не сказалъ... Впрочемъ, надобно было прежде узнать, точно ли де Бреаръ отыскиваетъ васъ.

«Однако жъ онъ явился и отыскалъ...»

Между тѣмъ, его недоувѣрчивость такъ обидна, что я готова не согласиться на сдѣланное имъ предложеніе...

— Значитъ, вы не хотите заглазить важнаго проступка.

«Положимъ такъ!... Но доказана ли моя виновность?»

— Ахъ, милая Эвхариса, надобно извинить де Бреара. Осторожность въ подобныхъ дѣлахъ позволительна.

«Слѣдовательно, и я имѣю право быть осторожною и отвѣчать отказомъ...»

— Который долженъ быть ратификованъ Ирмою. Г. де Бреаръ предлагаетъ руку той, которая не дочь ваша и не зависитъ отъ васъ!

«Нѣтъ, добрая Элиза, сказала Эвхариса отрывисто, вы не знаете моихъ дочерей!...»

Г-жа Перно отправила съ артисткою въ гостиную, гдѣ обѣ сестры брали музыкальный урокъ: Ирма сидѣла за фортепіанамъ; Аннета за арфою. Мать вызвала ихъ изъ идеальнаго міра въ положительный.

— Другъ нашъ, Элиза Девинъ, пріѣхала съ важнымъ порученіемъ, мои милыя! Та, которую зовутъ Ирмою, подойди сюда и отвѣчай.

Изумленные дѣвицы встали, съ безпокойствомъ взглянули другъ на друга, потому что не знали возгласъ матери. Ирма подошла наконецъ робко къ Элизѣ Девинъ. Артистка взяла ее за руку, и посадила возлѣ себя на диванъ. Г-жа Перно сѣла насупротивъ, въ креслахъ, облокотясь на геридонъ, заваленный альбома-

ми, брошюрами и романсами; Аннета помѣстилась возлѣ геридона, и начала перелистывать сонату, хотя не видала въ ней ни одной нотки.

— Милая Ирма, начала Элиза Девинъ; я надѣюсь, что ты будешь отвѣчать на мои вопросы, быть можетъ, для тебя странные, прямо, безъ удивленія. Скажу только, что отъ твоей откровенности зависить счастье многихъ особъ, не говоря о моей личной отвѣтственности, и что маменька совершенно меня уполномочила. Скажи мнѣ, какія отдаленныя воспоминанія сохранились въ умѣ твоёмъ?

«Воспоминанія?... Вотъ, кажется, самыя отдаленныя: я помню большой городъ, печальный, съ запертыми домами, пустыми улицами, по которымъ проходили солдаты, проѣзжала артиллерія, а иногда собирались толпы народа и кричали: «Хлѣба, хлѣба!»... Во весь день я слышала пушечные выстрѣлы на морѣ и въ горахъ, а вечеромъ, иногда приходилъ къ намъ офицеръ блѣдный, усталый, покрытый кровью и пылью... Онъ приносилъ подъ плащомъ свой паекъ, и, бросивъ на столъ, говорилъ маменькѣ и мнѣ: «Спрячьте и берегите!» Этотъ офицеръ былъ мой папенька. Когда онъ цѣловалъ меня, я боялась его усомъ, а когда подходилъ къ маменькѣ, она ему говорила: «Помилуй! скоро ли вы садитесь!» Папенька сердито смотрѣлъ на маменьку, и уходилъ, не простившись...

— Осада Генуи, замѣтила Элиза. Потомъ?...

«Потомъ, помню я путешествіе въ горахъ, другой большой городъ, свѣтлый, веселый, гдѣ мы не нуждались въ пищѣ, и гдѣ намъ было гораздо лучше: всякій день праздники, музыка; народъ кричалъ на улицахъ по-Италіянски: «Да здравствуютъ Французы!» Папенька уже не разставался съ нами, но, кажется, что онъ и маменька не принимали участія въ общей радости,

— Мы въ Миланѣ, сказала Эвхариса, обращаясь къ Элизѣ Девинь.

— А еще что помнишь? спросила артистка.

Помню сестру, которую я любила отъ души, ласкала, качала; помню, какъ папенька сказалъ мнѣ, что теперь я осталась съ нимъ одна, что не увижу больше ни маменьки, ни сестры. Опять началась скучная жизнь.... Вдругъ, я увидѣла опять Аннету; въ то время жили мы, кажется, во дворцѣ, во Флоренціи...

— Ну, а маменька?...

«Мы все надѣялись, что увидимъ ее, потому что бѣдный папенька очень сожалѣлъ о маменькѣ, и часто называлъ ее одну виновницею.... разлуки..... Одинажды, ночью....»

Ирма остановилась.

— Довольно, мой другъ, прервала Элиза, невольно тронутая невѣдніемъ и истинною, устранившими всѣ подозрѣнія. Последний вопросъ, если позволить маменька.

«Сдѣлайте милость, замѣтила Эвхариса, ничего не опасайтесь, не утаивайте ни одного вопроса, припоминайте все, что можетъ объяснить вамъ обстоятельства дѣла. Теперь самая торжественная минута, и объясненіе зашло уже слишкомъ далеко.»

— И такъ, милая Ирма, скажи мнѣ: знаешь ли ты, кто твоя мать?

«Та, которая дала мнѣ жизнь, отвѣчала Ирма съ безпокойствомъ: бѣдная женщина, которая умерла вскорѣ послѣ моего рожденія.... Но кто мнѣ далъ воспитаніе, была также женою папеньки; стало быть, у меня двѣ маменьки.

— Теперь вы убѣдились, сказала Г-жа Перно, что я ничего не скрывала отъ нихъ.

«Конечно, кромѣ слѣдствій ночнаго происшествія.»

Ирма и Аннета съ ужасомъ потупили глаза.

— Напротивъ, онѣ знаютъ, что слѣд-

ствіемъ ужаснаго происшествія была смерть ихъ несчастнаго отца.

«А перваго виновника этой катастрофы?...»

— И его онѣ знаютъ....

«Возможно ли?... Автора безыменнаго письма, таинственное домино....»

— Да, мой другъ, даже лучше васъ, потому что вы не знаете его.

Г-жа Перно произнесла эти слова съ полуулыбкою, которую Элиза будто не замѣтила.

«А имя того, кто въ роковую ночь забрался къ Полковнику?...»

— Вотъ объ этомъ я ничего не говорила; но теперь настало время открыть всю тайну... если только онѣ сами уже не догадались.

«Еще одинъ и послѣдній вопросъ», произнесла побѣжденная Элиза Девинь.

Въ этомъ вопросѣ заключалось доказательство матеріальное, слѣдовательно не опровержимое; онъ былъ основною цѣлю всѣхъ изслѣдованій артистки.

«Роковая ночь, о которой мы говоримъ, милая Ирма, помѣшала тебѣ быть свидетельницею плачевной развязки; ты лишилась чувствъ, когда получила рану въ плечо....»

Ирма задрожала, будто осящая дѣйствіе выстрѣла, а невольное движеніе головы къ лѣвому плечу указывало, гдѣ должна находится рана. Элиза Девинь все видѣла, и спросила только для формы:

«Слѣды раны, вѣроятно, до сихъ поръ замѣтны, и у тебя, конечно, остался... рубецъ.»

При этомъ торжественномъ словѣ, мать и обѣ дочери посмотрѣли другъ на друга съ улыбкою; но Элиза, не замѣтившая грустной, принужденной улыбки Анкеты, оробѣла. Отвѣтъ Ирмы поразилъ ее окончательно:

— Сколько могу припомнить, сказала Ирма престоудшно, я упала отъ страха и выстрѣла, а рана была такъ легка, что

черезъ педѣлю не осталось ни какихъ слѣдовъ.

И такъ, узелъ тайны, признакъ необходимый, неоспоримое рѣшеніе загадки, однимъ словомъ рубецъ, не существовалъ!

Что же дѣлать, на что рѣшиться? Г-жа Перно смотрѣла на артистку съ едва скрываемой насмѣшкою, а Элиза Девинь съ своей стороны, жестоко страдала отъ неуспѣха своихъ изслѣдованій. Неужели можно было предполагать какую нибудь новую хитрость? Слова Ирмы рѣшительно обезоружили посланницу де Бреара, которая, наконецъ, приступила къ дѣлу.

— Ирма, сказала она, ты поняла, что это событіе было самое важное въ твоей жизни?

«Да, отвѣчала дѣвица, потому что оно лишило меня отца и возвратило мать!»

— Это не все. Знала ли ты, что вамъ необходимо было бѣжать и перемѣнить мѣста?

«Послѣдствія мнѣ доказали.»

— Наконецъ, думала ли ты когда, что виновникъ несчастія предложитъ тебѣ руку?

«Я боюсь его, вскричала Ирма, вставая; я не могу быть женою убійцы моего отца!»

— Какъ! воскликнула Элиза Девинь, пораженная удивленіемъ и вполнѣ убѣжденная, и ты говоришь откровенно объ отвращеніи къ этому человѣку! Ты отказала бы ему!

«На отрѣзъ!» отвѣчала Ирма съ большою рѣшительностью.

— И если бы даже онъ не имѣлъ другой надежды на успокоеніе совѣсти, если бы даже онъ не поклялся никому не отдавать руки, кромѣ тебя?... Подумай, мой другъ, что онъ вовсе не виновенъ въ смерти твоего отца, а если бы и былъ виновенъ, то самое намѣреніе загладить роковое событіе развѣ не извиняетъ его нѣкоторымъ образомъ? И ты, бѣдная Ирма, развѣ можешь имѣть притязаніе на другихъ жениховъ? Развѣ первая клевета,

основанная на Флорентійскомъ происшествіи, не служить тому препятствіемъ?... Знаешь ли ты, о комъ я говорю?

Слова Элизы Девинь, повидимому, сильно подѣйствовали на Ирму. Смущенная дѣвушка будто проснулась послѣ тяжкаго сна, и взглядами совѣтовалась съ матерью и сестрою. Мать отвѣчала ей также взглядомъ, который значилъ: «Соглашайся; такъ должно быть.» Аннета, во весь разговоръ скрывавшая сильное внутреннее волненіе, наконецъ принуждена была отойти къ окну, и стала смотрѣть въ садъ. Элиза Девинь это замѣтила, но какъ Аннета представляла лице постороннее, то движенія ея и не могли подать повода къ какимъ нибудь предположеніямъ.

— И такъ, милая Ирма, ты согласна?

«Дѣлать нечего», отвѣчала дѣвица, выражая словами взглядъ матери.

— А ты догадалась, что я говорила о де Бреарѣ?

«Де Бреаръ!» воскликнула изумленная Ирма.

Въ то же мгновеніе, Аннета обернулась быстро, невольно, и подошла къ фортепіанамъ; но на этотъ разъ, Элиза Девинь замѣтила ея лице, орошенное слезами, а между тѣмъ на дворѣ раздавался конскій топотъ, и черезъ минуту вошелъ въ гостиную Максимъ де Бреаръ: отъ нетерпѣнія, онъ явился ранѣе назначеннаго часа.

Артистка, утомленная, почти разсерженная, поспѣшила встрѣтить молодаго человѣка, и, указывая на Г-жу Перно, сказала ему:

— Честь имѣю рекомендовать вамъ будущую вашу тещу!...

Блѣдный, трепещущій Максимъ поклонился; вся жизнь его зависѣла отъ слѣдующихъ словъ:

— А вотъ и будущая супруга ваша, холодно прибавила Элиза, обращаясь къ Ирмѣ.

Молодой человѣкъ вздрогнулъ; но со-

бравшись съ духомъ, поцѣловалъ руку Ирмы, и въ то же время не могъ не взглянуть на Аннету: въ глазахъ ея было теперь еще болѣе выразительности, нежели прежде.

— Какъ вы пріѣхали кстати, замѣтила Г-жа Перно. Только васъ и ждали для окончанія семейнаго дѣла и къ завтраку.

Когда де Бреаръ машинально повелъ свою будущую тещу въ столовую, она сказала ему увѣреннымъ тономъ:

— Завтра, прежде полудня, вы найдете у моего нотариуса, въ Блуа, проектъ брачнаго договора и гражданскіе акты моей дочери.

Послѣднія слова были произнесены съ особеннымъ удареніемъ.

IV.

Максимъ де Бреаръ явился къ нотариусу гораздо прежде полудня, и нашелъ всѣ бумаги, обѣщанныя Г-жи Перно наканунѣ. Жадно схватилъ онъ связку, и не взглянувъ на денежные расчеты, прежде всего обратился къ выпискѣ изъ свидетельства о рожденіи. Она была составлена по всѣмъ правиламъ, съ приложеніемъ герба Герцогства Мантуанскаго. Тамъ было ясно сказано, что Каролина Ирма, дочь Карла Меліо, Поручика Французской Арміи, и Маріи Бертонъ, его законной супруги, родилась 30-го Мая 1796 года, въ Рока д'Анфо. Свидѣтельство подписано въ главной квартирѣ Французскихъ авангардовъ, простиравшихся тогда до озера Гардо.

Де Бреаръ покорился необходимости, стараясь взять верхъ надъ странными мыслями и романтическими химерами, опроверженіе которыхъ заключалось въ матеріальномъ доказательствѣ. Подражая Элизѣ Девинь, онъ спрашивалъ себя, какую причину имѣть быть недовольнымъ мужъ Ирмы, и, увлекаемый судьбою, ѣздилъ на Терассы расточать передъ невѣстою обычныя любезности. Кончилось тѣмъ, что черезъ мѣсяцъ молодой чело-вѣкъ былъ въ томъ мучительномъ поло-

женіи, которое самъ предвидѣлъ; ему суждено было непремѣнно жениться на Ирмѣ, а онъ страстно любилъ Аннету, и не могъ бѣжать отъ нея. Сама Аннета казалась еще прекраснѣе отъ внутренней борьбы, которая видимо влекла ее къ Максиму, и причиною, которая отдаляла отъ него.

Наконецъ, по исполненіи всѣхъ предварительныхъ статей холодной формальности, наступилъ канунъ брачнаго торжества, день когда надлежало подписать контрактъ. Поутру, де Бреаръ посѣтилъ Элизу Девинь, которая почти не выходила изъ дома, и въ рѣшенномъ вопросѣ соблюдала строжайшій нейтралитетъ.

Максимъ положилъ шляпу, и сталъ шагать по мастерской. Подойдя потомъ къ артисткѣ съ сложенными накрестъ руками, онъ спросилъ ее съ горькою, недовѣрчивою улыбкою:

— Убѣдились ли вы?

«Завтра я дамъ вамъ отвѣтъ.»

— Слѣдовательно вы не увѣрены! воскликнулъ де Бреаръ. Я также.....

«Помилуйте, де Бреаръ, можно ли не довѣрять до такой степени совѣсти людей! Не я ли внимала разсказу Ирмы, исполненному истины и невинности? Не сами ли вы видѣли положительныя доказательства? Что же остается мнѣ теперь дѣлать? Я не люблю вступать въ борьбу на мѣстности, мнѣ неизвѣстной, и отнынѣ ни во что не хочу вмѣшиваться. Мы надѣялись на одно убѣдительное доказательство, но.... рубецъ не существуетъ.»

— Какъ! У Ирмы нѣтъ рубца?...

«Вы сами себѣ противорѣчите. Каролина Ирма, родившаяся въ Рока д'Анфо, 3-го Мая 1796 года, одна и можетъ имѣть этотъ могущественный знакъ: она его не имѣетъ, стало, рубецъ не существуетъ!»

— Я рѣшительно потерялась!... Когда я беру Аннету за руку, называю ее сестрою, рука ея дрожитъ, лице пылаетъ; но ни мать, ни невѣста моя не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на мгновенный

обмѣнъ нашихъ мыслей краснорѣчивыми взглядами. Скажите мнѣ, вы, женщина здравомыслящая, дальновидная, что все это значитъ?

«Ничего, отвѣчала, Элиза Девинъ. Я вижу то, что по вашему мнѣнію, видятъ Ирма и мать, и то, чего, по моему мнѣнію, онѣ не видятъ.... Я вижу, что вы любите Аннету, и что, можетъ быть, Аннета любить васъ. Я это давно знала.»

— Вы знали?

«Безъ сомнѣнія! Въ тотъ день, когда я сообщила Ирмѣ ваше предложеніе, я видѣла слезы Аннеты.»

— Вы видѣли ея слезы, и говорите, *можетъ быть* она меня любитъ! Но не сами ли вы увѣрены въ ея любви? Могла ли бы Аннета обнаружить ко мнѣ какую нибудь симпатію, если бы эта симпатія не основывалась на правѣ, и притомъ въ такое время, когда сестра ея моя невѣста? И позволили бы мать и сестра обнаруживать ей привязанность ко мнѣ, если бы не существовало права?

«Вы клеветаете на Ирму и на Г-жу Перно.»

— Какимъ образомъ?

«Именно клеветаете, по крайней мѣрѣ, на Ирму. Послушайте, что я вамъ скажу: Ирма проходила возлѣ меня въ саду съ матерью, но я была имъ незамѣтна.» Маменька, начала Ирма, если бы Аннета любила де Бреара, что должно тогда дѣлать?» Мать, подумавъ немного, отвѣчала: «Скажу послѣ!» Больше я ничего не слышала.

— И вы хотите меня увѣрить, что ничего не понимаете! воскликнулъ Максимъ де Бреаръ. Вы видѣли слезы Аннеты, слышали, что *можетъ быть* она меня любитъ, и цѣлый мѣсяцъ остаетесь равнодушною, безстрашною зрительницею!... Ради Бога, будьте со мною откровенны!...

«Ну, такъ и быть, скажу вамъ всѣ свои дѣйствія и замыслы. Я выступаю съ вами на арену, противъ.... Эвхарисы. Она

побѣдила меня при первой встрѣчѣ; я постараюсь одолѣть ее во второй.»

— Но скажите, что именно вы думаете?

«Я думаю, что Аннета не могла бы обнаружить свою любовь, если бы не имѣла сознанія въ правѣ, и что между Ирмою и Эвхарисою есть тайна....»

— Но какъ вы приступите къ дѣлу?

«Очень просто: сегодня вечеромъ, до подписанія контракта, вы непременно должны увидѣть, есть ли у Аннеты рубецъ!...»

— Я все таки не понимаю...

«По моему предложенію, Г-жа Перно дастъ семейный обѣдъ и музыкальный вечеръ, а я подарила дѣвцамъ два платья изъ Англійскаго тюля, въ которыхъ онѣ должны явиться...»

— Увидимъ! воскликнулъ де Бреаръ.

«Конечно, увидимъ, и если основательны наши подозрѣнія, то надобно ожидать необыкновенной катастрофы; но если мы ошибаемся, то должно покориться необходимости... Теперь, поѣзжайте домой, и займитесь туалетомъ. Я также сейчасъ одѣваюсь.»

Почти въ это же самое время, происходила другая сцена на Терассахъ. Было четыре часа; съ минуты на минуту ожидали де Бреара. Въ пять часовъ назначено прійти нотариусу; въ шесть часовъ обѣдъ. Съ четырехъ, Аннета и Ирма должны были одѣться на весь вечеръ въ платья, подаренныя Элизою Девинъ, платья, разумѣется, съ открытою шеєю. Въ 1817 году и не кроили, впрочемъ, такія платья иначе.

И такъ, въ четыре часа, Ирма, прекрасная невѣста, была готова; только она не обвила еще головы померанцевою гирляндой, а держала ее въ рукахъ, и, вѣроятно, нуждаясь въ помощи сестры, пошла къ ней. Аннета не начинала одѣваться; она сидѣла, возлѣ постели, неподвижная, задумчивая, устремивъ взоръ на роковое платье.

Положивъ руку на плечо сестры, Ирма сказала:

— Аннета!...

«Ирма!...» вскричала испуганная дѣвица, будто готовая услышать что нибудь необыкновенное.

Но Ирма, указывая на платье, произнесла только:

— Ты не одѣваешься?

«Да я... сестрица... проговорила бѣдная Аннета, удерживаясь отъ выраженія мыслей, томившихъ ее грудь.

— Уже четыре часа! Не боишься ли ты надѣть это платье? И не думаешь ли отказаться отъ испытанія, которое должно уничтожить всѣ предположенія Элизы Девинь, и безвозвратно рѣшить мою участь?...

«О, нѣтъ! Но одѣваться такъ, въ первый разъ въ жизни...»

— Полно, что за ребячество! Посмотри, я готова. Если хочешь, я замѣню тебѣ горничную?

«Нѣтъ, нѣтъ, съ живостію возразила Аннета, благодарю. Оставь меня; я сейчасъ выйду.»

— Но помоги же надѣть гирлянду... Въдѣ надобно же не вѣстѣ отличиться чѣмъ нибудь, а я нарвала въ саду свѣжихъ померанцевыхъ вѣтокъ.

Аннета, не сказавъ ни слова, взяла цвѣты, и съ трепетомъ стала украшать ими волосы сестры, которая между тѣмъ продолжала:

— Какая странная женщина Элиза Девинь! Я знаю, что ей хотѣлось бы помучить маменьку, но не удастся... Не правда ли? Ты знаешь нашъ уговоръ, и что ты должна говорить. Можетъ быть, ты объ этомъ и думала? По крайней мѣрѣ, ты не колеблешься?

«Будь покойна, сказала Аннета слабымъ голосомъ. Я исполню свою обязанность...»

— Элиза выиграла развѣ то, что одѣла насъ одинаково, и въ случаѣ неожиданнаго оборота дѣла, прійдется только

перемѣстить гирлянду... Скоро ли ты приколешь?

«Не могу, отвѣчала Аннета; не знаю, что со мною дѣлается...» и, опустивъ руки, сѣла съ букетомъ. Она плакала...

— Ничего, просто волненіе... Одѣвайся поскорѣе...

Ирма, какъ будто гирлянда была приколота, тихонько вышла. Г-жа Перно спросила ее:

— Ну, что?

«Она его любитъ, маменька.»

— Во всякомъ случаѣ, возразила Маркиза, я оправдаюсь и восторжествую...

«О, нѣтъ, маменька, положитесь на своихъ дочерей!»

Станный разговоръ сей былъ прерванъ приходомъ нотариуса. Писарь разложилъ на столѣ необходимыя бумаги. Вскорѣ явился и де Бреаръ съ Элизой Девинь. Онъ былъ блѣденъ; сердце его сильно билось; быстрымъ взглядомъ онъ окинулъ все собраніе. Ирма покраснѣла, прижалась къ матери, зная, чего ищетъ испытующій взоръ жениха... Этотъ взоръ не открылъ ничего... Аннета еще не приходила.

Наконецъ дверь отворилась. Максимъ между жизнью и смертію. Проницательный взглядъ Элизы Девинь устремляется на Аннету, которая вошла съ букетомъ сестры. Она въ роковомъ платьѣ; плечомудренныя плечи ея открыты... Она останавливается, встревоженная быстрымъ, но оскорбительнымъ для дѣвственнаго чувства осмотромъ... Рубца нѣтъ!

Побѣжденная Элиза Девинь взглянула на торжествующую Эвхарису. Де Бреаръ, падая подъ игомъ безнадежности, рѣшился принести себя въ жертву. Нотариусъ началъ читать договоръ; Максимъ ничего не слышалъ. Его пригласили подписаться; онъ подписался молча, и сѣлъ опять на свое мѣсто.

Нотариусъ вызвалъ затѣмъ дѣвицу Ирму Меліо для подписи договора.

Ирма не встала.

Де Бреаръ затрепеталъ; Элиза Девинъ не могла скрыть своего волненія; Аннета поблѣднѣла; Ирма и Г-жа Перно были покойны, только легкая улыбка показалась на губахъ Маркизы.

— Изъ двухъ барышень, сказалъ тогда нотариусъ, я не могу узнать, которая невѣста; обѣ сестрицы одинаково прекрасны, молоды, и одинаково одѣты. Гирлянда, конечно, могла бы рѣшить мое недоумѣніе, но для меня этого мало, и я прошу Ирму-Каролину Мелю не бояться меня, а подойти и подписать договоръ. Если ручка трясется — тѣмъ лучше!... Это рѣдко бываетъ при подписи богатаго договора.

Никто не трогался съ мѣста.

Элиза Девинъ, указавъ на дѣвицу безъ гирлянды, сидѣвшую возлѣ матери, произнесла дрожащимъ голосомъ:

— Вотъ кто Ирма!

«Такъ точно, отвѣчала мать, но не она можетъ подписать это имя подъ брачнымъ договоромъ. Теперь должно воздать каждому свое. Истинная Ирма! встань и подпиши!»

Артистка была совершенно уничтожена столь простымъ и неожиданнымъ рѣшеніемъ; хитрая Маркиза перемѣнила имена. Эта хитрость могла подвигнуть ее ко всему; но сердце Эвхарисы не было еще испорчено до такой степени; она поняла несчастіе дочерей, и теперь торжествовала вдвойнѣ, доказавъ свою хитрость и благородство.

Восхищенный де Бреаръ бросился къ мнимой Аннетѣ, привлекъ ее, почти безчувственную, къ договору и, самъ водя ея рукою, заставилъ подписать имя Ирмы! Сестра подписалась свидѣтельницею, и надѣла дѣвственный вѣнокъ на голову счастливой невѣсты.

— Пожалуйста теперь сюда, сказала она Элизѣ и Максиму, увлекая ихъ въ другую половину гостиной, мнѣ надобно дать вамъ коротенькое объясненіе. Тщеславіе обмануло васъ, Г. де Бреаръ,

въ роковую ночь... Въ таинственномъ домино, вы непременно хотѣли видѣть Маркизу Нибелло...

«Стало быть!... воскликнулъ молодой человекъ, это была...»

— Ваша покорнѣйшая слуга! Если бы не плачевный конецъ, то вы были бы баснею всего двора. Я и подруги мои, наскучивъ дерзостію господъ офицеровъ, которые съ такою увѣренностію ухаживали за нашими матерями, а на насъ и не обращали вниманія, мы рѣшились, въ лицѣ вашемъ, наказать всѣхъ. Вамъ надлежало ѣхать изъ Флоренціи черезъ нѣскольکو дней, вы были иностранецъ, и мы ничѣмъ не рисковали, рѣшаясь на мистификацію. Къ несчастію, я перемѣшила ключи, и отдала вамъ тотъ, который велъ на половину сестры...

«Странная судьба! замѣтила Элиза Девинъ. И такъ, бѣдное дитя, твоя вѣтренность...»

— Въмѣстѣ съ вѣтренностію Г. де Бреара повлекла за собою ужасныя слѣдствія! Я рѣшилась загладить свой проступокъ, и, по совѣту маменьки, сдѣлала сестрѣ слѣдующее предложеніе: «Ирма, сказала я ей: я во всемъ виновна, и за все должна отвѣчать; маменька нашла очень простое и счастливое средство: обмѣняемся именами: я буду старшею сестрою: ты останешься чистою, и если мнѣ не суждено выйти за мужъ, по крайней мѣрѣ, я это заслужила...

— Совершенная правда, сказала новая Ирма съ трогательною улыбкою. Сестрица именно такъ и говорила мнѣ.

«Я не ожидала жениховъ, но милая Ирма, вѣрно, ожидала, потому что согласилась скоро... Вы видѣли мое изумленіе, когда я узнала о рѣшимости Г. де Бреара; но я должна была принять на себя временную роль, опасаясь, что этотъ союзъ не понравится Ирмѣ, а теперь оказалась, когда увидѣла противное. Подтверди же истину моихъ словъ, Ирма, прибавила лукавая дѣвица.

— Лишній трудъ! возразила молодая, обнимая сестру.

«Вы видите, что моя невинная наружность не скрываетъ въ себѣ ничего добраго, и что она мнѣ очень полезна, замѣтила хитрая и благородная дѣвушка.

Вмѣсто отвѣта, де Бреаръ обнялъ свою новую сестру, а Элиза Девинъ пожала ей руку и съ умиленіемъ сказала:

— Ужъ я давно дала ей прозваніе: ангелъ и демонъ.

Въ то же время, артистка обратилась къ Г-жѣ Перво:

— Вы, просто, гениальная женщина, и наконецъ я должна рассказать вамъ кое-что о себѣ.

«Послушаемъ, что такое!»

— Если нужно, я сама могу подтвердить показанія вашей младшей дочери. Въ 1812 году, когда случилось происшествіе, я жила пансіонеркою въ томъ монастырѣ, гдѣ воспитывалась Аннета, и потому знаю... выходила ли она въ этотъ день...

«Мнѣ извѣстны обстоятельства вашей жизни, отвѣчала Маркиза хладнокровно на столь рѣзкое замѣчаніе; вы, Элиза Дальвита, послѣдній отпрыскъ благородной, но обѣднѣвшей Италіанской фамилии. Еще до прибытія моего ко двору, Принцесса взяла васъ къ себѣ и полюбила; вы даже получили отъ нее значительную сумму, и все таки не переставали желать большаго.. Вы, моя бѣдная Элиза, продолжала Маркиза, понизивъ голосъ, были нехороши собою, и страдали же-

сточайшею тоскою, какою только можетъ страдать женщина... васъ никогда не радовала любовь! Вы страдали тѣмъ ужаснѣе, что природа надѣлила васъ пламеннымъ воображеніемъ, нѣжнымъ сердцемъ и высокимъ умомъ... Мое присутствіе при дворѣ, быть можетъ, казалось вамъ оскорбительнымъ... и при первыхъ моихъ успѣхахъ вы удалились... Вотъ вся ваша тайна, мой добрый другъ, и вотъ почему, прибавила Эвхариса, дотрогиваясь до серебристыхъ локоновъ Элизы, у васъ сѣдые волосы.»

Элиза Девинъ была побѣждена въ третій разъ. На глазахъ ея показались даже слезы... Маркиза замѣтила ей наконецъ:

— Вы заслуживали бы наказанія, потому что предполагали меня слишкомъ злою. Такъ какъ теперь не существуетъ между нами ни соперничества, ни тайны, и какъ мы встрѣтились въ добромъ дѣлѣ, то будемъ искренними друзьями, и поцѣлуемся.

Добрый характеръ Элизы восторжествовалъ; она съ полнымъ изліяніемъ дружбы приняла мирный договоръ; но несправедливая и безжалостная Маркиза готовила ей послѣдній ударъ.

На другой день свадьбы, де Бреаръ шепнулъ артисткѣ, едва удерживаясь отъ хохота.

— А вѣдь рубецъ-то есть!..

Проницательная артистка закусала губы. Цѣломудренная тайна укрылась отъ нея; а вся тайна заключалась въ одной черточкѣ, пониже краевъ бальнаго платья.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ И ОПЕРНЫЕ АРТИСТЫ И АРТИСТКИ, ВЪ ГЕРМАНИИ.

Въ ожиданіи возможности составленія полного списка драматическихъ артистовъ, играющихъ на всѣхъ, конечно не многочисленныхъ, сценахъ въ Россіи, пользуясь трудами Нѣмецкихъ комплаторовъ и біографовъ, сообщаемъ, въ числѣ Матеріаловъ къ Исторіи Театра, списокъ всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, большей части Нѣмецкихъ сценическихъ артистовъ и артистокъ. Къ каждому имени присоединено нѣсколько словъ, характеризующихъ игру артиста, его *амплуа*; показано на какомъ артистъ играетъ театрѣ, или приведены нѣкоторыя любопытныя черты изъ его жизни. Объ артистахъ, болѣе другихъ заслуживающихъ вниманія, мы говорили подробнѣе. Списокъ нашъ, составленный по азбучному порядку, можетъ служить какъ бы дополненіемъ и, такъ сказать, поясненіемъ извѣстій о заграничныхъ театрахъ, гдѣ очень часто упоминаются артисты, совершенно неизвѣстные нашей публикѣ.

Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего изданія надѣемся сообщить подобныя же краткія біографическія замѣтки объ артистахъ Парижскихъ Театровъ. Французскіе артисты, играющіе на театрахъ провинціальныхъ или на Французскихъ сценахъ внѣ Франціи, столь многочисленны, что списокъ ихъ составилъ бы цѣлый лексиконъ, и къ тому же не послужилъ бы ни къ чему, такъ какъ въ драматическомъ мірѣ упоминаются только артисты Парижскіе. Въ нашемъ списокѣ, однако же, будутъ находиться имена Г-на и Г-жи Алланъ, Г-жи Александръ Майеръ,

Г-жи Дюпонъ, Г. Брессана и др., блиставшихъ и на Парижскихъ сценахъ.

Вообще, Нѣмецкіе критики сознаются, скрѣпивъ сердце, что театральное искусство въ Германіи нынѣ находится въ упадкѣ, и что главный недостатокъ почти всѣхъ театровъ — отсутствіе такъ называемаго *ensemble*, единства, равенства игры, поражающихъ насъ у артистовъ Французскихъ, даже посредственныхъ. Каждый начинающій Нѣмецкій актеръ считаетъ себя совершенствомъ въ своемъ родѣ, не хочетъ ни изучать своего искусства, ни слушать добрыхъ совѣтовъ, не зная того, что ни какое искусство не можетъ существовать безъ постоянного изученія и безпрестанныхъ трудовъ.

Образцовыми изъ Нѣмецкихъ сценъ можно назвать Придворный Драматическій Театръ въ Вѣнѣ (*Hofburg theater*) въ тонкихъ комедіяхъ, называемыхъ въ Германіи *разговорными пьесами* (*Conversationsstücke*), и Дрезденскій Театръ, гдѣ вліяніе Тика ощутительно даже въ игрѣ малѣйшихъ артистовъ. Обыкновенно же, въ Германіи, каждый артистъ играетъ на свой ладъ, старается выказать какъ можно болѣе самого себя, независимо отъ окружающихъ его артистовъ. Черезъ это не только укоренилась тамъ безпредѣльная необузданность каждаго сюжета, но и часто замѣтно совершенное отсутствіе размышленія, влекущее за собою крайнее нерадѣніе, которое доходитъ иногда до того, что сносные артисты не трудятся порядочно вытвердить свою роль. Артистки сохра-

нили въ этомъ отношеніи болѣе совѣстливости, нежели господа артисты, и обыкновенно твердо знаютъ свои роли, чрезъ что ихъ игра, даже при небольшомъ талантѣ и при ложномъ изображеніи представляемаго ими лица, всегда имѣетъ нѣкоторое единство и плавность, заглаживающія ихъ прочіе недостатки.

Причину этой неврачительности можно искать въ томъ, что между лицами, составляющими театральное управленіе въ Германіи, рѣдко можно найти людей, пекущихся о собственномъ искусствѣ, что вообще артисты взираютъ на драматическое искусство, какъ на средство къ достиженію цѣли, и притомъ цѣли весьма не возвышенной, чисто матеріальной, и видятъ въ немъ простую промышленность, которую стараются упростить и облегчить до возможной степени. Къ этому, конечно, много содѣйствовали и Гг. драматическіе писатели; но они ответственны въ томъ менѣе, нежели тѣ, которые принудили ихъ унизиться до піесъ какого-то фабричнаго производства.

Такое мнѣніе можетъ показаться слишкомъ неблагопріятнымъ, но въ немъ сознаются вмѣстѣ съ нами лучшіе театральные критики Германіи, Тикъ, покойный Францъ Горнъ, А. Левальдъ, Функъ и Релльштабъ, видѣвшій еще артистовъ стариннаго времени. Всѣ они единогласно говорятъ, что нынѣ утрачено изображеніе на сценѣ истинной, нагой природы, и что лучшіе артисты Германіи сами убѣждены и сами сознаются въ нынѣшней порчѣ драматическаго искусства.

Вообще нынѣ убавилось въ Германіи число актеровъ, способныхъ играть въ высокой драмѣ; хороши комическія, особенно же Вѣнскія волшебна-шуточныя піесы, а лучше всего такъ называемыя разговорныя піесы. Такое положеніе все еще гораздо сноснѣе, нежели то, въ которомъ находился театръ въ Германіи, за нѣсколько лѣтъ, когда всѣ сцены были наводнены мелодрамами и рыцарскими

и разбойничьими піесами. На нѣкоторыхъ театрахъ, какъ, напримѣръ, на Стутгардскомъ и Дрезденскомъ, стараются сохранить возможное равновѣсіе между различными родами драматическихъ произведеній, и сообщать публикѣ новости; на другихъ же, и между прочимъ на сценѣ Гамбургской, на которой, сказать здѣсь мимоходомъ, теперь, вѣроятно, отнюдь не до драматическаго искусства — на сценѣ Гамбургской, говоримъ мы, постоянно избѣгаютъ представленія піесъ, принадлежащихъ къ высшему драматическому роду.

Комическая часть на Нѣмецкихъ Театрахъ превратилась, въ послѣднее время, въ простое изображеніе комическихъ мѣстностей. Встарину славилось комическое лице *Штаберле*, являвшееся во множествѣ піесъ, въ которыхъ отличались въ Вѣнѣ, на Леопольдштадтскомъ Театрѣ, актеръ Раймундъ и актриса Кронесъ; а въ Берлинѣ, на Кенигштедтскомъ Театрѣ, актеръ Шмелька; но теперь это лице замѣнено другимъ, менѣе комическимъ, Берлинскимъ *уличнымъ носильщикомъ* (*Eskensteher*), которымъ подчиваютъ публику подъ всеми возможными видами.

Чѣмъ роль величественнѣе, возвышеннѣе и сильнѣе, тѣмъ нынѣ менѣе находишь для нее способныхъ артистовъ. Для ролей, основанныхъ на размышленіи, какъ напримѣръ, Гамлетъ, можно насчитать и въ наше время нѣсколько артистовъ, играющихъ ее сносно; также найдутся сюжеты для ролей интригантовъ. Новыхъ трагедій, въ высокомъ или историческомъ стилѣ, въ наше время пишутъ очень мало, и изъ нихъ на сценѣ являются очень немногія; даже произведенія Шекспира и Шиллера играютъ въ Германіи такъ рѣдко, что они не могутъ образовать для сцены молодаго поколѣнія артистовъ. Нѣмецкіе Театры были подавлены множествомъ новыхъ піесъ, въ которыхъ не было ничего опредѣленнаго, ничего истиннаго, простаго и естественнаго. Въ Про-

ступкъ (die Schuld), Мюльнера, и въ *Прародительницѣ*, Грильпарцера, мы не видимъ истинныхъ людей: это какія-то тѣни безъ тѣла и обрисовки, начертанныя въ туманной неопредѣленности. Піесы Раупаха приучили актеровъ къ какой-то пустой, піесы Гальма къ какой-то блестящей, но безхарактерной декламаци. Къ этому должно еще прибавить, что въ новыхъ драмахъ всѣ характеры дѣйствующихъ лицъ сразу представляются совершенно готовыми, и вовсе не развиваются вмѣстѣ съ ходомъ піесы; слѣдствіемъ же этого было, что актеры привыкли къ удобному обычаю изображать, съ самаго начала піесы, весь характеръ представляемаго ими лица, и потомъ уже не развивать его въ психологическомъ отношеніи.

Пѣніе, въ Германіи, какъ и вообще повсюду въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, не подвинулось впередъ, и въ основаніяхъ своихъ удалилось отъ того, что можно называть въ искусствѣ изящнымъ. Въ Германіи весьма ощутителенъ недостатокъ хорошихъ учителей пѣнія, и по этому весьма рѣдко найдешь Нѣмецкаго пѣвца или пѣвицу, знающихъ основанія музыки. Даже требованія публики въ этомъ отношеніи весьма снисходительны, и по неволѣ должны сообразоваться съ тѣмъ, что видишь и слышишь на сценѣ. Какъ случается во всѣхъ отрасляхъ искусствъ вообще, такъ и въ пѣвѣ, прихоти геніальныхъ артистовъ, которымъ всегда старается подражать золотая посредственность, ввели большіе недостатки. Именно, нынѣшняя метода пѣнія страждетъ несоблюденіемъ ни какой мѣры въ выраженіи сильныхъ ощущеній. Если въ періодъ отъ 1815 до 1822 г. можно было пожаловаться на безцвѣтную холодность, которую замѣчали даже у величайшихъ пѣвицъ, то нынѣ мы страдаемъ отъ противоположнаго тому, и нерѣдко видимъ на сценѣ просто карикатуру выраженія чувствъ. Пѣвицы нашего времени рѣдко

издаютъ чистый, натуральный тонъ, но почти всегда прибѣгаютъ къ тремоландо, піандчендо и т. под., въ высшей, усиленной степени. При такихъ обстоятельствахъ, алфавитный списокъ пѣвцовъ и пѣвицъ не можетъ представить много утѣшительнаго.

Нельзя не замѣтить при семъ случаѣ, что наше столѣтіе, въ первую четверть свою, какъ бы истощилось въ произведеніи истинно прелестныхъ голосовъ. Гдѣ нынѣ голоса Г-жъ Каталини, Мильдеръ, Шехнеръ, Пасты, Малибранъ?... Не смѣемъ прибавить къ этимъ именамъ несравненную Зонтагъ, утраченную и не утраченную для искусства!... Даже лучшія пѣвицы нынѣшней эпохи, повсюду, не только въ Германіи, едва могутъ сравниться съ средними голосами той блистательной эпохи, главнымъ моментомъ которой можно опредѣлить періодъ отъ 1826 до 1828 г. Такія неблагопріятныя времена находятъ на каждое искусство, и намъ должно утѣшаться мыслию, что тѣмъ онѣ продолжительнѣе, тѣмъ скорѣе назначено вновь наступить лучшей эпохѣ.

Въ послѣднее десятилѣтіе, Германскіе Театры понесли многія тяжкія потери. Берлинъ лишился въ это время геніальнаго Девріента (старшаго, дядю нынѣшнихъ артистовъ), Вольфа, образованнаго по строжайшимъ правиламъ искусства въ Веймарской Школѣ, Лемма, достопочтеннаго остатка Ифландовой Школы, Ребенштейна, Бешарта, и др. Вѣна лишилась превосходной Софіи Мюллеръ, Г-жъ Кронесъ, Костенобль, комика Раймунда; Дрезденъ потерялъ талантливаго Веймара; Мюнхенъ отличнаго артиста Веспермана и Урбана, игравшаго роли любовниковъ. Въ концѣ прошедшаго года умеръ прекрасный Дрезденскій артистъ Паули. На Эслера должно уже взирать, какъ на удивительную руину. Могуцественная Софія Шрёдеръ и великая артистка Вольфъ, въ Берлинѣ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и Г-жа Крелингъ-Штихъ вскорѣ также

будетъ принуждена отказаться отъ лучшихъ ролей своихъ.

Не смотря на то, на многихъ сценахъ Германіи замѣтна дѣятельность, которая, наконецъ, непременно принесетъ желанные плоды, и уже теперь обѣщаетъ гораздо лучшую будущность.

При обзорѣнн слѣдующаго засимъ алфавитнаго списка не должно удивляться множеству хорошихъ, или, по крайней мѣрѣ, способныхъ артистовъ. Въ Германіи, при множествѣ значительныхъ городовъ и столицъ, таланты актеровъ и актрисъ имѣютъ несравненно болѣе способовъ къ своему развитію. Артисты Вѣнскаго Театра слѣдуютъ своимъ путемъ, не заботясь объ успѣхахъ Дрезденскаго или Берлинскаго Театра, тогда какъ во Франціи и въ другихъ странахъ, театры столичные подавляютъ и затемняютъ всѣхъ артистовъ сценъ провинціальныхъ, которые, такимъ образомъ, по неволѣ оставаясь въ неизвѣстности, не употребляютъ стараній для возвышенія и прославленія своего имени.

А.

Абвезеръ (Abweser). (Нина) въ Стутгартѣ, родилась въ Вѣнѣ, въ 1804 г.; замѣчательна въ роляхъ героическихъ матерей и женщинъ пожилыхъ лѣтъ, и въ особенности въ роли Елисаветы, въ трагедіи Марія Стюартъ.

Абрешъ (Abresch) молодой теноръ съ хорошими средствами, но живой образецъ нынѣшняго пѣнія. Онъ ѣздилъ по главнымъ городамъ Германіи по комиссіи одного виноторговца, и восхищалъ всѣ общества своимъ голосомъ. Его уговорили посвятить театру, онъ послѣдовалъ совѣту, игралъ въ 1840 г. въ Берлинѣ, а теперь играетъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Онъ никогда не учился музыкѣ, не знаетъ ея основанія, но поетъ по слуху.

Аншюцъ (Anschütz Гейнрихъ Эдуардъ) играетъ на Вѣнскомъ Придворномъ Театрѣ (Burgth.) съ 1821 г., род. въ Лю-

кау въ 1787, прошелъ университетскій курсъ, и образовался для сцены по наставленіямъ Ифанда, Вольфа, Эслера и др. Онъ, по преимуществу, артистъ размышляющій, умѣющій съ умомъ создавать характеры, и отличный декламаторъ, особенно въ трогательныхъ и разительныхъ роляхъ, которымъ вполне соответствуетъ его могущественный голосъ. Тикъ, настрожайшій Германскій критикъ, называетъ игру его въ Лирѣ образцовою. Долгое время отличавшись въ роляхъ героевъ, онъ нынѣ посвящаетъ свою дѣятельность ролямъ героическихъ отцевъ и характернымъ. Первымъ правиломъ ему служить — истина изображаемаго имъ лица.

Аншюцъ (Августа), урожденная Бутенонъ, играетъ на Вѣнскомъ Придворномъ Театрѣ съ 1821 года; она вторая жена предъидущаго.

Аншюцъ (Августа), дочь актера Аншюца отъ перваго брака, донынѣ еще возникающій талантъ, и очень нравится въ роляхъ молодыхъ любовницъ, по красивой наружности своей. Она сначала вышла на сцену въ Вѣнѣ, потомъ играла въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ.

Б.

Бабенигъ (Антонъ, Babbnig), первый теноръ Дрезденскаго Театра, род. въ Вѣнѣ въ 1795, и долгое время считался лучшимъ теноромъ въ Германіи.

Бадеръ (Карлъ Адамъ, Bader), теноръ Берлинской Оперы, род. въ 1789 г., и постоянно играетъ въ Берлинѣ уже въ продолженіе тридцати лѣтъ. Голосъ его, однако же, съ 1832 года, слабѣетъ.

Байеръ (Бауер) теноръ Мюнхенской оперы.

Байеръ (Фридрихъ, Baueг) играетъ въ Прагѣ съ 1804, и по мѣрѣ лѣтъ прошелъ всѣ роды ролей, и въ каждомъ умѣлъ списать похвалу публики. Онъ игралъ сначала молодыхъ героевъ и любовниковъ, потомъ степенныхъ героевъ и роли ха-

актерныя, а нынѣ съ равнымъ достоинствомъ занимаетъ роли благородныхъ отцовъ. Онъ, такъ сказать, корень Прагской сцены, основатель ея, и одинъ долгое время поддерживалъ достоинство классической драмы отъ наводненія безнравственныхъ Французскихъ оперъ, плохихъ маленькихъ піесокъ или площадныхъ Вѣнскихъ фарсовъ. У него величественная осанка, сильный голосъ и крайнее благородство въ манерахъ. Онъ отличается донынѣ въ роляхъ Валленштейна, Лира, Вильгельма Телля, Графа Эссекса, и пр.

Байеръ (Марія) его дочь, играетъ въ Ганноверѣ съ 1838 г., съ большими дарованіями для сцены. Она дебютировала въ Прагѣ въ 1835.

Балльманъ (Максъ, Ballmann), игр. въ Лейпцигѣ, род. въ Страсбургѣ, въ 1789 г.; замѣчательнъ въ низшихъ комическихъ роляхъ; его можно (упрекнуть въ однообразіи).

Бауэръ (Каролина, Bauer), игр. въ Дрезденѣ, род. въ Гейдельбергѣ въ 1808; она дочь ротмистра, убитаго при Аспернѣ. Она образовалась въ Берлинѣ, гдѣ была ангажирована сначала на Кенигштедтскомъ, а потомъ на Королевскомъ Театрѣ. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ покинула она сцену въ 1829 году, и два года сряду жила, подъ именемъ Графини Монгомери, въ Лондонѣ, Парижѣ и въ своемъ помѣстьѣ, въ Англіи. Послѣ того она добровольно вновь поступила на сцену, и до конца 1833 года находилась при Нѣмецкомъ Театрѣ въ Петербургѣ, и привлекала въ театръ не только Нѣмецкую публику, но и лучшее Русское общество столицы. Нынѣ она обратилась къ высокой драмѣ и ролямъ трагическимъ, и оказала въ нихъ большіе успѣхи, хотя настоящее поприще ея высокая комедія и такъ называемыя въ Германіи *разговорныя* піесы, въ которыхъ она выказываетъ необыкновенную наивность, непринужденность и тонкую хитрость, возвышаемыя

ея красотою и стройностію. При всемъ успѣхѣ ея на трагическомъ поприщѣ, нельзя не сознаться, что у ней недостаетъ трагической силы.

Блудіусъ (Карлъ Фридрихъ, Baudius) игр. въ Лейпцигѣ, род. въ Люкау, въ 1796, довольно замѣчательнъ въ роляхъ интригантовъ; его упрекаютъ въ однообразіи.

Баумейстеръ (Вильгельмъ, Baumeister) игр. въ Гамбургѣ, род. въ 1810 въ Позенѣ, занимаетъ роли молодыхъ героевъ и любовниковъ.

Безонъ (Жанъ-Батистъ, Baison), игр. въ Гамбургѣ, род. въ Майницѣ въ 1812, и назначенный родителями къ духовному званію, посѣщалъ тамошнюю семинарію, но въ 1832 г. перешелъ на сцену, и сначала игралъ безъ всякаго успѣха, доколѣ стараніями не преодолѣлъ всѣхъ препятствій. Онъ играетъ любовниковъ очень пламенно.

Безонъ (Каролина), урожд. Суториусъ, жена предыдущаго, долгое время играла въ Берлинѣ и Дрезденѣ роли наивныхъ дѣвушекъ, потомъ любовницъ, и отличалась миловидною наружностію; однако же, съ нѣкотораго времени, она совершенно удалась отъ сцены.

Бекеръ (Карлъ, Becker) игралъ съ 1831 во Франкфуртѣ на М., но съ 1840 перешелъ въ Дармштадтъ; онъ родился въ Майницѣ въ 1798 г. О немъ интересовался Маршалъ Даву, когда, во время занятія Гамбурга Французами, юный Бекеръ игралъ на тамошнемъ театрѣ. Съ 1825-31 жилъ онъ въ Дрезденѣ, пользуясь наставленіями Тика. Онъ соединяетъ въ своей игрѣ талантъ съ знаніемъ сцены, и его можно упрекнуть лишь въ томъ, что онъ беретъ за всѣ роды ролей.

Бекманъ (Фридрихъ, Beckmann) играетъ на Кенигштедскомъ Берлинскомъ Театрѣ, род. въ Бреславлѣ въ 1803 г., пользовался наставленіями актера Шмельки, и въ юныхъ лѣтахъ былъ ангажированъ въ Берлинѣ на роли коми-

ковъ. Онъ приобрѣлъ всеобщую извѣстность пьесою Eckensteher Nante, въ которой онъ игралъ главную роль. Основа его игры — острога (Witz), и онъ мастеръ импровизировать разныя колкости и острия слова; его область — низшій комизмъ, но онъ умѣетъ возвышать его какою-то благородною простотою, которую Нѣмцы прекрасно выражаютъ словомъ: Gemüthlichkeit; въ немъ, однако же, тщетно будете искать поэтическаго или такъ сказать полу-фантастическаго комизма, которымъ обладалъ его предшественникъ, Шмелъка.

Бекманъ (урожденная Муцарелли), играетъ также на Кенигштедтскомъ Театрѣ въ Берлинѣ, супруга предыдущаго, род. въ Вѣнѣ 1811; она очень хороша въ Вѣнскихъ фарсахъ и наивныхъ роляхъ въ комедіяхъ и водевиляхъ.

Бергъ (Франциска, Berg), играетъ въ Дрезденѣ, род. въ Мангеймѣ, въ 1815, молодая талантливая трагическая артистка, во многихъ роляхъ даже предпочтительная Г-жѣ Бауэръ.

Бертольдъ (Готлобъ Леберехтъ, Berthold), игр. въ Лейпцигѣ, род. въ Брандѣ, въ 1796 г., по настоящему пѣвецъ бассо-буффо, но замѣчательнъ также въ низкомъ комическихъ роляхъ.

Беттихеръ (Bötticher), первый бассъ Кор. Театра въ Берлинѣ, и одинъ изъ лучшихъ пѣвцовъ Германіи. Онъ сначала былъ горнистомъ, но перешелъ въ 1835 г. на сцену по совѣту Спонтини; къ сожалѣнію, онъ не изучилъ музыки основательно.

Бешортъ (Фридрихъ, Beschort), ветеранъ Берлинской сцены, род. въ Ганау въ 1767 г., хотя уже давно пользующійся пенсіономъ, однако же еще недавно являвшийся на сцену, въ степенныхъ роляхъ, въ которыхъ всегда служилъ образцомъ касательно истинны декламациі и созданія. 12-го Октября 1836 г. онъ праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей.

Бѣрманъ (Марія Тереза Паулина, Beir-

mann), урожд. Беттигеръ, супруга Нѣмецкаго писателя Эдуарда Бѣрмана, очень хороша въ роляхъ молоденькихъ любовницъ и въ роли Camille de Paris.

Биндеръ (Себастьянъ, Binder), игр. въ Вѣнѣ; род. въ 1800. Онъ не отличается ни игрою, ни силою голоса, но механическою отбѣлкою и пріятностію своего тенора.

Биндеръ (Binder), урожденная Малеръ, играетъ въ Прагѣ; она супруга тенора Себастьяна Биндера, род. въ 1805, и нынѣ уже переходитъ отъ ролей молоденькихъ любовницъ къ ролямъ степеннымъ.

Бирхъ-Пфайферъ (Шарлотта, Birch-Pfeiffer), Директриса Цюрихскаго Театра, супруга Доктора Бирха, род. въ Стутгардѣ въ 1800 г., и на тринадцатомъ году уже развилась до такой степени, что походила на взрослую дѣвицу, и могла играть значительныя роли на Мюнхенскомъ Театрѣ. Вскорѣ потомъ предприняла она художественное путешествіе, послѣ котораго была ангажирована, въ Мюнхенѣ же, на трагическія роли, потомъ опять ѣздила, и посѣтила между прочимъ Амстердамъ и С. Петербургъ. Она управляетъ съ знаніемъ дѣла Цюрихскимъ Театромъ, и дѣятельно трудится на поприщѣ драматической литературы; пьесы ея, однако же, не отличаются художественною отбѣлкою.

Блуме (Гейнрихъ, Blume), род. въ Берлинѣ, въ 1790, дебютировалъ на тамошней сценѣ, и съ тѣхъ поръ постоянно поетъ тамъ роли баритоновъ. Онъ долго отличался въ роли Донъ Жуана, но въ 1838 г. торжественно игралъ ее въ послѣдній разъ. Онъ теперь иногда является и на драматической сценѣ.

Ботгоржекъ (Каролина, Bothers eck), въ Дрезденѣ, поетъ роли альты и меццо-сопрано; род. въ Вѣнѣ въ 1816 г., и тамъ дебютировала въ роли Арзаса, въ 1835 г.; потомъ перешла она къ Дрезденскому Театру, и соединяетъ прелест-

ный голосъ съ привлекательною наружностью.

Браунгоферъ (Карль, Brauhofner), режиссеръ Мангеймскаго Театра съ 1829 г., род. въ 1799 г. Онъ отличается глубокою обдуманною игрою ролей Эгмонта, Гамлета, и пр.

Брейтингъ (Эдуардъ, Breiting) поетъ нынѣ въ Нѣмецкой Оперѣ въ Парижѣ; род. въ Баденѣ въ 1804 г. учился въ Гейдельбергскомъ Университетѣ богословію, но, обладая звучнымъ теноромъ, предпочелъ званіе артиста должности проповѣдника. Онъ явился на сцену въ первый разъ въ Мангеймѣ, въ 1827 г. и потомъ объѣздивъ многіе города южной Германіи. Съ 1837 по 1840-й годъ находился онъ при Нѣмецкой Оперѣ въ Петербургѣ, гдѣ донынѣ имѣетъ многихъ поклонниковъ. Лучшая роль его Элеазара, въ Жидовкѣ. Въ 1841 году, навѣщая онъ Петербургъ на время. Къ сожалѣнію, Брейтингъ принадлежитъ также къ числу тѣхъ пѣвцовъ, которые не учились музыкѣ основательно, но поютъ по слуху, и притомъ не обладаютъ достаточнымъ художественнымъ дарованіемъ для перенятія у другихъ основательной методы. Онъ чрезвычайно раздражителенъ за критики, и между прочимъ опасно захворалъ въ Берлинѣ, въ 1829 году, отъ неблагоприятной, но справедливой критики его игры въ роли Липинія, въ оперѣ *Весталка*.

Брюнингъ (Brüning), игр. въ Гамбургѣ, и по фигурѣ своей особенно хорошъ въ роляхъ негодяевъ и любовниковъ.

Бурмейстеръ (Фридрихъ, Burmeister), игр. въ Дрезденѣ, род. въ Шверинѣ, въ 1771 г., играетъ съ чрезвычайною истинною и простотою роли стариковъ и вообще тонкія комическія роли.

Вальбахъ (Wallbach), режиссеръ Королевскаго Стутгартскаго Театра, съ высокимъ талантомъ для ролей героевъ и пожилыхъ любовниковъ.

Вальбахъ-Канци (Wallbach Kanzi),

пѣвица при томъ же театрѣ, род. въ Баденѣ близъ Вѣны, въ 1805 г., и поступила на сцену въ 1821, на одномъ изъ Вѣнскихъ Театровъ (an der Wien). Затѣмъ, для довершенія образованія, объѣздивъ всю Германію, отправилась она въ Миланъ, и училась тамъ у Бандерали. Въ 1826 и 27 годахъ пѣла она въ Парижѣ и въ Лондонѣ, и потомъ въ Стутгартѣ вышла за тамошняго режиссера. Нынѣ она уже, какъ говорится, на отлетѣ.

Валькеръ (см. Гезе-Валькеръ).

Вауеръ (Wauer), игр. въ Берлинѣ съ неподражаемымъ протосердечіемъ комическія роли.

Вейднеръ (Weidner), игр. во Франкфуртѣ на Майнѣ комическія роли и стариковъ-отцевъ.

Вейсентурнъ (Юганна, v. Weissensturn), игр. на Придворномъ Вѣнскомъ Театрѣ до нынѣшняго года. Въ Февраль происходилъ прощальный бенефисъ этой заслуженной артистки, прослужившей на сценѣ 52 года. Она извѣстна также многими прелестными піесами ея сочиненія.

Верди (мужъ и жена, Werdy), игр. въ Дрезденѣ, и принадлежать еще къ старинной Ифландовой Школѣ. Оба они, въ 1839 г., праздновали пятидесятилѣтній юбилей драматической службы своей.

Вернеръ (Werner), урожденная Францъ и бывшая въ замужествѣ за Унцельманомъ, но разведенная съ нимъ, играетъ въ Берлинѣ, въ трагическихъ, но не самыхъ сильныхъ роляхъ; на сценѣ, не столь возвышенной, какъ Берлинская, она заняла бы значительное положеніе, и вѣроятно развила бы талантъ свой въ большей степени.

Вильдъ (Францъ, Wild), игр. въ Вѣнѣ уже болѣе 30 лѣтъ, но донынѣ принадлежитъ къ лучшимъ тенорамъ театра у Каринтійскихъ Воротъ. Онъ род. въ 1792 г., былъ сначала хористомъ на одномъ изъ меньшихъ Вѣнскихъ театровъ, но Гуммель, услышавъ его голосъ, принявъ его солистомъ въ капеллу Эстергази. Затѣмъ

перешелъ онъ на сцену, и въ 1815 году, во время Вѣнскаго Конгресса, обращалъ на себя общее вниманіе. Въ 1825 году, ѣздилъ онъ въ Парижъ, и возвратившись въ Германію вдругъ лишился голоса своего, низкаго тенора. Послѣ неутомимыхъ стараній, приобрѣлъ онъ сильный фальцетъ, которымъ можетъ исполнять съ большимъ блескомъ всю нынѣшнюю модную музыку, имѣющую главное сѣдалище свое въ Вѣнѣ. Нынѣ онъ намѣревается, повидимому, совершенно поселиться въ Берлинѣ.

Вольфъ (Wolff), вдова извѣстнаго артиста, играетъ въ Берлинѣ, но весьма рѣдко, такъ что талантъ ея должно уже причислить къ преданіямъ.

Вурда (Wurda), теноръ съ дарованіемъ, игр. въ Гамбургѣ; онъ получилъ образованіе на иждивеніи Великаго Герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго.

Вюстъ (Henrietta, Wüst), хорошая сопранистка Дрезденской школы, род. въ Берлинѣ въ 1816, и дебютировала въ Лейпцигѣ въ 1831 г.

Г.

Гагедорнъ (Hagedorn), придворная пѣвица въ Дессау, род. въ 1812 г., дочь купца, слывшаго богачемъ но не оставившаго ничего семейству по смерти своей. Отличный голосъ побудилъ ея посвятить себя музыкѣ, и въ 1834 и 1835 годахъ она уже являлась въ концертахъ въ Берлинѣ, потомъ вышла на сцену и поступила въ Дессау.

Гатъ (Charlotte, v. Hagn), Королевск. Театра въ Берлинѣ, род. въ 1814 г. и дебютировала въ Мюнхенѣ въ 1828 году. Въ роляхъ кокетокъ, она одна изъ лучшихъ, и конечно, самая очаровательная актриса нынѣшней Германіи. Съ меньшимъ успѣхомъ испытываетъ она силы свои въ трагедіи, хотя роли чувствительныя, такъ сказать сердечныя (gemüthvolle), какъ напримѣръ, Гретхенъ, въ Фаустѣ, Гризельда, Корона и т. п., она играетъ съ неподражаемою граціею и наивною.

Она отличается между всѣми актрисами сѣверной Германіи искусствомъ одѣваться со вкусомъ. Она нѣсколько разъ посѣщала Петербургъ, и игрою своею открыла тайну сценическаго искусства многимъ изъ Русскихъ молодыхъ артистокъ. По образованности, по уму и многимъ остроумнымъ отвѣтамъ ее прозвали Берлинскою Дежазе.

Гайцингеръ (Haizinger), замѣчательный теноръ, долгое время находившійся въ Карlsruэ, нынѣ ангажированъ къ Нѣмецкой Оперѣ въ Парижѣ. Онъ посѣщалъ и Петербургъ, вмѣстѣ съ супругою своею, лѣтомъ 1835 года.

Гайцингеръ (Амалия), прославившаяся подъ именемъ Нейманъ-Гайцингеръ, ангажирована въ Карlsruэ, въ высшей степени замѣчательна въ представленіи ролей тонко-комическихкихъ или характерныхъ, въ особенности же дамъ высшаго общества, манеры котораго она изучила во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ. Ея одну можно поставить, въ комедіи, въ параллель съ нашею А. М. Каратыгиною. Она преимущественно обладаетъ великимъ искусствомъ быть на сценѣ, какъ у себя дома, и заставлять зрителей забывать, что они сидятъ въ театрѣ. Она много путешествовала, и въ 1835 году ею любовался Петербургъ.

Гаммермейстеръ (Hammermeister), талантливый бассо и баритонъ при Гамбургскомъ Театрѣ, пріятной наружности и ловкій на сценѣ. Онъ род. въ 1800 г., долгое время пѣлъ въ Лейпцигѣ, и усовершенствовался въ Берлинѣ, по образцамъ Бадера и Э. Девриента, въ такъ называемомъ драматическомъ пѣніи. Онъ покинулъ Берлинъ въ 1836 г., и съ тѣхъ поръ переходилъ на разныя сцены; между прочимъ пѣлъ на Театрѣ у Каринтійскихъ Воротъ, въ Вѣнѣ.

Гардъ (Gard), пѣвица довольно извѣстная, долгое время находившаяся во Франкфуртѣ на Майнѣ; она поѣхала въ

Италію, и тамъ также является съ успѣхомъ.

Гардъ (Minna, Gard) пѣвица въ Бременѣ, вѣроятно сестра предыдущей.

Гассельтъ (Hasselt), одна изъ замѣчательнѣйшихъ Германскихъ пѣвицъ; она род. въ Амстердамѣ, въ 1818, и образовалась во Флоренціи у П. Романи. Въ 1831 г. дебютировала она въ Триестѣ, потомъ пѣла во многихъ Италіанскихъ городахъ, и между прочимъ въ Генуѣ, и въ 1833 г. играла въ Мюнхенѣ; отсюда перешла она въ Вѣну, гдѣ находится донинѣ и занимается съ Г-жею Луцеръ первое мѣсто между пѣвицами. Она особенно замѣчательна въ бравурномъ пѣніи. Въ прошедшемъ году вышла она замужъ, и нынѣ называется Гассельтъ-Бартъ. (Barth).

Гартвигъ (Фридерика Вильгельмина, Hartwig) Придворная актриса въ Дрезденѣ, съ дѣтства играла на разныхъ театрахъ. Она была встарину замѣчательная артистка, и первая играла, въ Лейпцигѣ, Дѣву Орлеанскую, въ присутствіи Шиллера и къ его совершенному удовольствію. Потомъ она перешла къ ролямъ старушекъ. Скоро исполнится 50 лѣтъ, что она находится на Дрезденской сценѣ.

Гаузеръ (Hauser) басистъ въ Бреславлѣ, долгое время находился при театрахъ Вѣнскомъ, Франкфуртскомъ, Лейпцигскомъ и Берлинскомъ. Онъ соединяетъ съ основательнымъ знаніемъ музыки глубокія познанія въ литературѣ и древностяхъ, и превосходный учитель пѣнія.

Глусманъ (Hausmann), драматическій артистъ въ Мангеймѣ, — достопочтенная руина старинной школы, но донинѣ неподражаемый въ роляхъ стариковъ-отцевъ.

Глаусъ (Дорина, Haas) въ Стутгартѣ, род. въ Майнцѣ, въ 1807, принадлежитъ къ лучшимъ украшеніямъ тамошней сцены. Она обладаетъ весьма высокимъ голосомъ. Въ первый разъ явилась она на сценѣ въ Майнцѣ, въ 1825 г., потомъ была ангажирована во Франкфуртѣ, а тамъ въ Стутгартѣ.

Гезе-Валькеръ (Gehse-Walcker), пѣвица, ангажированная нынѣ къ Нѣмецкой Оперѣ въ Парижѣ и поправившаяся тамошней публикѣ; она род. въ Берлинѣ, тамъ дебютировала, и перешла оттуда въ Гамбургъ, гдѣ и находилась долгое время. Голосъ ея полный и сильный.

Гейнефеттеръ (Heinefetter), одно изъ тѣхъ именъ, которое преимущественно принадлежитъ музыкѣ и пѣнію. Четыре сестры — всѣ занимаютъ почетныя мѣста въ музыкальномъ мірѣ. Первая и самая извѣстная:

Сабина Гейнефеттеръ, род. въ 1805 г. Она начала театральное поприще свое въ Касселѣ, пользуясь наставленіями Спора, въ 1827 г. обратила на себя вниманіе въ Берлинѣ, на одной сценѣ съ пѣвицами Шехнеръ и Каталани, потомъ присвоила себѣ Италіанскую методу, и повсюду собирала обильную дань рукоплесканій. Она пѣла и въ Парижѣ, и въ Англіи. Голосъ ея весьма обширенъ, и заключаетъ въ себѣ и сопрано и контральто. Случай особаго рода принудилъ ее удалиться изъ Касселя во Франкфуртъ, и съ тѣхъ поръ она постоянно все разъѣзжаетъ по разнымъ городамъ. Она посѣщала Петербургъ два раза, въ 1834 и въ 1840-41. Въ первое пребываніе свое, съ меньшею сестрою, она давала только концерты, во второе же услаждала она въ продолженіе цѣлой зимы Петербургскихъ любителей музыки и драматическаго искусства своимъ образцовымъ пѣніемъ и пламенною игрою въ Порть, Севильскомъ Цирюльничѣ, Фиделіо, Аннѣ Боленѣ и т. д. Она ѣздила и въ Москву.

Клара Гейнефеттеръ, нынѣ Гейнефеттеръ Стеклъ (Stöckl), ангаж. въ Лондонѣ, обладаетъ голосомъ еще обширѣйшимъ, нежели Сабина, но не столь обработаннымъ и не столь выгодною наружностью. Она извѣстна на всѣхъ оперныхъ сценахъ Германіи, и пѣла долгое время въ Вѣнѣ.

Гейнефеттеръ Микловичъ (Micle-

witsch), анг. въ Пестѣ, обладаетъ пріятнымъ сопрано и особенно мила въ наивныхъ и веселыхъ роляхъ.

Катенька Гейнефеттеръ, младшая изъ нихъ, прозванная Катенькою у насъ, въ Петербургѣ, куда она ѣздила съ старшею сестрою въ 1834 г., дебютировала въ 1840 г. на Театрѣ Большой Оперы въ Парижѣ, въ Жидовкѣ, послѣ продолжительнаго изученія тамъ музыки и Французскаго языка. Послѣ блистательнаго перваго дебюта ее ангажировали на три года.

Гекшеръ (Heckscher), Придворный артистъ въ Дрезденѣ, подаетъ надежды, хотя еще не вполне развили свой талантъ.

Гелькенъ (Лудвигъ, Hölken) режиссеръ и актеръ въ Мюнхенѣ, род. въ 1792 г.; онъ играетъ въ роляхъ трагическихъ, хотя голосъ его для нихъ слабоватъ.

Генастъ (Эдуардъ, Genast), баритонъ въ Веймарѣ, род. тамъ же въ 1797 г., сначала игралъ въ Лейпцигѣ на драматической сценѣ, но потомъ перешелъ на оперную.

Генастъ (Каролина, Христина, Genast), урожденная Белеръ (Böhler), супруга предъидущаго, род. въ 1800 въ Кассель. Пріятная наружность ея много помогаетъ ей на сценѣ, при истиннѣй и пѣжности въ игрѣ.

Гендрихсъ (Луи, Hendrichs) играетъ пламенно роли любовниковъ на драматической сценѣ, въ Берлинѣ.

Генель (Амалия, Hähnel), род. въ Вѣнѣ, въ 1807, и съ 1829 г. анг. къ Кенигштедтскому Театру въ Берлинѣ, одна изъ лучшихъ пѣвицъ контръ-альто во всей Германіи. Ея главная роль *Норма*.

Генне (Генриетта, Henne), игр. въ Кассель, степенныя роли и матерей; она род. въ Берлинѣ, въ 1810 г.

Гербстъ (Нина, Herbst), дочь Польской Графини, вышедшей за актера Гербста, но покинувшей его въ послѣдствіи. Ее образованіемъ занимался Л. Девриентъ;

она донинѣ въ Прагѣ правится въ роляхъ Офеліи, Гретхенъ, Эболи, и т. п.

Гернъ (Карлъ, Gern), при Кор. Т. въ Берлинѣ, молодой артистъ съ рѣдкимъ комическимъ дарованіемъ, по несчастію склоняющему къ тривиальной и площадной фарсѣ.

Герольдъ (Herold) артистка при Кор. Т. въ Дрезденѣ, очень хороша въ роляхъ степенныхъ любовницъ и сентиментальныхъ женщинъ.

Герцфельдъ (Herzfeld), при Придв. Т. въ Вѣнѣ, прекрасенъ во вторыхъ роляхъ, въ комедіяхъ, и отличается игрою, полною приличія.

Гехертъ (Эмилиа, Höffert), при Швейришскомъ Т., единственная дочь Э. Девриента отъ его перваго брака, род. въ 1808, и правится въ карикатурныхъ роляхъ. Долгое время вела она полукочевую, странническую жизнь, и наконецъ вышла за актера Гехерта, въ Кенигсбергѣ.

Гольбейнъ (Holbein), жена Директора Театра въ Ганноверѣ, была въ юности замѣчательною артисткою въ роляхъ наивныхъ и сентиментальныхъ, теперь же съ прежнимъ искусствомъ занимаетъ роли степенныя.

Гольцмиллеръ (Эдуардъ, Holzmilller), род. въ 1806 г., перешелъ сначала изъ Вѣны въ Берлинъ, а оттуда въ Ганноверъ, гдѣ находится донинѣ. Онъ хорошъ въ Нѣмецкихъ операхъ.

Гоппе (Hopp) теноръ въ Мюнхенѣ, род. въ Берлинѣ, въ 1812 г., служилъ сначала солдатомъ, и пѣлъ въ хорѣ. Рельштабъ замѣтилъ его голосъ въ одномъ военномъ концертѣ, и доставилъ ему средства къ изученію основаній музыки. Вскорѣ удалось ему заключить контрактъ съ Директоромъ Дрезд. Т., потомъ онъ игралъ въ Штетинѣ, тамъ въ Мюнхенѣ, въ Вѣнѣ и наконецъ опять въ Мюнхенѣ. При большемъ изученіи музыки, онъ могъ бы сдѣлаться отличнѣйшимъ теноромъ.

Готманъ (Hofmann) нынѣ Директоръ

Рижскаго Театра, обладаетъ очень хорошимъ теноромъ, извѣстнымъ Петербургской публикѣ. Онъ род. въ Вѣнѣ въ 1805, сначала тамъ служилъ, и обладая хорошимъ голосомъ, поступилъ на сцену безъ большихъ предварительныхъ приготовлений. Оттуда перешелъ онъ въ Берлинъ, затѣмъ въ 1834 году поступилъ въ Нѣмецкую труппу въ Петербургъ, и въ 1838 г. поѣхалъ въ Ригу и сдѣлался тамъ Директоромъ Театра. Въ этомъ новомъ званіи показываетъ онъ болѣе таланта, нежели въ отношеніи артистическомъ, потому что пріятный голосъ его не обработанъ достаточнымъ образомъ, а игра отнюдь не образцовая. Жена его, Катерина Гофманъ составляла украшеніе Петербургской оперы, пѣніемъ, игрою и миловидною наружностію; она теперь поетъ въ Ригѣ.

Графъ (Graf), игр. въ Веймарѣ; онъ род. въ 1770, и считается однимъ изъ достойнѣйшихъ ветерановъ Гёте-Шиллеровской школы. Въ 1839 г. праздновалъ онъ свой 50-ти лѣтній юбилей.

Гриль (Grill) миловидная артистка для ролей любовницъ, играетъ въ Пестѣ.

Гроссеръ (Grosser) пѣвица въ Прагѣ, являвшаяся съ успѣхомъ и въ Берлинѣ; особенно хороша въ бравурныхъ роляхъ.

Груа (Фридрихъ Вильгельмъ, Grua) игр. при Кор. Т. въ Берлинѣ, род. въ 1799 г. въ Мангеймѣ; въ геройскихъ роляхъ онъ часто доводитъ сентиментальность до слишкомъ высокой степени, безъ критическаго сознанія. Одна изъ лучшихъ ролей его Донъ Карлосъ.

Грунертъ (Карлъ, Grunerl) режиссеръ Придв. Т. въ Ганноверѣ, хорошъ въ характерныхъ роляхъ. Жена его отлична въ роляхъ матерей.

Грюнбаумъ (Каролина Grünbaum), въ Берлинѣ, дочь знаменитой пѣвицы Терезы Грюнбаумъ, род. въ 1812 г., начала поприще свое въ Вѣнѣ, въ Швейцарскомъ Семействѣ, въ тотъ самый день, какъ Вейгль въ первый разъ лично дирижировалъ эту

оперу. Затѣмъ она объѣздила почти всю Германію, и была ангажирована къ Кор. Оперѣ въ Берлинѣ. Здѣсь она составляла одно время эпоху въ опереткахъ, въ которыхъ требуется тонкая игра. Она нынѣ уже покинула Берлинскую сцену, на которой играла съ 1833 года.

Гурай (Данила, Hugaу), былъ съ 1794 режиссеромъ, въ послѣдствіи же сдѣлался Директоромъ театровъ въ Данцигѣ, Эльбингѣ и Мариенвердерѣ; актеръ съ дарованіемъ, придерживающійся старинной школы; онъ играетъ нынѣ стариковъ и интригантовъ.

Гюнтеръ (Фридрихъ, Hünther), режиссеръ въ Ригѣ; онъ играетъ въ совершенствѣ характерныя роли и обладаетъ прекраснымъ баритономъ. Онъ сынъ прославленнаго Германскаго актера Карла Гюнтера, скончавшагося въ 1840 году.

Гюнтеръ (Каролина) игр. въ Лейпцигѣ субретокъ. Она род. въ 1817 г.

Д.

Данъ (Фридрихъ, Dahn) игр. при Прид. Т. въ Мюнхенѣ, род. въ Берлинѣ въ 1811 году, учился богословію, но въ 1828 г. поступилъ на сцену, въ Берлинѣ же. Онъ занимаетъ амбуа молодыхъ любовниковъ и героевъ, и очень хорошъ въ комедіяхъ, особенно же въ драмахъ.

Данъ (Констанція, Dahn), урожд. Ле-Ге (Le-Gay) вышла въ 1833 г. за предъидущаго, и съ 1834 года ангажирована въ Мюнхенѣ, гдѣ сдѣлалась любимницею публики. Она род. въ 1814, а играетъ съ 1830 года. Она очень хороша въ комедіи и въ сентиментальныхъ трагическихъ роляхъ.

Девриентъ (Devrient) одна изъ художественныхъ фамилій Германіи. Девриентовъ трое братьевъ; они племянники величайшаго изъ Германскихъ актеровъ, Лудвига Девриента. Старшій изъ нихъ, Карлъ Августъ Девриентъ, род. въ Берлинѣ въ 1798; второй Филиппъ-Эдуардъ Д., род. тамъ же въ 1801 г., и третій Густавъ Эмиль Д., род. въ 1803 г. Всѣ трое съ

юности имѣли влеченіе къ театру, и всѣ трое отличились на драматическомъ поприщѣ, но въ различныхъ родахъ. Не долго полагать, что ихъ повлекъ къ театру примѣръ знаменитаго дяди; они жили вдали отъ него, и еще въ школѣ славились отличными декламаторами. Отецъ ихъ былъ купецъ, и употреблялъ всѣ возможные старанія для отстраненія ихъ отъ страсти къ театру, вздумалъ было серьезно пресѣчь эти занятія, но все тщетно. По мѣрѣ сопротивленія со стороны отца, возрастала страсть дѣтей, и всѣ трое сдѣлались отличнѣйшими артистами; старшій изъ нихъ наиболѣе одаренъ отъ природы, за то менѣе другихъ основателенъ; второй болѣе другихъ отличается внутреннею силою и художественнымъ возрѣніемъ на сцену; третій наиболѣе надѣленъ талантомъ и тѣми качествами, которыя вообще нравятся публикѣ и рѣшаютъ успѣхъ артиста.

Карлъ Августъ Девріентъ, по желанію отца сдѣлался было купцомъ, но походъ 1815 года, заставшій его въ самые годы, въ которые въ Пруссіи слѣдуетъ служить, призвалъ юношу изъ-за конторки на боеваго коня. Онъ поступилъ въ гусарскій полкъ (8-й) и участвовалъ въ сраженіи при Бель-Алиансѣ. Сабельнымъ ударомъ отсѣкло ему палецъ на правой рукѣ, и онъ долженъ былъ покинуть военную службу. Онъ возвратился къ прежнимъ занятіямъ, къ которымъ ощущалъ отвращеніе, но принуждалъ себя работать въ конторѣ, доколѣ отецъ его не дозволилъ второму брату поступить на сцену. Черезъ годъ послѣ брата своего, въ 1819 г., явился на сценѣ въ Брауншвейгѣ, и Карлъ, съ блистательнымъ успѣхомъ. Въ 1822 году перешелъ онъ на Дрезденскій Театръ, и женился тамъ на пѣвицѣ Вильгельмицѣ Шредеръ, прославившейся въ послѣдствіи подъ именемъ Г-жи Шредеръ Девріентъ (см. это имя.) Бракъ ихъ, однако же, былъ несчастливъ, и они разошлись въ 1828 г. Девріентъ, чтобъ не

встрѣчаться съ женою своею на сценѣ, предпринялъ путешествіе, покинувъ Дрезденскую сцену, посѣтилъ многіе города Германіи, въ 1834 г. былъ въ Петербургѣ, потомъ въ Парижѣ, и съ 1836 года находится въ Карлсруэ. Главное амплуа его роли молодыхъ героевъ и любовниковъ, и роль, въ которой его можно назвать безукоризненнымъ, это — Донъ-Карлосъ.

Филиппъ Эдуардъ Девріентъ, второй изъ братьевъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ живущихъ нынѣ артистовъ и притомъ высокаго образованія ума и характера, открылъ поприще братьямъ своимъ, такъ какъ отецъ его не могъ не признать въ немъ истиннаго призыва къ сценѣ. Прекрасный баритонъ его облегчилъ ему первые шаги на драматическомъ поприщѣ. Занимаясь пѣніемъ, онъ участвовалъ, въ Страстную Пятницу, въ исполненіи большой ораторіи Грауна, въ залѣ Опернаго Театра въ Берлинѣ; голосъ его поразилъ Директора, Графа Брюля, который его убѣдилъ дебютировать въ томъ же году. При первомъ дебютѣ имени его не было выставлено; черезъ три дня послѣ того дебютировалъ онъ во второй разъ — и съ большимъ успѣхомъ. Его немедленно ангажировали къ театру, и онъ тутъ началъ дѣятельно обрабатывать свое пѣніе и игру. Въ 1822 г. предпринялъ онъ первое художественное путешествіе, и заключилъ его поѣздкою въ Вѣну, гдѣ тогда находилась блистательная Италіянская Опера, составленная импрессариемъ Барбаей, и находившейся подъ управленіемъ Россини. Усердіемъ своимъ къ искусству образовалъ онъ изъ себя отличнаго пѣвца и актера, какого можно рѣдко видѣть въ Германіи. Ему были доступны разнородныя роли въ операхъ, и вдругъ — будучи принужденнымъ пѣть въ оперѣ *Templer und die Jüdin*, когда уже чувствовалъ охриплость — онъ лишился голоса безвозвратно. Съ 1834 г. перешелъ онъ на драматическую сцену, и

приобрѣлъ первое мѣсто между всѣми артистами Германіи въ представленіи характерныхъ ролей, благородныхъ характеровъ, свѣтскихъ людей, для чего ему съ вышей степени содѣйствуетъ его образованіе, красивая наружность и ловкость обращенія, приобретенная въ хорошихъ обществахъ. — Съ 1832 г. онъ ангажированъ навсегда къ Берлинскому Театру; онъ игралъ на другихъ сценахъ до 1830 г., т. е. когда еще былъ пѣвцомъ; братья же его разбѣжали почти по всѣмъ большимъ городамъ; вотъ почему онъ не пользуется въ Германіи извѣстностью, которую заслуживаетъ по таланту. Съ 1832 г. выступилъ онъ и драматическимъ писателемъ, писалъ сначала либретты оперъ, потомъ драмы, и наконецъ отдалъ на сцену двѣ прелестныя комедіи, которыя повторяются на всѣхъ сценахъ: *Die Gunst des Augenblicks*, и *die Verirgungen*. Отъ него можно еще ожидать многого, во всѣхъ отношеніяхъ.

Густавъ Эмилъ Девриентъ, младшій изъ нихъ, можетъ быть одаренный наибольшимъ талантомъ, но, безъ сомнѣнія, самый извѣстный и самый любимый изъ трехъ. Выдержавъ, подобно братьямъ своимъ, борьбу съ отцовскимъ желаніемъ, и принудивъ себя заниматься управленіемъ какой-то фабрики въ Цвикау, онъ не могъ не уступить влеченію, и, стараніями старшаго брата, дебютировалъ также въ Брауншвейгѣ, въ 1821 г. Онъ владѣлъ звучнымъ голосомъ, и хотя не обработалъ его, однако же поступилъ въ оперную труппу. Въ 1823 г., въ Лейпцигѣ, посвятился онъ вполне собственной драмѣ. Затѣмъ переходилъ онъ со сцены на сцену, доколѣ, въ 1831 году, его привлекли изъ Гамбурга въ Дрезденъ, гдѣ онъ заключилъ пожизненный контрактъ, который, однако же, не лишаетъ его права давать представленія als Gast. Его считаютъ лучшимъ актеромъ для ролей любовниковъ, изъ жизни всенеднейной или изъ сферы идеальной. Онъ также хорошъ въ характерныхъ, естественныхъ роляхъ всѣхъ ны-

нѣшнихъ піесъ, пущенныхъ въ ходъ Принциессою Амалиею Саксонскою. Нынѣ онъ восхищаетъ Петербургскую публику.

Деммеръ (Эдуардъ, Demmer) игр. въ Карlsruэ., род. въ Мангеймѣ, въ 1791 г., отличается въ роляхъ интригантовъ остроумною и благопристойною игрою, къ которой, однако жъ, должно сначала привыкнуть.

Денкеръ (Марія, Denker) при Придв. Т. въ Вѣнѣ, хороша въ роляхъ мягкосердыхъ и сострадательныхъ характеровъ.

Дерингъ (Теодоръ, Döring) игр. въ Стутгартѣ, род. въ 1805 г. въ Варшавѣ, учился въ Берлинской Гимназіи, и посѣщая Королевскій Театръ, гдѣ блистали Вольфъ, Девриентъ, Леммъ и др., воспламенился къ драматическому искусству. Первые опыты его происходили на театрѣ любителей (Уранія), потомъ состоялъ онъ долгое время въ разныхъ странствующихъ труппахъ, пока наконецъ не явился на Гамбургскомъ Театрѣ, въ 1836 г., съ блистательнымъ успѣхомъ; оттуда перешелъ онъ въ Стутгартъ, въ 1838 г., на мѣсто Зейдельмана. Его можно причислить къ небольшому кругу гениальныхъ артистовъ Германіи, и онъ во многомъ напоминаетъ игру Лудвига Девриента. Не многіе артисты показываютъ такую дѣятельность и такое стремленіе къ достиженію возможнаго совершенства на сценѣ, какъ Дерингъ; къ тому же, онъ обладаетъ искусствомъ разнообразить роли свои — искусствомъ, рѣдкимъ въ наше время.

Джентильомо-Шпацеръ (Gentilomo-Spazzer) одна изъ лучшихъ нынѣшнихъ пѣвицъ Германіи, ангажирована къ Нѣмецкой Оперѣ въ Парижѣ. Она и сестра ея, дѣвица Шпацеръ, родились въ Венгріи, старшая въ 1817, вторая около 1820 г. Первые дебюты старшей происходили въ Пестѣ и Вѣнѣ, гдѣ она вышла за учителя музыки Джентильомо. Послѣ того, ѣздили онѣ по Германіи, были ангажированы въ Ганноверѣ, лѣтомъ 1840 года объѣздили всѣ прирейнскія страны,

и постигли Берлинъ; эта поѣздка по городамъ, наполненнымъ блистательнѣйшимъ обществомъ, съѣхавшимся къ минеральнымъ водамъ, распространила ихъ извѣстность, которую онѣ заслуживаютъ вполне по совершенству методы пѣнія, рѣдкому въ наше время. Голосъ старшей сестры сладостнѣе и привлекательнѣе, нежели у младшей, у которой за то голосъ звучнѣе и полнѣе.

Дидике (Фердинандъ, Diedicke), Десаускій пѣвецъ, обладаетъ пріятнымъ теноромъ; род. въ 1805 г.

Дикманъ (Марія, Dickmann), въ Бреславлѣ, пріятная пѣвица, знающее свое искусство основательно; род. въ 1819 г., образовалась въ Берлинѣ, дебютировала тамъ въ 1837 г., и въ 1840 поѣхала въ Ганноверъ, а оттуда въ Бреславль, гдѣ ее и ангажировали. Голосъ ея не силенъ, но обработанъ, и она особенно отличается игрою, какъ въ трагическихъ, такъ и комическихъ операхъ.

Дицъ (Dietz) теноръ въ Мюнхенѣ, являвшійся съ успѣхомъ на многихъ сценахъ въ Германіи.

Доблеръ (Юсепъ Алонсъ, Dobler), игр. въ Стутгартѣ; одинъ изъ лучшихъ басистовъ Германіи, род. 1796 г. Онъ началъ учиться богословію, но отличный голосъ и страстная охота къ музыкѣ, побудили его предаться вполне этому искусству. Онъ бѣжалъ въ Вѣну, и опредѣлился тамъ тайно хористомъ на театрѣ у Каринтійскихъ Воротъ. Затѣмъ перешелъ онъ на сцену въ Линцъ, оттуда во Франкфуртъ, и въ 1825 г. объѣздилъ всю Германію. Въ 1833 г. ѣздилъ онъ въ Лондонъ, и потомъ опредѣлился къ Стутгартскому Театру. Онъ хорошъ собою, играетъ съ глубокимъ чувствомъ и любить изучать свое искусство.

Дюранъ (Августъ, Dürand), род. въ 1790 г. въ Силезіи, ученикъ Гёте, и съ 1812 г. постоянно состоитъ при Веймарскомъ т. Его игра отличается классическимъ, но притомъ отважнымъ спокой-

ствіемъ, тонкими оттѣнками и выпканіемъ въ самыя тайныя намѣренія автора.

Дюрингеръ (Филиппъ Яковъ, Düringer) режиссеръ и актеръ въ Лейпцигѣ, род. въ Мангеймѣ, 1819 г., учился въ Гейдельбергскомъ Университетѣ, но по страсти перешелъ на театръ. Онъ особенно хорошъ въ роляхъ сентиментальныхъ, и по этому нравится болѣе въ чувствительныхъ драмахъ, нежели въ героическихъ пьесахъ.

3.

Зейдельманъ (Карлъ, Seydelmann) безусловно одинъ изъ отличнѣйшихъ живущихъ нынѣ драматическихъ артистовъ, род. въ 1795 г. въ Глацѣ, въ Силезіи. Уже въ юности, когда онъ еще посѣщалъ Гимназію, обнаружился его мимическій талантъ, котораго ничто не могло остановить. Его назначали въ правовѣды, но влеченіе къ сценѣ превозмогло всѣ старанія его, и онъ никакъ не могъ занять юриспруденціею серьезно. Въ 1813 г. поступилъ онъ рядовымъ въ военную службу. Въ послѣдствіи находимъ мы его начинающимъ актеромъ въ Бреславлѣ, гдѣ ему сначала не посчастливилось, и гдѣ назвали игру его педантскою, неловкою и малообщающею. Такіе приговоры близорукой критики не должны никогда отбивать у дебютантовъ охоты къ дальнѣйшимъ стараніямъ, такъ какъ величайшіе драматическіе таланты Германіи, Брокманъ и Девріентъ, были названы при дебютахъ бездарными. Въ Ольмюцѣ и Грейцѣ онъ также не имѣлъ большого успѣха, и только въ Прагѣ оцѣнили въ первый разъ его талантъ. Оттуда поѣхалъ онъ въ Кассель, игралъ тамъ съ большимъ успѣхомъ, и былъ затѣмъ ангажированъ въ Дармштадтѣ. Изъ Дармштадта перешелъ онъ въ Стутгартъ, гдѣ его ангажировали, въ 1829 г., на всю жизнь. Онъ, однако, въ 1831 г., поѣхалъ въ Вѣну, и имѣлъ тамъ столь рѣшительный успѣхъ, что съ третьяго представленія ему предложили пожизненный ангажементъ, кото-

рый онъ, однако, не принялъ, такъ какъ Король Виртембергскій предписалъ ему возвратиться въ Стутгартъ, прибавивъ къ содержанію 1000 гульденовъ. Лѣтомъ 1837 г. давалъ онъ представленія въ Берлинѣ, увѣнчавшіяся самымъ блистательнымъ успѣхомъ; этотъ успѣхъ и многія непріятныя отношенія побудили его нарушить Стутгартскій контрактъ, и поступить на Берлинскую сцену, на всю жизнь. Характеризировать его въ художественномъ отношеніи и оцѣнить его талантъ не легко, по крайней оригинальности его дарованій. Въ немъ находится многое, отнюдь не соглашающее между собою — большія слабости при огромныхъ способностяхъ; по этому-то самому, многіе не могутъ произнести о немъ рѣшительнаго мнѣнія, и въ отзывахъ о немъ находятся величайшія крайности — безусловное порицаніе и совершенное боготвореніе. Вообще же достоинство Зейделяманна можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ. Все искусство его основывается на умномъ расчетѣ, подкрѣпленномъ особеннымъ дарованіемъ осуществлять умственные результаты наружными вспомогательными средствами. Для этого безспорно требуется великій талантъ, подкрѣпляемый глубокомысленными размышленіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сознаться, что для артиста такого рода должно назначить особую, отдѣльную отъ другихъ сферу: у него не достаетъ важнаго элемента — вдохновенія, возвышающаго игру актера до совершенства. Здѣсь не должно разумѣть подъ словомъ *вдохновенія* тѣхъ восторженныхъ криковъ обыкновенныхъ кулисныхъ героев, которыми публику подчиваютъ, почти всегда не кстати, многіе Нѣмецкіе артисты; но есть вдохновеніе, въ которомъ художникъ сознается по внутреннему убѣжденію, и которымъ минутное одушевленіе получаетъ какъ бы высшее свое достоинство: оно облагораживаетъ художественное чувство, возноситъ силу артиста и увлекаетъ зрителя! Оно составляетъ душу, жизнь истинно художественной сценической игры, и ею развивается постепенно созданіе роли артистомъ. Въ этомъ отношеніи былъ великимъ мастеромъ покойный Девріентъ, являвшійся сначала на сценѣ совершенно спокойнымъ, и мало по малу одушевлявшійся до того, что потрясалъ зрителей. Зейделяманнъ, напротивъ того, выказываетъ характеры и положенія дѣйствующихъ лицъ уже совершенно развитыми, и потому не можетъ производить столь сильныхъ эффектовъ. Вотъ почему можно имѣть понятіе о его игрѣ, хотя даже видѣлъ его въ одной части роли; у него рѣдки минуты, въ которыя онъ развиваетъ какую-либо сильную черту въ роли. Изображеніе имъ характеровъ поразительно; съ тончайшимъ наблюдательнымъ умомъ подсмотрѣлъ онъ множество характерныхъ чертъ, особенностей физіономій, и передаетъ ихъ съ увѣренностью опытнаго художника. Костюмъ его, походка, пріемы, движенія, игра лица, голосъ, все содѣйствуетъ къ достиженію цѣли, рѣзко бросающейся въ глаза; но, за то, послѣ нѣсколькихъ явленій, можно угадывать игру Зейделяманна въ разныхъ положеніяхъ его роли. Не говоря уже о великихъ артистахъ, каковы Флекъ, Тальма, Экгофъ и др., обладавшими этимъ сценическимъ вдохновеніемъ, многіе изъ нынѣшнихъ даже второстепенныхъ актеровъ въ этомъ отношеніи превышаютъ Зейделямана. Ему препятствуетъ въ томъ какъ бы самая наружность его; органъ у него не звучный, не имѣетъ модуляцій, и въ особенности не можетъ быть усиленъ; даже въ языкѣ его есть недостатокъ, такъ что онъ не можетъ произносить нѣкоторыя буквы. Эти недостатки были, впрочемъ, и у Девріента, и у Ифланда. Тѣмъ болѣе должно удивляться, что онъ умѣлъ не только превозмочь всѣ эти недостатки, но даже извлечь изъ нихъ всю возможную пользу для себя, и владелъ ими могущественно и съ увѣрен-

ностію. Какъ мы уже сказали, Зейдельманнъ вознаграждаетъ недостатокъ минутъ вдохновенія обильною галереєю разнообразѣйшихъ портретовъ. Онъ начинаетъ создавать характеръ лица не на сценѣ, а еще за кулисами, и совершенно превращается въ представляемое имъ лице. Главныя созданія его въ этомъ родѣ, во-первыхъ, Лудовикъ XI, совершеннѣйшее изображеніе тирана и святоши; во-вторыхъ, Кромвель, весь вылитый изъ бронзы; далѣе Шейлокъ, картина, писанная теплыми красками юга; Осипъ, въ драмѣ Изидоръ и Ольга, написанной въ Русскихъ нравахъ, и мн. др. Очень оригинально, хотя вопреки намѣренія автора, играетъ онъ Мефистофеля, въ Фаустѣ; онъ его представляетъ издачіемъ ада, а не льстецомъ кавалеромъ, представителемъ нынѣшняго сарказма, какимъ его изобразилъ Гёте. Зейдельманнъ весьма хорошъ, сверхъ того, въ роляхъ тонкихъ комедій, гдѣ онъ является безъ внѣшней помощи костюма, и по нимъ-то именно должно судить о всемъ объемѣ его таланта.

Германнъ (Iergmann), нынѣшній режиссеръ Нѣмецкой труппы въ С. Петербургѣ, былъ долгое время Придворнымъ актеромъ въ Мангеймѣ, и тамъ обратилъ на себя вниманіе особенно искусною игрою въ одинъ и тотъ же вечеръ Карла и Франца Моора, въ *Разбойникахъ* Шиллера. Онъ человѣкъ весьма образованный, и игралъ съ успѣхомъ даже на Парижскомъ Первомъ Французскомъ Театрѣ. Подъ его наблюденіемъ образовалась для сцены Г-жа Лилла-Лёве, составляющая нынѣ украшеніе Петербургской Нѣмецкой сцены.

Юстъ (Iost) Мюнхенскій артистъ, одинъ изъ лучшихъ въ Германіи для представленія сильно обрисованныхъ ролей злодѣевъ, и интригантовъ, и мастеръ измѣняться костюмомъ и расписаніемъ лица. Онъ на всѣхъ сценахъ производитъ величайшій эффектъ въ роли Лудовика XI.

Кавачинскій (Kawaczinski) артистъ Кобургъ-Готскаго Театра, извѣстный также своими сочиненіями по части драматургіи и Исторіи театра.

Калисъ (Kalis, также Kalis-Podjera), трагическая артистка въ Пестѣ.

Калеръ (Kaler) пѣвецъ Вѣнской школы, т. е. не обработанный, началъ поприще свое въ Вѣнѣ, и потомъ перешелъ въ Берлинъ, на Кенигштедтскій Театръ.

Карль (Karl), Директоръ Вѣнскаго Театра an der Wien, служитъ образцомъ въ представленіи комическаго лица Штаберле, и вообще очень хорошъ въ роляхъ низшаго комисма.

Карль (Генриетта, Carl) замѣчательная пѣвица въ Пестѣ, род. въ 1802 г. въ Берлинѣ, и воспитывалась тамъ въ казенномъ заведеніи, гдѣ вскорѣ обратили вниманіе на ея голосъ. Ее приготовили къ сценѣ по пожеланію Графа Брюля. Она провела нѣсколько лѣтъ при Берлинскомъ Театрѣ, потомъ путешествовала по Италіи, Испаніи и Франціи, въ 1833 году возвратилась въ Берлинъ, и не смотря на приобрѣтенную ею опытность не имѣла большаго успѣха. Затѣмъ отправилась она въ Петербургъ, гдѣ не только пѣла въ концертахъ, но и играла на сценѣ отрывки изъ большихъ оперъ. Посѣтивъ Москву, она отправилась черезъ Польшу въ Венгрію, гдѣ находится донынѣ.

Кеттель (Іоганъ Георгъ, Kettel), игр. въ Брауншвейгѣ, род. въ 1798 году въ Бронѣ, и прошелъ весь курсъ наукъ въ Вѣнѣ; сначала онъ игралъ въ трагедіяхъ, на Придв. Т., но потомъ посвятился комедіи, и теперь играетъ остроумно, весело и съ юморомъ.

Кеттель (Алоиза, Kettel), урожд. Геллеръ, супруга предыдущаго, игр. въ Брауншвейгѣ же. Она съ 23-го года начала играть роли матерей, и донынѣ (она род. въ 1803 г.) все еще занимается то жею амплуа.

Кобервейнъ (Koberwein) достойный

ветеранъ Придв. Театра въ Вѣнѣ, въ свое время блиставшій въ характерныхъ роляхъ.

Корнетъ (Kornet), хорошій теноръ и ловкій актеръ, род. въ 1700 въ Тироли, дебютировалъ въ Вѣнѣ, и потомъ являвшійся на всѣхъ сценахъ Германіи.

Корнъ (Korn) актеръ того же театра, одинъ изъ лучшихъ нынѣшнихъ артистовъ для ролей весельчаковъ.

Краузе (Krause), басистъ Мюнхенской Оперы, род. въ 1812 г. въ Берлинѣ. Онъ учился Богословію, былъ воспитателемъ въ частномъ домѣ, и сначала пѣлъ только въ духовныхъ концертахъ Академіи Музыки. Отличный голосъ его побудилъ поступить на сцену, въ 1835 году, и онъ дебютировалъ въ Берлинѣ. Затѣмъ перешелъ онъ въ Брауншвейгъ, оттуда въ Вѣну, потомъ въ Грець, и наконецъ его ангажировали въ Мюнхенъ на всю жизнь. Онъ отличается преимущественно глубокимъ знаніемъ музыки.

Краусъ - Враницкая и Зейдлеръ - Враницкая (Kraus-Wranitzki, Seidler-Wranitzki) пѣвицы, пользовавшіяся, въ свое время обширною извѣстностію, дочери Вѣнскаго Капельмейстера Враницкаго. Первая изъ нихъ являлась на многихъ сценахъ Германіи, вторая была сначала любимцею Вѣнской публики, а съ 1811 г. Берлинской, какъ по прелести голоса, такъ и красотѣ. Она сошла со сцены въ 1837 года.

Крелингеръ (Августа, Krelinger) урожденная Дюрингъ, и бывшая замужемъ за Штихомъ; она играетъ на Придв. Т. въ Берлинѣ, и род. тамъ же въ 1795 г. Ифландъ открылъ отличный талантъ молодой дѣвицы Дюрингъ, и усердно занимался ея образованіемъ для сцены. Послѣ него о томъ же дѣятельно заботился Графъ Брюль, поступившій на мѣсто Ифланда въ директоры Берлинскаго Театра. Въ 1807 г. вышла она за отличнаго актера Штиха. При трагической катастрофѣ, случившейся (съ ея мужемъ, раненымъ

Графомъ Блюхеромъ, въ ней возродился талантъ къ трагедіи. По смерти ея мужа, вовсе не отъ послѣдствій раны, вышла она за старшаго сына Берлинскаго банкира Крелингера; въ 1834 г. поступили на сцену обѣ дочери ея, и при этомъ случаѣ Берлинская публика особенно выказала свое участіе къ матери юныхъ дебютантокъ. Извѣстный критикъ Рельштабъ принимаетъ три эпохи жизни Г-жи Крелингеръ: когда она была еще Августою Дюрингъ, въ ней видѣли самую пріятную артистку; въ Г-жѣ Штихъ любовались актрисою, передъ которою все преклонялось; въ Г-жѣ Крелингеръ видимъ, наконецъ, величайшую актрису. Г-жа Крелингеръ одарена отъ природы самою выгодною наружностію для героическихъ ролей, голосомъ звучнымъ, выразительнымъ и гибкимъ для всѣхъ возможныхъ переливовъ. Она съ удивительнымъ искусствомъ постигаетъ идею автора, и создаетъ драматическое лице со всѣми отбѣнками его. Никто не читаетъ стиховъ въ такомъ совершенствѣ, какъ Г-жа Крелингеръ; въ ея жестахъ и въ дикціи ея замѣтна еще старинная школа, но она смягчаетъ ее нѣкоторымъ совокупленіемъ съ нынѣшнюю школу; она равно хороша въ сценахъ пламенныхъ и спокойныхъ, въ роляхъ образованныхъ женщинъ и тонкихъ комическихъ. Ее можно упрекнуть во-первыхъ въ томъ, что она нѣсколько кокетничаетъ на сценѣ, чрезъ что нѣрѣдко охлаждаетъ эффектъ роли, а во-вторыхъ, что у нея есть нѣкоторыя любимыя ухватки, такъ что въ всѣхъ роляхъ видишь одно и то же лице, недостатокъ, впрочемъ, свойственный большей части артистокъ. По смерти великихъ трагическихъ артистовъ Германіи, она составляетъ главную podporу драмы на Берлинскомъ Театрѣ.

Крюгеръ (Георгъ Вильгельмъ, Krüger), бывшій любимцемъ Берлинской публики, но нынѣ уже находящійся на пенсіонѣ, род. въ 1794 г. Онъ сынъ ремесленника, и назначался къ тому же состоянію, но

увлеченный непоборимою страстью къ театру, блиставшему тогда въ Берлинѣ, посвятился сценѣ. Онъ былъ одаренъ большими средствами и въ особенности отличнымъ органомъ, и по этому заслужилъ въ Берлинѣ общее одобреніе. — Въ игрѣ своей онъ никогда не представлялъ отдѣльных, рѣзко очерченныхъ характеровъ, но всегда носился въ идеальныхъ сферахъ, и притомъ красовался пластическимъ изяществомъ манеровъ, звучнымъ голосомъ и декламациею, отчасти даже нѣсколько утрированной. Гете называлъ его Германскимъ Орестомъ. Онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ въ 1833 и 1834 годахъ, и произвелъ на Петербургской сценѣ большой эффектъ; неразлучныя съ тѣмъ утомленія, соединенныя съ упоеніемъ успѣха и удовлетвореннаго самолюбія, имѣли вредное вліяніе на его умственные способности, такъ что онъ впалъ въ глубочайшую ипохондрию, и былъ принужденъ оставить сцену. Онъ живетъ въ Веймарѣ.

Крюземанъ (Густавъ, Crüsemann), игранъ Придв. Т. въ Берлинѣ довольно хорошо роли весельчаковъ, иногда выходя изъ предѣловъ, дозволенныхъ въ фарсѣ.

Кунстъ (Вильгельмъ, Kuntz), род. въ 1798 г. въ Гамбургѣ, неутомимо странствуетъ, всю свою жизнь, съ одной сцены на другую: онъ можетъ похвастаться,

что игралъ на семидесяти разныхъ театрахъ. Въ 1829 г. женился онъ на знаменитой Софіи Шредеръ, которую, однако жъ, покинулъ такъ же скоро, какъ и каждый изъ театровъ, на которыхъ являлся. Въ прошедшемъ году пріѣзжалъ онъ въ С. Петербургъ, и при этомъ случаѣ въ Репертуарѣ была напечатана пространная біографія этого артиста. Онъ произвелъ здѣсь довольно значительный эффектъ, но при безпокойномъ характерѣ имѣлъ различныя столкновенія съ лицами, принадлежащими и не принадлежащими къ театру, отголосокъ коихъ отозвался во многихъ газетахъ Германіи. Онъ совершенно посвятился странствіямъ, и играетъ повсюду als Gast; любимая его сцена — Вѣнскій Театръ an der Wien. Кунтъ очень хорошъ собою, играетъ пламенно, съ талантомъ, но безъ критическаго и эстетическаго духа: цѣль его — минутное впечатлѣніе! Такой родъ игры увлекаетъ въ его пользу массу публики, и нерѣдко ослѣпляетъ даже истинныхъ знатоковъ искусства.

Кунтъ (Kuntz), молодая пѣвица, дочь Профессора, образовалась на средства, дарованныя ей по ходатайству Гумбольдта. Ея прелестнымъ сопрано восхищались уже донынѣ Вѣна, Берлинъ и Брауншвейгъ. Она посѣщала и Петербургъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТРЪ.

Новый театральный годъ (собственно для Александринскаго Театра) начался съ 27-го Апрѣля, дебютомъ вновь ангажированнаго къ Русской драматической труппѣ актера Г. Громова и Г-жи Линской, которая, послѣ нѣсколькихъ дебютовъ въ прошедшемъ году, долго не являлась на сценѣ.

Г. Громовъ, какъ слышно, былъ прежде на одномъ изъ провинціальныхъ театровъ нашихъ, и именно, если не ошибаемся, на Харьковскомъ. Нельзя не одобрить мысли Дирекціи Императорскихъ Театровъ, въ непрерывной заботливости объ улучшеніи Русскаго Театра, рѣшившейся искать сценическихъ дарованій на провинціальныхъ театрахъ. Какъ знать? Можетъ быть, тамъ, на днѣ моря, скрываются перлы драгоцѣнные! Въ самомъ дѣлѣ, прочитайте тѣ извѣстія, которыя присылаются къ намъ изъ провинцій о тамошнихъ театрахъ: какой fuog, какіе восторги возбуждаютъ тамъ многіе доморощенные Кины и Гаррики! Да и неужели же истиннымъ дарованіямъ суждено рождаться только въ столицахъ? Одинъ, безспорно, изъ первыхъ, современныхъ артистовъ нашихъ, М. С. Щепкинъ, прежде нежели перешелъ на столичную сцену, игралъ на провинціальномъ театрѣ. Положимъ, что въ Петербургѣ есть специальное театральное училище, но вѣдь училище не можетъ создавать талантовъ: оно только развиваетъ и совершенствуетъ

ихъ; а если кто не родился актеромъ, того ни какія наставленія, ни какая школа не сдѣлаютъ артистомъ.

Пока мы еще не можемъ ничего сказать рѣшительнаго о Г. Громовѣ: онъ началъ дебюты свои съ такихъ безцвѣтныхъ, съ такихъ неопредѣленныхъ ролей, по которымъ рѣшительно невозможно судить о дарованіи дебютанта: въ первый разъ, какъ мы уже сказали, онъ игралъ роль Романа Бобра, въ Двумужницѣ, а второй — роль Претича, въ новой драмѣ *Святославъ*. Подождемъ рѣшительнымъ сужденіемъ о Г. Громовѣ до тѣхъ поръ, пока больше съ нимъ ознакомимся.

Г-жа Линская, въ первомъ дебютѣ своемъ, по возобновленіи, занимала роль Двумужницы; во второмъ — роль Евдоксин, Болгарской Царицы. Неловкость ея на сценѣ, особенно въ послѣдней роли, въ царской мантии, ни съ чѣмъ сравнена быть не можетъ; а между тѣмъ мѣстами въ ея игрѣ видны одушевленіе и теплота. Ей надобно много труда, много привычки, много изученія, чтобы развитъ дарованіе, котораго пока замѣтны въ ней только признаки.

Второю театальною новостію на Александринскомъ Театрѣ была драма *Святославъ*, сочиненіе молодаго человѣка не безъ дарованія. Автору предстоялъ трудный подвигъ — сдѣлать драму изъ такого предмета, въ которомъ нѣтъ ничего

драматическаго; драма требуетъ страстей, жизни, движенія; а въ историческихъ преданіяхъ о Святославѣ, какъ ни высоки его подвиги, мы ничего этого не находимъ. Его отважные походы противъ Болгаръ составляютъ слишкомъ бѣдную канву для драмы. И что же сдѣлалъ авторъ изъ Святослава? Какъ онъ одраматизировалъ его подвиги? Его походовъ, его отчаянныхъ битвъ нельзя же вывести всѣхъ на сцену, а потому авторъ заставилъ Святослава самого рассказывать о нихъ, и сдѣлалъ изъ него какого-то неумѣстнаго хвастуна, который наконецъ надоедаетъ своими напыщенными рассказами. Вся драма основана на слѣдующемъ содержаніи: Печенѣжская Княжна Таля, переодѣтая въ мужское платье, и страстно влюбленная въ Святослава, вездѣ слѣдуетъ за нимъ, подъ видомъ его оруженосца. Въ Святослава же страстно влюблена и Болгарская Царевна Евдоксія, но та въ мужчину не переодѣвается, за то съ рѣшимостію и отвагою мужчины признается Святославу въ пламенной любви своей къ нему. Суровый герой, съ хладнокровіемъ, достойнымъ варвара, отвергаетъ любовь ея, такъ же какъ и любовь Тали, которой полъ онъ узналъ случайно, отъ ея брата, пришедшаго, съ оружіемъ въ рукахъ, требовать у него сестры своей. Пламенная, страстная Талья, убиваетъ, изъ ревности, Евдоксію, и изъ мщенія, Святослава. Тѣмъ драма и кончится.

Въ этой драмѣ есть два, три прекрасныхъ монолога. Вообще, она написана звучными и легкими стихами.

Дальнѣйшая новость Александринскаго Театра — бенефисъ Г. Григорьева, составленный 1) изъ драмъ Г. Антона Бурницкаго *Помышанный*, 2) комедіи съ куплетами, *Похожденія Петра Степанова сына Столбикова*, соч. Гг. Федорова, Григорьева 1-го и Перепельскаго, наконецъ 3) изъ водевиля Г. Ленскаго: *Барская спѣсь* и *Анютини глазки*.

Драма *Помышанный* есть ничто иное, какъ передѣлка Французской оперетки *La Symphonie*. Идея ея очень стара. Она *помышана*, Отецъ и дочь — вертятся на томъ же самомъ. Здѣсь дѣло все въ томъ, что композиторъ и учитель музыки въ Дрезденскомъ Университетѣ, Альбертъ Миллеръ, за неприличное признаніе въ любви къ какой-то знатной графинѣ, во время публичнаго концерта, былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ и сошелъ съ ума. Сумасшедшаго его выпустили; но онъ не излечился, а по прежнему бредилъ графинею и концертомъ, который онъ сочинилъ и который у него похитили. Въ одинъ изъ припадковъ такой маніи, ученики его, студенты университета, вздумали разыграть его концертъ, который именно у нихъ находился. Первые звуки его поразили: онъ вслушивается, припоминаетъ, мало по малу мысли его свѣтлѣютъ, наконецъ онъ приходитъ въ себя, и совершенно излечивается отъ своего безумія. Знатная графиня, за которую Миллеръ столько пострадалъ, успѣла, во время его болѣзни, не только выйти замужъ, но и овдовѣть; а потому она, въ порывѣ великодушія, отдаетъ свою руку артисту.

Эта небольшая драма написана весьма хорошими стихами.

Комедія съ куплетами *Похожденія Петра Степанова сына Столбикова* заимствована изъ извѣстнаго романа того же имени, соч. Грицька-Основапенка. Не смотря на громкое заглавіе и на соединеніе именъ и умовъ трехъ Гг. сочинителей-водевилистовъ, да четвертаго — родоначальника-романиста, комедія эта не имѣла ни какого успѣха, а напротивъ, чрезвычайно утомила и навела скуку сухостію, растянутостію дѣйствія и однообразіемъ сценъ. Столбиковъ, набитый дуракъ, есть плохая копія съ Митрофанушки, и вдругъ, этотъ Столбиковъ, побывавъ въ военной службѣ и получивъ при оставкѣ чинъ прапорщика, вступаетъ въ канцелярію

знатнаго, умнаго, благороднаго вельможи, который управлялъ какою-то губерніею; онъ служить, глупецъ, до идиотства, служить въ званіи чиновника особыхъ порученій при этомъ вельможѣ, который притомъ очень любить его и ему покровительствуетъ! Гдѣ же тутъ правдоподобіе, и гдѣ логика? Существенное, что въ романѣ Г-на Основьяненки можетъ нравиться, это наивность разсказа, особенный юморъ автора, занимательность мелкихъ подробностей, все это въ комедіи трехъ нашихъ водевилистовъ исчезло совершенно. Изъ романа вышелъ длинный, сухой и плохой водевиль, въ четыре акта, названный, Богъ знаетъ почему, комедіей съ куплетами.

Даже и талантъ Г-на Мартынова не могъ спасти этой, такъ называемой комедіи отъ паденія.

Водевиль *Барская Спѣсь и Анютини Глазки* знакомъ нашимъ читателямъ, а потому мы и не станемъ разсказывать его содержания. Онъ не имѣлъ успѣха на Петербургской сценѣ, хотя въ этомъ отнюдь не виноватъ авторъ. Публика была утомлена предшествовавшей четырехъ-актной комедіей, и милая бездѣлка Г-на Ленскаго прошла незамѣченною.

Въ бенефисъ Г-жи Дюръ, 11-го Мая, даны были: новая драма, переведенная съ Нѣмецкаго П. Г. Ободовскимъ: *Христина, Королева Шведская*, въ трехъ дѣйствіяхъ; водевиль Н. А. Коровкина: *Настинька, провинціальныя сцены*, и оригинальный водевиль неизвѣстнаго автора: *Фонарь*, раздѣленный на три декорации. Объ этомъ бенефисѣ, за недостаткомъ времени, скажемъ въ слѣдующемъ номерѣ.

МИХАЙЛОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Japhet, ou la recherche d'un père (Іафетъ), комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Скриба; *Les mémoires du diable* (Записки демона), «фантастическая піеса,» въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Гг. Этьена Араго и Поля Вермона; (Бенефисъ Г-на Верне, 5-го Мая).

Комедія *Japhet*, которой содержаніе заимствовано изъ извѣстнаго романа Марріета, переведеннаго и на Русскій языкъ, принадлежитъ къ числу самыхъ не замѣчательныхъ піесъ Скриба. Нашъ талантливый Верне избралъ ее видимо только для составленія пяти необходимыхъ бенефис-

ныхъ актовъ. Характеровъ въ ней нѣтъ, остроумія мало, завязка слажена на скорую руку. Все, чѣмъ можетъ похвалиться она, это двѣ или три забавныя сцены. Въ этой комедіи дѣло все состоитъ въ томъ, что нѣкто господинъ *Timothée*, не знающій ни роду, ни племени, всячески старается отыскать отца пріятеля своего, молодого адвоката Іафета, тоже не знающаго ни рода, ни племени, и послѣ двухъ-актныхъ поисковъ, открываетъ, что Іафетъ есть сынъ какого-то негодяя, а онъ самъ, господинъ *Timothée*, сынъ богатаго Лорда и наследникъ огромнаго имѣнія. По слу-

чаю этого открытія, онъ женить Іафета на сестрѣ своей, открытой имъ вмѣстѣ съ своимъ происхожденіемъ и наслѣдствомъ, а самъ, впрочемъ, не вовсе охотно, дѣлается миллионеромъ и лордомъ. За то эта комедія и прошла незамѣтно. Публика почти ничему не аплодировала въ ней и, по окончаніи ея, не вызвала никого, не смотря на то, что Гг. Верне и Дюфуръ очень хорошо сыграли свои роли.

Но *Записки демона* имѣли такой успѣхъ, подобнаго которому, сколько мы знаемъ, давно не имѣла на здѣшней Французской сценѣ ни одна піеса. Почти за каждый куплетъ этой піесы, почти за каждую ея сцену, публика, замѣтите: *публика нашего Французскаго Театра*, благодарила артистовъ громкими, единодушными рукоплесканіями; во время антрактовъ ея слышались въ партерѣ клики одобренія, а когда мы выходили изъ те-

атра, еще отовсюду гремѣло, при оглушительныхъ плескахъ: *вспыхъ! вспыхъ!* Гг. Алланъ и Дюфуръ успѣли уже, каждый два раза, откланяться публикѣ за шумные вызовы. Три, а можетъ быть и болѣе, вызова на долю одного артиста: да это событіе въ здѣшнемъ Французскомъ Театрѣ! Это такое явленіе, подобнаго которому намъ еще не случалось видѣть въ немъ.

Въ одной изъ книжекъ Репертуара на нынѣшній годъ было уже говорено вкратцѣ о содержаніи *Записокъ Демона*; по ихъ необыкновенному успѣху въ бенефисъ Г. Верне, должно было бы намъ передать содержаніе ихъ подробнѣе, но такъ какъ этотъ водевиль уже заготовленъ къ печати и будетъ помѣщенъ въ слѣдующей книжкѣ нашего изданія, то не хотимъ лишать читателей удовольствія неожиданности и интереса.

РЕПЕРТУАРЪ.

IV. СМѢСЬ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ АРТИСТОВЪ.

Замѣчательно, что почти всѣ славные актеры и актрисы принимали горячо къ сердцу похвалу и порицаніе рецензентовъ. Наружно, быть можетъ, они и хвалятся равнодушіемъ, но въ душѣ проносится совсѣмъ другое, и общественная похвала для нихъ не бездѣлица. Напримѣръ, знаменитый Тальма готовъ былъ читать десять разъ десять страницъ, исполненныхъ похвалъ на счетъ его игры, а Марсъ не могла заснуть, если узнавала, что ее порицали въ какомъ нибудь журналѣ. Девріентъ, живъ въ Берлинѣ, старался быть съ литераторами въ ладахъ, и при каждой новой, значительной роли, писалъ письма къ извѣстнымъ журналистамъ, объясняя въ нихъ свои виды и намѣренія. Ифландъ, напротивъ, объяснялся съ журналистами словесно.

Артисты, въ сущности, много выигрываютъ отъ этого и для настоящей, и для будущей своей славы, ибо, кромѣ печатныхъ похвалъ, они ничего послѣ себя не оставляютъ.

Знаменитый Брокманъ представляетъ собою разительный примѣръ, до какой степени обманчиво наружное равнодушіе артиста къ печатнымъ отзывамъ. Брокманъ часто говаривалъ: «Какое мнѣ дѣло, хвалить или бранятъ меня. Если публика хорошо принимаетъ меня, значитъ, я достигъ своей цѣли, а все прочее предметъ посторонній.» Брокманъ говаривалъ также, что онъ никогда не обращаетъ вниманія на журналы, и никогда не читаетъ статей о

театрѣ и своей игрѣ. Случай обнаружилъ истинный образъ мыслей этого актера, когда онъ потерялъ двѣсти гульденовъ ассигнаціями. Объявивъ въ газетахъ о потерѣ, артистъ просилъ о возвратѣ денегъ, если онѣ въ рукахъ честнаго человека, и замѣтилъ въ объявленіи, что ассигнаціи лежали въ номерѣ театральнаго журнала. Какъ вы думаете, кто нашелъ деньги? Рецензентъ актера! Журналъ былъ согнутъ на той страницѣ, гдѣ начинался разборъ игры Брокмановой въ Гусситахъ подъ Наумбургомъ, а на полѣ было написано рукою артиста: «господинъ рецензентъ могъ бы написать обо мнѣ кое-что побольше. Любезный Дауеръ, вы, вѣрно, переговорите съ нимъ объ этомъ, при случаѣ.»

Придворный актеръ Дауеръ тайно доставлялъ Брокману всѣ критики, а потомъ его слова передавалъ рецензентамъ.

СУДЬБА И ВЕЛИКІЙ АРТИСТЪ.

Во времена Имперіи, Оберъ служилъ въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ, но съ паденіемъ Наполеона остался ни при чемъ. Что дѣлать безъ друзей, безъ надежды? Съ горя, принялся онъ за музыку, которою занимался прежде для препровожденія времени; первыя, написанныя имъ опереты понравились, и отставной чиновникъ превратился въ композитора. Теперь Оберъ, какъ извѣстно, Директоръ Королевской Музыкальной Консерваторіи, и, вѣроятно, не помѣняется своимъ мѣстомъ ни съ однимъ Начальникомъ Отдѣленія.

НѢМЕЦКАЯ ОПЕРА ВЪ ПАРИЖѢ.

Вотъ что пишетъ Кастиль-Блазъ о Нѣмецкомъ Театрѣ въ Парижѣ: Театръ Ваптадуръ есть каравансарай, который столица наша отдаетъ въ распоряженіе чужеземныхъ пѣвцовъ. Въ этомъ блестящемъ пріютѣ,—въ пріютѣ, гдѣ восхищались мы чудными голосами Италіянцевъ, водворится Нѣмецкая труппа. Она обѣщаетъ намъ весьма богатый репертуаръ: на объявленіи его красуются имена Глюка, Моцарта, Бетговена; имена заманчивыя для того, кто съ давняго времени основательно изучилъ прекрасныя произведенія этихъ отличнѣйшихъ композиторовъ. Я говорю отличнѣйшихъ, это мое частное мнѣніе, котораго я никому не называю. Изъ *Волшебной флейты*, молодымъ дилетантамъ знакома одна только увертюра. Тоже самое должно сказать и объ *Ифигеніи въ Авлидѣ*; а *Ифигенію въ Тавридѣ* знаютъ они только по названію. Но Нѣмецкіе пѣвцы исполняютъ намъ эти образцовыя произведенія, эти сокровища, лѣтъ двадцать тому назадъ покинутыя нами, теперь неблагодарно забытыя нами. Сверхъ *Свадьбы Фигаро*, *Волшебной Флейты*, *Донъ-Жуана*, Моцарта; *Фиделіо*, Бетговена; *Фрейшюца*, *Эврианты*, Вебера и обѣихъ *Ифигеній*, Глюка, будутъ исполнены лучшія произведенія новѣйшихъ композиторовъ, а именно: *Der Templer und die Jüdin*, *Hans Heiling*, Маршнера; *das Nachtlager in Granada*, *Libussa*, Крейцера; *Hans Sachs*, *Czar und Zimmermann*, Лорцинга; *des Adlers Horst*, Глезера и пр. Вотъ имена артистовъ, составляющихъ эту труппу; города, изъ которыхъ они прибыли къ намъ, могутъ служить для нихъ рекомендаціею.—Теноры: Шмецеръ, изъ Брауншвейга; Брейтингъ (у Кастиль-Блаза: Брейлинъ) изъ Петербурга; Франкъ, изъ Дрездена; Вольфъ и Гинтербергеръ, изъ Майнца. Шмецеръ и Брейтингъ принадлежатъ къ числу первоклассныхъ теноровъ въ Германіи. Альты и контральты: Г-жа

Луцеръ, изъ Вѣны; Г-жа Джентильомо (*Gentiluomo*), то же изъ Вѣны; Г-жа Шуманъ, изъ Майнца, Г-жа Фишеръ-Ахтенъ, изъ Брауншвейга; Г-жа Шульце, изъ Берлина; Г-жа Зебургъ, изъ Майнца; Гг. Валькеръ и Фрелихъ. Г-жи Луцеръ, Фишеръ-Ахтенъ и Шуманъ—пѣвицы превосходныя. Басы и баритоны: Пекъ, изъ Брауншвейга; Детмерсъ изъ Дрездена; Обергоферъ, изъ Карлсруэ, Эммерихъ; Германъ и Мелингеръ, изъ Майнца. Пекъ и Детмерсъ—басы весьма замѣчательные. Пятьдесятъ Нѣмецкихъ хористовъ! Рекомендовать ихъ, кажется, нѣтъ надобности: хористы этой націи извѣстны. — Значить, Парижскому великосвѣтскому обществу нечего жалѣть Италіанскую оперу. Лаблашъ съ товарищами только что успѣлъ оставить Булонь, въ которомъ задержала его непогода, а Нѣмецкая труппа уже здѣсь. Въ Парижѣ теперь столько пріятнаго, что по деревнямъ разѣдуются не ранѣе, какъ въ концѣ Іюня. До того времени, дилетанты наши могутъ выслушать полный курсъ Германской музыки. Великосвѣтское общество желало удержать здѣсь своихъ Италіянцевъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ удовольствіе, доставляемое ими, не замѣнится не менѣе того пріятными лѣтними удовольствіями. Теперь Шуманъ, съ своею труппою, замѣнитъ Италіянцевъ. Это измѣненіе репертуара и талантовъ будетъ новымъ источникомъ наслажденія. Въ продолженіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, мы сдѣлали большіе успѣхи въ музыкѣ, и Г. Шуманъ, безъ сомнѣнія, останется доволенъ своимъ пребываніемъ въ Парижѣ, и пр.

ФОРТЕПІАНО Г-ЖИ КАТАЛАНИ.

Въ 1816 году, Г-жа Каталани управляла Италіанскимъ Театромъ въ Парижѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ была *prima donna assoluta* этой труппы. Разъ, вздумалось ей спѣть, въ антрактѣ одной оперы, бравурную арію, съ аккомпаниментомъ одного только фортепіана. Въ тотъ

же самый день, когда пришла ей эта мысль, она сказала своему мужу, послѣ репетиціи: «Надобно понизить это фортепіано; такъ какъ есть, оно никуда не годится. Но позаботьтесь, чтобы оно было понижено къ нынѣшнему вечеру.» Г. Валабригъ, какъ мужъ угодливый, тотъ же часъ отдалъ необходимыя приказанія.

Когда первое дѣйствіе оперы было сыграно, Г-жа Каталани появилась на сценѣ, гдѣ ее ожидали уже фортепіано и музыкантъ, который долженствовалъ акомпанировать. При первыхъ звукахъ аріи, Г-жа Каталани замѣчаетъ, что фортепіано вынуждаетъ ее пѣть гораздо выше, чѣмъ бы слѣдовало; однако жъ, она не смущается, не измѣняетъ себя, и арія исполняется. Но, по окончаніи ея, Г-жа Каталани отыскиваетъ за кулисами мужа своего, и гнѣвно говоритъ ему:

— Я, сударь, просила васъ... Я приказывала, чтобы фортепіано было понижено, а вы и не подумали объ этомъ!...

— Да оно и понижено, отвѣчаетъ мужъ; я самъ смотрѣлъ... я докажу вамъ, что оно понижено... Эй, Шарль!

Является машинистъ Шарль; Г-жа Каталани съ изумленіемъ смотритъ на него и на мужа.

— Шарль, говоритъ мужъ Г-жи Каталани, на сколько вы понизили фортепіано?

— На два вершка, отвѣчаетъ машинистъ.

— Ну, вотъ, видите ли, сударыня! восклицаетъ Г. Валабригъ. Цѣлые два вершка! Кажется, довольно понижено.

Не знаемъ, что сказала на это Г-жа Каталани; знаемъ только, что къ ножкамъ фортепіана, которыя машинистъ укоротилъ на два вершка, были придѣланы подставки.

Фортепіано это сгорѣло, въ 1838 году, мѣстѣ съ Фаварскимъ Театромъ.

ДВА АНЕКДОТА.

Одинъ бѣдный странствующій актеръ встрѣчается разъ, близъ театра Gaité, съ однимъ изъ своихъ Парижскихъ собратій. Парижскій артистъ осведомляется о положеніи странствующаго. Сей послѣдній, вмѣсто отвѣта, указываетъ на афишу, прилѣпленную къ стѣнѣ театра Gaité. Парижскій артистъ понялъ этотъ намекъ и, улыбнувшись, что-то положилъ въ руку своего бѣднаго товарища.

На афишѣ, сдѣлавшей истолковательницею желанія странствующаго актера, было напечатано: Prêtez-moi cinq francs! (т. е. одолжите 5 франковъ) названіе пьесы, которая игралась въ тотъ вечеръ.

Другой, также бѣдный актеръ, попросилъ однажды въ займы денегъ у одного своего пріятеля. — Пріятель, у котораго на этотъ разъ не случилось денегъ, предложилъ артисту, вмѣсто ихъ, шесть билетовъ на пользованіе водами. Бѣднякъ подумалъ, что если онъ посидитъ въ ваннѣ, то, можетъ быть, немного забудетъ свой голодъ, и, взявъ билеты, отправился въ заведеніе водъ. Пройдя туда, онъ тотъ же часъ потребовалъ ванну. Слуга началъ готовить ее. Въ это время, артистъ случайно взглянулъ на прейскурантъ, на которомъ было написано: «стаканъ мадеры—75 центимовъ; порція супу—75 центимовъ» и т. п. Артисту нашему пришло на мысль, что онъ можетъ расплатиться за супъ билетомъ на ванну, и въ ту же минуту онъ весело воскликнулъ «Эй, малый! сегодня ванны не нужно, а подай мнѣ порцію супу!»

СЫНЪ ЭДУАРДА.

Между провинціальными артистами, находящимися теперь въ Парижѣ, одинъ честный отецъ семейства рассказывалъ своимъ товарищамъ, что жители одного мѣстечка просили его дать представленіе какой нибудь литературной драмы, и что онъ рѣшился угостить ихъ *Сыновьями Эдуарда* (Les Enfants d'Edouard). Тутъ было, однако жъ, весьма важное препят-

ствіе: у предводителя кочующей труппы состоялъ на лицо всего одинъ Ричардъ. Смѣтливый артистъ, обсудивъ дѣло надлежащимъ образомъ, положилъ уничтожить другаго брата, то есть, слить двѣ роли въ одну, и возвѣстилъ піесу подъ названіемъ: *Enfant d'Edouard*, Дѣтище Эдуарда.

Публика и мѣстное начальство, вѣроятно не совсѣмъ хорошо знакомые съ исторіею Англіи, были очень довольны новою піесою.

мелочи.

— Александръ Дюма возвратился изъ Флоренціи. Онъ написалъ еще новую драму.

— Знаменитый авторъ *Жидовки и Кипрской Царицы*, Галеви, женился недавно на дѣвицѣ Родригъ.

— Послѣ Керубини осталось много важныхъ рукописей. Теперь печатають каталогъ его бумагамъ.

— Редакторъ *Courrier des Théâtres*, за оскорбленіе, сдѣланное имъ печатно директору Комической Оперы, присужденъ недавно къ уплатѣ 10,000 франковъ директору, 2000 фр. особаго штрафа и заключенію въ тюрьму на мѣсяцъ.

— Въ Ливорнѣ строится теперь театръ, который будетъ называться *Россиниевскимъ*.

— Въ Берлинѣ вышло небольшое, но весьма замѣчательное сочиненіе Эдуарда Девриента, подъ названіемъ: *Ueber Theater-schulen*. Оно посвящено Александру Гумбольдту.

— Въ 1840 году, умерли въ Берлинѣ сопрано Томболина и танцовщица Мерони, которые, въ 1780 году, находились уже на сценѣ, а 1801 г. получали по 1000 талеровъ ежегодно пенсіи. Слѣдовательно, государство уплатило имъ одной пенсіи 78,000 талеровъ!

некрологъ.

Въ Дрезденѣ, скончалась, 25-го минувшаго Марта, дѣвица *Адольфина Дарнштедтъ*, на 36-мъ году жизни, отличная піанистка и

основательная наставница. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ она занималась преимущественно fugами Баха и твореніями Гуммеля, что, однако жъ, не мѣшало ей соединить съ важнымъ стилемъ блескъ и быструю новую школы. Излишняя скромность препятствовала покойной артисткѣ познакомиться съ своимъ талантомъ публикѣ; но Саксонская Королева, истинная цѣнительница дарованій, давно избрала Адольфину Дарнштедтъ своею піанисткою, и сама упражнялась съ нею каждую зиму. Дѣвица Дарнштедтъ образовала много первосходныхъ ученицъ, и часто умѣла развивать въ дѣтяхъ дарованіе при помощи своего ласковаго обращенія и, вмѣстѣ, надлежащей важности, которыми отличалась заурокомъ. Она была покорная, исполненная самоотверженія дочь и спутница своего слѣпнаго отца, Профессора Дарнштедта, извѣстнаго гравера; была вѣрный, пламенный другъ, не знала зависти, всегда отдавала должную справедливость блистательному таланту, неутомимо стремилась къ усовершенствованію себя въ искусствѣ, и, строгая сама къ себѣ, обнаруживала трогательное снисхожденіе къ другимъ. Горкія слезы орошаютъ рановременную могилу художницы, для которой всѣ диссонансы жизни слились теперь въ чистѣйшую гармонію.

Въ Апрѣлѣ, скончался *Букильонъ-Вильгельмъ* (Wilhem), Инспекторъ школъ пѣнія въ Парижѣ. Вмѣстѣ съ Рейхою, Шорномъ и Керубини, онъ много содѣйствовалъ къ развитію музыкальнаго вкуса въ столицѣ Франціи. Странно, что покойникъ, для внушенія большей къ себѣ довѣренности, принялъ иностранное прозваніе, Вильгельмъ. Его метода пѣнія послужила основою зданія, воздвигнутаго Шорномъ; но когда это зданіе рушилось отъ охлажденія строителя къ искусству, Букильонъ съ прежнею ревностію принялся за постройку, и положилъ прочный фун-

даментъ своей методѣ. Другъ знаменитаго Беранже, онъ выступилъ на поприще композитора легкими мелодіями, изъ которыхъ многія сдѣлались народными, особенно: *Il faut partir*, *Agnès l'ordonne*; но имѣя характеръ кроткій, спокойный, умъ,

наклонный къ размышлению, и потому страхась препятствій, на каждомъ шагѣ встрѣчаемыхъ композиторами, Букльонъ посвятилъ себя исключительно музыкальному воспитанію, которымъ вообще пренебрегаютъ во Франціи.

IV. ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

Не смотря на весеннее время, театры наши еженедельно обогащаются новостями, и притомъ новостями капитальными. Едва успѣваетъ публика слѣдить за всѣми бенефисами, которые являются одинъ за другимъ съ изумительною быстротою; на будущей недѣлѣ бенефисъ Г-на Каратыгина 2-го, черезъ двѣ недѣли бенефисъ Г. Максимова 1-го, женившагося недавно на Н. С. Аполонской, бывшей доньей украшеніемъ нашего балета. Въ бенефисъ мужа своего она явится, въ первый разъ, на драматической сценѣ. Сказываютъ, что она имѣетъ большія склонности къ комедіи и водевилю.—На Нѣмецкой сценѣ нынѣ играетъ одинъ изъ лучшихъ трагиковъ Германіи, Эмиль Девриентъ, біографію котораго можно найти на стр. 32-й, въ статьѣ о Нѣмецкихъ артистахъ, напечатанной въ нынѣшней книжкѣ Реп. и Пант. До сихъ поръ игралъ онъ Фердинанда, въ трагедіи Коварство и Любовь, и Рихарда, въ Richard's Wanderleben.—На Большомъ Театрѣ давали новую оперу: Робертъ д'Эвере, Графъ Эссекскій, не привлекущую многочисленной публики, и по этому, прошедшую незамѣтно. Молодая пѣвица Г-жа Чекка пѣла роль Аннеты во Фрейшюцѣ. Голосъ ея, однако, не довольно силенъ для огромной залы Большаго Театра. Роль Агаты играла Г-жа Фанниска Миллеръ для перваго дебюта, и пѣла весьма не дурно; голосъ ея звученъ и силенъ.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Въ теченіе Апрѣля играно на всѣхъ Парижскихъ театрахъ 21 новая пѣса; надъ ними трудились 32 автора; возобновлены 12 пѣсѣ, дебютовъ было 7. Въ числѣ новыхъ пѣсѣ были: 1 опера (Нѣмецкая), 2 комедіи, 5 драмъ и 13 водевилей.

Second Théâtre Français. *Le Tribun de Palerme*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, заимствованная молодымъ авторомъ ея, Г-мъ Латуръ де Сентъ-Ибаромъ, изъ временъ Испанскаго владычества въ Неаполь, эпохи уже отчасти истощенной на театрѣ. Герой его, Иосифъ Алеци, страстно любить отечество свое, но его мучитъ честолюбіе; онъ отваженъ, но строгъ. Изъ честолюбія приноситъ онъ въ жертву брата своего, строгостію отторгаетъ отъ себя любовь народную, и уничтожаетъ свою народность. Онъ изгналъ Испанцевъ изъ Сициліи, но ихъ вновь туда призываютъ дворяне; за голову его обѣщана награда, и народъ требуетъ его смерти.—Въ этой драмѣ есть нѣсколько прекрасныхъ сценъ и замѣтно глубокое знаніе сердца человѣческаго.

Théâtre de la Gaîté. *Stéphen*, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, имѣвшая успѣхъ и растрогавшая публику до слезъ. Первый актъ происходитъ во время революціи и ея ужасовъ; Стефенъ главное лице, еще дитя; во второмъ актѣ, по прошествіи семнадцати лѣтъ, мы его уже находимъ возмужалымъ. Стефенъ сирота, и былъ

усыновленъ дядею своимъ, со стороны матери, которая не смѣетъ признать его своимъ сыномъ. Однажды онъ вступаетъ въ ссору, получаетъ пощечину, и горя нетерпѣніемъ смыть съ себя обиду, узнаетъ, что долженъ драться — съ отцемъ своимъ. Въ послѣдствіи отца его убиваютъ, и въ убійствѣ обвиняютъ Стефена: онъ уже готовится на казнь, когда его мать спасаетъ тѣмъ, что гласно объявляетъ о своемъ проступкѣ и о тайнѣ рожденія Стефена.

Théâtre de la Gaîté. *Le diable des Pyrénées*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Этимъ страшнымъ именемъ назывался атаманъ разбойниковъ. Настигнувъ на большой дорогѣ Маркиза де Бриё, бѣжавшаго изъ Бастиліи и старавшагося проникнуть въ Испанію, гдѣ находилась его дочь, онъ нападаетъ на него, но Маркизь убиваетъ нѣсколькихъ разбойниковъ и ихъ атамана. За такой подвигъ разбойники выбираютъ его самого въ атаманы. Маркизь, въ новой должности своей, обираетъ Французскаго Посла, ѣдущаго въ Мадридъ, и съ его бумагами пріѣзжаетъ въ Мадридъ, является ко Двору подъ именемъ посла, и такъ искусно ведетъ дѣла, что Карлъ II передъ кончиною назначаетъ наследникомъ своимъ Герцога Анжуйскаго, изъ дома Бурбоновъ. За это Лудовикъ XIV прощаетъ Маркизу бѣгство, и награждаетъ титулами и почестями, а настоящаго посла отправляетъ съ миссіею въ Марокъ. — Піеса не имѣла большаго успѣха.

Théâtre du Vaudeville. *Les Inconstans*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, нѣсколько напоминаетъ комедію *Монгальяръ*, соч. Розье. Сиръ Вильки получаетъ, съ кузиною своею Еленою, наследство, и что бы его не дѣлить, они рѣшаются вступить въ бракъ между собою. Вдругъ Сиръ Вильки должно ѣхать въ Индію: плачь, вопли и клятвы остаются вѣрными другъ другу. Черезъ двадцать лѣтъ возвращается Вильки, съ молоденькою дѣвицею, Анною, съ которою познакомился въ Индіи и въ ко-

торую, разумѣется, онъ влюбился. Его кузина, съ своей стороны, вздыхаетъ по молодомъ Фредерикъ, но, о горе! Фредерикъ влюбленъ въ Анну, а Анна въ Фредерика: они встрѣчаются, любовь ихъ воспламеняется еще больше прежняго, и они женятся другъ на другѣ, а Вильки ведетъ къ алтарю свою Елену.

Théâtre des Variétés. *Carabins et Carabines*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, изображаетъ веселую, безпечную жизнь Парижскихъ студентовъ, посѣщающихъ гораздо прилежнѣе трактиры и загородные балы, нежели лекціи. Carabin — названіе такого легкомысленнаго студента; carabine — названіе его, не менѣе легкомысленной, подруги. Одинъ изъ такихъ студентовъ находился въ нѣжной перепискѣ съ женою лимонадщика, у котораго они собираются играть въ домино; такъ какъ эта переписка происходила до ея вступленія въ замужство, она требуетъ возвращенія своихъ писемъ, и ей обѣщаются ихъ отдать, съ условіемъ, чтобы она явилась за ними сама. Она рѣшается, идетъ, но застаетъ у студента одного изъ товарищей его, также приволакивающагося за нею. По счастью для нее, у этого товарища есть подруга, Carabine, ревнивая до крайности, которая, узнавъ обо всемъ, забралась заблаговременно въ квартиру, куда должна была идти лимонадщица. На бѣду является туда и мужъ-лимонадщикъ; взбѣшенный этимъ товарищъ нашего студента, открываетъ дверь комнаты, въ которой спрятана жена, но оттуда выходитъ его собственная подруга, въ бѣшенствѣ. Въ добавокъ, онъ получаетъ письмо, въ которомъ его извѣщаютъ, что жена лимонадщика его — сестра, плодъ тайной страсти его отца. Въ этой шуточной піесѣ Левассеръ поетъ пресмѣшную пѣсеньку, полную каламбуровъ.

Théâtre des Variétés. *L'opium et le Champagne*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, наполненъ множествомъ каламбуровъ и ко-

мическихъ сценъ. Въ немъ шампанское представляется молодымъ Французскимъ мичманомъ, котораго играетъ хорошенькая актриса, а опиумъ — пресмѣшнымъ Англичаниномъ; тутъ много толкуютъ о чаѣ, о фарфоровой башнѣ и т. под.

Théâtre des Variétés. *Les deux factions*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, написанъ въ честь національной гвардіи. Двое такихъ гвардейцевъ, стоящихъ въ караулѣ, мѣняются ночными часами своими, одинъ чтобъ воспользоваться любовнымъ свиданіемъ пріятеля своего, а другой, чтобъ услужить другу. Но вотъ, когда обманутый любовникъ стоитъ на часахъ за недостойнаго пріятеля своего, къ его будкѣ приходитъ любовница другаго гвардейца, и онъ находитъ награду своей добродѣтели. Между тѣмъ, вмѣсто любовнаго свиданія, коварный другъ попалъ въ руки ревнивыхъ соперниковъ, и долженъ драться.

Théâtre du Palais-Royal. *Les jeux innocens*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Поль-де-Кока — этого достаточно, чтобъ показать, что водевиль этотъ веселъ, забавенъ и незамысловатъ. У старой ворожеи есть дочь, которую она хочетъ выдать за стараго кучера; но за дѣвушкой ухаживаетъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, который нарядившись старикомъ, втерся въ общество ворожеи. Однажды, играя въ фанты, одну изъ самыхъ пріятныхъ *невинныхъ игръ*, онъ отдаетъ въ фантъ кольцо, которое было подарено его сопернику бывшею любовницею, находящеюся въ томъ же обществѣ. Кольцо это узнаютъ, кучера обличаютъ въ вѣроломствѣ, и молодые любовники счастливы.

Théâtre du Palais-Royal. *Le Mari à l'es-sai*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, хотя полонъ смѣшныхъ сценъ и фарсовъ, однако же вырветъ не одинъ глубокий вздохъ у женщинъ всѣхъ лѣтъ, всѣхъ характеровъ, всѣхъ состояній: какъ славно было бы брать мужей — на пробу! На этой

забавной идеѣ склеенъ Баяромъ и еще кѣмъ-то водевильчикъ, отъ котораго помираютъ со смѣху посѣтителѣ Пале-Рояльскаго Театра.

Théâtre de l'Ambigu-Comique. *Les brigands de la Loire*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, любопытна по истинѣ изображенія политическаго характера эпохи, когда, послѣ паденія Наполеона и по распусcenіи его арміи, составились такъ называемые *Разбойники Луары*.

— Представленія Нѣмецкой Оперы идутъ въ Парижѣ успѣшно. Послѣ Фрейшюпа давали тамъ Іесонду, Спора, а затѣмъ Ночлегъ въ Гренадѣ, Крейцера, понравившійся Парижской публикѣ болѣе, нежели какая либо иностранная опера. Успѣху оперы содѣйствовали таланты тенора Пека и примадонны Г-жи Шуманнъ.

— Въ Комической Оперѣ занимались репетиціями старинной оперы: Красная шапочка, въ которой долженъ былъ дебютировать Г. Огранъ (Audran); однако же, предпочли вывести его въ первый разъ на сцену въ Бѣланъ.

— Танцовщица Луиза Вейсъ дебютировала недавно (въ Робертъ - діаволъ) въ Парижѣ. Этотъ дебютъ ея увѣчался полнымъ успѣхомъ; нѣкоторые Французскія газеты утверждаютъ, что, со временъ Маріи Таліони, еще ни бывало артистки, въ танцахъ которой было бы столько же граціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столько же приличія, какъ въ танцахъ Г-жи Вейсъ.

— Изъ Бордо пишутъ, что на тамошнемъ театрѣ дебютировала въ *Дядь Соперникъ* (Oncle rival) Г-жа Сонне-Лебланъ, извѣстная и Петербургской публикѣ, съ большимъ успѣхомъ. «Совершенно знакомая со сценою, сказано въ журналѣ, она имѣетъ довольно пріятный голосъ и весьма искусно владѣетъ имъ. Быть можетъ, артистка старается слишкомъ о блестящихъ фіоритурахъ, но, во всякомъ случаѣ, приобрѣтеніе ея полезно, и Г-жа Сонне-Лебланъ будетъ у насъ Даморо-Чинти въ мидиаторѣ.»

Г Е Р М А Н И Я.

На Берлинскомъ Драматическомъ Театрѣ (Schauspielhaus) давали недавно въ первый разъ комедію Бауернфельда, подъ названіемъ: «Исправленные» (Die Gebesserten). Бауернфельдъ занимаетъ почетное мѣсто между лучшими Нѣмецкими писателями, и всякая новая пьеса его привлекаетъ многочисленную публику. Комедія «Исправленные» отличается многими достоинствами: умнымъ, острымъ разговоромъ, интересными положеніями, комическими характерами, но почти не имѣетъ собственного дѣйствія. Содержаніе ея очень просто: какой-то профессоръ проводитъ каникулы на дачѣ съ молодою женою, и по своему смиренному, уступчивому характеру, готовъ сдѣлаться ея покорнѣйшимъ и усерднѣйшимъ служителемъ. Хозяинъ дачи и родственникъ профессора, напротивъ, строго и сурово обращается съ своею женою. Оба мужа упрекаютъ другъ друга, и даютъ слово исправиться; жены, съ своей стороны, открываютъ въ себѣ подобныя же недостатки, и также обѣщаютъ исправиться. Баронъ, лице второстепенное, обрисованъ слабо, а изъ прочихъ дѣйствующихъ лицъ замѣчательны студентъ и помощникъ школьнаго учителя. Пьеса и игра актеровъ очень понравились публикѣ. Шарлота Гагнъ играла жену Профессора.

— *Антигона*, трагедія Софокла съ хорами, была, въ теченіе Апрѣля, повторена два раза послѣ перваго представленія. Изъ новыхъ пьесъ, журналы упоминаютъ о трагедіи *Надинъ*.

— На Вѣнскихъ театрахъ, въ последнее время, были играны слѣдующія пьесы: *Die Tochter des Advocaten*, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго Б. А. Германомъ. Эта эффектная драма имѣла въ Вѣнѣ успѣхъ. — *Der alte musiker* «драматическая картина», въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Фридриха Кайзера. Содержаніе этой пьесы весьма просто, но въ высшей степени интересуеетъ зрителя; особен-

но эффектно окончаніе перваго дѣйствія, а діалогъ ея вообще чрезвычайно хорошъ. Она имѣла успѣхъ блистательный: авторъ ея былъ вызванъ не только послѣ обонихъ ея актовъ, но и послѣ многихъ сценъ, во время самаго представленія. *Corrado di Altamura*, «лирическая драма» (трагическая опера), въ двухъ дѣйствіяхъ, слова I. Сакеро, музыка Ф. Риччи. Вѣнскія газеты не хвалятъ либретто этой оперы, а о музыкѣ говорятъ, что она пріятна, но не богата оригинальными идеями.

— Гереръ, новый пѣвецъ Вѣнскаго Придворнаго Театра, являлся съ успѣхомъ въ Неморино (*Любвннь Навитокъ*) и въ Максѣ (Фрейшюцъ).

— Въ половинѣ текущаго мѣсяца, дана будетъ на Веймарскомъ Театрѣ новая трагедія Пруда, подъ названіемъ: «Карль Бурбонъ.»

— Г-жа Гайцингеръ играетъ въ Вѣнѣ, вмѣстѣ съ своею талантливою дочерью, гостинныя роли на Придворномъ Театрѣ, на которомъ явился также, въ роли Гамлета, Грабовскій, придворный актеръ изъ Нассау, молодой человекъ образованный, съ большимъ дарованіемъ. Онъ заслужилъ общее одобреніе.

— Въ Касселѣ, давали въ первый разъ комедію Лаубе «Рококо», имѣвшую большой успѣхъ.

— Эрнстъ давалъ недавно въ Лейпцигѣ концертъ при многочисленномъ стеченіи публики, и послѣ каждой пьесы былъ осыпаямъ шумными рукоплесканіями. Слушателямъ особенно понравились *Драматическая фантазія* для скрипки съ аккомпаниментомъ оркестра, *трио* для фортепіана, скрипки и виолончели, и *элегия* сочиненная и исполненная концертнстомъ, которому Мендельсонъ Бартольди аккомпанировалъ на фортепіанѣ. Но главное торжество своего таланта обнаружилъ Эрнстъ въ пьесѣ *Венеціанскій Карнавалъ*, гдѣ онъ отличается продолжительнымъ статкато.

ИТАЛІЯ.

Въ Неаполѣ дебютировала недавно, съ большимъ успѣхомъ, (въ роли Нормы), молодая пѣвица, Джіузеппина Вильмонъ. Неаполитанскія газеты отзываются съ величайшею похвалою о ея голосѣ и наружности.

— Въ Туринѣ имѣлъ успѣхъ новый балетъ хореографа Астольфи, подъ названіемъ: *Zoraide*.

— Въ Лоди принята съ одобреніемъ новая опера: *Il Contrabandiera*, соч. Перелли.

— Съ 29 Марта, начался въ Миланѣ,

такъ называемый, весенній театральный сезонъ. На театрахъ della Scala и Carcano играютъ оперы, а на послѣднемъ и балеты; на театрѣ Re даются драматическія представленія на Французскомъ, а въ Circo Olimpico—на Италіянскомъ языкѣ. Большая опера Комполы: *La bella celeste degli Spadari*, уже игранная, безъ особаго успѣха, въ 1837 году, нынѣ же вновь передѣланная, была опять играна и опять не имѣла успѣха. Въ Scala обратила на себя большое вниманіе великолѣпная постановка балета Джіон: *Gabriella di Vergy*.

